Cross-Cultural Studies:

Education and Science (CCS&ES)

Volume 3, Issue II, June 2018

The American scholarly journal Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES) is both moderated and refereed
ISSN-2470-1262

The aim of the journal CCS & ES is to present the results of interdisciplinary research in the field of social and humanitarian sciences (Linguistics, Literature, Intercultural Didactics and Smart-Technologies, Intercultural Communication, Migrantology).
The journal supports interdisciplinary studies in the humanities and social sciences.

Editor-in-Chief: Prof. Thomas R. Beyer, Middlebury College, USA

Managing Editor: Prof. Svetlana M. Minasyan, ASPU, Yerevan, Armenia

International Scientific Board:

Prof. Mitsuchi Kitajo, Kyoto Sangyo University, **Kyoto, Japan**
Prof.Tamara Kuprina, Ural Federal University, **Yekaterinburg, Russia**
Prof. Svetlana Minasyan, Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan, **Yerevan, Armenia**
Prof. Turkan Olcay, Istanbul University, **Istanbul, Turkey**
Prof. Anna Petrikova, Prešov University, **Prešov, Slovakia**
Prof. Monica Perotto, Bologna University, **Bologna, Italy**
Prof. Nina Romanova, Moscow State Technical University after N. Bauman, **Moscow, Russia**
Prof. Wang Liye., Beijing Foreign Studies University, **Beijing, China**
Malebo Matshane, South African Embassy: Moscow, First Secretary: Immigration and Civic Affairs, **South Africa**

Editorial Board:

Rafaela Božić, Associate Professor, Ph.D., University of Zadar, **Zadar, Croatia**
Simona Berardi, PhD, Bologna University**, Forli, Italy**
Elena Ciprianová, Associate Professor, Ph.D., Constantine the Philosopher University, **Nitra, Slovakia**
Simona Koryčánková, Assoc. Prof. Ph.Dr. Mgr. Ph.D., Masaryk University, **Brno, Czech Republic**
Olha Ruda, Associate Professor, Ph.D., Constantine the Philosopher University, **Nitra, Slovakia**
Ludmila Szypielewicz, Professor, Faculty of Applied Linguistics, University of Warsaw, **Warsaw, Poland**
Rafael Guzman Tirado, Doctor of Philology, Professor of Slavic Department of Granada University, **Granada, Spain**
Koichi Toyokawa, Doctor of Philosophy in the field of History and Area Studies, Professor at Meiji University, **Tokyo, Japan**
Armen Tsaturyan, Doctor of Pedagogics, Professor, H. Tumanyan Vanadzor State University, "Vanadzor Special School of Deep Teaching Mathematics and Natural Sciences" SNPO, **Vanadzor, Armenia**
Natalia Ushakova, Doctor of Pedagogics, Professor at V.N. Karazin Kharkiv National University, **Kharkiv, Ukraine**
Neeraja Jaiswal, Doctor of Philology, Professor, Head, Dept. of Russian Studies and Dean, School of European Languages, the English and Foreign Languages University, **Hyderabad, India**

Address for correspondence and submissions:
Prof. Thomas R. Beyer
e-mail:beyer@middlebury.edu
infoccs.edu@gmail.com
***Tel:* +001-802-233-9447**
Web: http://sites.middlebury.edu/ccses/
www:j-ccses.org

WorldCat (OCLC) - *Logos of some of our partners in the WorldCat knowledge base: ProQuest, EBSCO, Elsevier, Springer, Taylor and Francis, McGraw Hill Education, Wiley, Ingram, Cambridge University Press, Gale Cengage Learning, ebrary, Oxford University Press.*

The scientific journal is registered with Library of Congress, International center 227/07, Section ISSN Publisher liaison

The Library of Congress
101 Independence Avenue SE
Washington, D.C. 20540-4284

Scientific Index- РИНЦ

Publisher address: Russian Department, Middlebury College, Middlebury, Vermont 05753, USA

The journal is issued three times a year. Articles are accepted from 1 February to 1 November in the preliminary application. Authors' opinions may not correspond with the editorial standpoint

Copyright © CCS&ES

Thematic Orientation

1. Literature and Culture: Historic and Contemporary
2. Contemporary Philology
3. Contemporary Issues of Linguistics and Translation
4. Theory and Methodology of Bilingual and Multilingual Education
5. Cross-Cultural Communication and Management
6. Intercultural Pedagogy: Theory and Practice.
7. Informational and Smart Technologies for Education
8. Socio-cultural Issues of Migration and Demography
9. Mathematical modeling of socio-cultural processes

Reviews and Notes
News

CONTENTS

Literature and Culture: Historic and Contemporary

THE STRATEGY OF I.K. KIRILOV TOWARD THE SOUTH-EAST RUSSIA-*Koichi Toyokawa, University Meiji, Tokyo, Japan* **7**

THE GEOPOLITICS OF TRANSCAUCASIA AND RELATIONS AMONG THE STATES OF GEORGIA, RUSSIA, TURKEY BETWEEN 1920 AND 1921-*Nugzar Zosidze, Batumi Shota Rustaveli State University, Batumi, Georgia* **21**

FEATURES OF THE SPATIAL ORGANIZATION REPRESENTED IN ANDREY BELY'S NOVEL "THE SILVER DOVE"- *Diana I. Kaparushkina (Diana Jang), University "Sun Moon", Asan, Republic of Korea* **31**

THE EVOLUTION OF THE FORM OF ART AS A SUCCESSIVE ALTERATION OF CULTURAL PARADIGMS CONSIDERED BASED ON THE CONCEPT OF SOCIO-CULTURAL DYNAMICS OF PITIRIM SOROKIN - *Margarita G. Perestoronina, Maxim Gorky Literature Institute, Moscow, Russia* **40**

POETIC THANATOLOGY IN THE DISCOURSE OF ART CREATIVITY OF M. TSVETAEVA AND V. MAYAKOVSKY – *Maiia M. Polekhina, Moscow State Institute of International Relations (University), Odintsovo, Russia* **50**

ANDREY BITOV IN THE LANDSCAPE – *Elena A. Shuvaeva-Petrosyan, The Literary Institute after A. M. Gorky, Moskow, Russia* **64**

READING OF LITERARY CHARACTERS AS AN ELEMENT OF A NON-EVENT IN «BELKIN'S TALES» BY A.S. PUSHKIN – *Kuralay B.Urazayeva, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Zhanargul Azkenova, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan* **70**

Contemporary Philology

INDIVIDUAL WORD CREATION OF THE POET VASILY KAMENSKY-*Darya Khalyavina (Korobkova), Marina Droga, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia* **80**

STUDY OF ASPECTS OF VERB AND CONVERS IN WORKS OF 19th CENTURY FROM THE POINT OF VIEW OF TEXT LINGUISTICS - *Mitsushi Kitajo, Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan* **88**

THE VALENCY OF TRANSITIVE VERBS ACCORDING TO OBJECT-ADJUNCTION IN MODERN ARMENIAN – *Gurgen Khachaturyan, Vanadzor State University after H. Toumanyan, RA NAS Institute of Language after H. Acharyan, Vanadzor, Armenia. Silva Muradyan, Vanadzor State University after H. Toumanyan, Vanadzor, Armenia.* **98**

Contemporary Issues of Linguistics and Translation

DISCOURSE MODEL OF LITERARY TRANSLATION. S. MARSHAK AND E. BAGRITSKII – TRANSLATORS OF R. BURNS' BALLAD "JOHN BARLEYCORN" – *Kuralay B. Urazayeva, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Aigul Yessentemirova, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan* **107**

Intercultural Pedagogy: Theory and Practice

INNOVATIVE TECHNOLOGIES AT AN EARLY STAGE OF TEACHING A FOREIGEN LAUNGUAGE – *Svetlana A. Asanova, Dankook University, Seoul, South Korea* **116**

RUSSIAN AND ITALIANA NON-VERBAL COMMUNICATION DURING LESSONS OF RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGEN LANGUAGE: METHOGOLOGICAL ASPECT – *Oxana A. Bejenari, the University of Milan, Italy, Natalya V. Pomortseva, Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation* **125**

RESEARCH ACTIVITY OF POSTGRADUATE STUDENTS IN CHINESE UNIVERSITIES (RUSSIAN LANGUAGE FACULTY*) - Irina Pak, Haiyun Yan, Tianjin normal University, Tianjin, China* **135**

THE ROLE OF THE PROFILE TRAINING MANUAL IN THE TECHNOLOGY OF PROFESSIONALLY ORIENTED LINGUISTIC COMPETENCE FORMATION – Svetlana V. Varava, V. N. Karazin Kharkov National University, Kharkov, Ukraine **143**

Reviews and Notes

Revolution and Evolution: Development Models in Science, Culture, and Society: collection of articles / eds. I.T. Kasavin, A.M. Feygelman. - Nizhni Novgorod: Publishing house of the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2017. - 348 p. – ISBN 978-5-91326-416-9 **158**

Literature and Culture: Historic and Contemporary

DOI: 10.24411/2470-1262-2018-10013

УДК (UDC) 82-3

Koichi Toyokawa,
University Meiji,
Tokyo, Japan

For citation: Toyokawa Koichi, (2018).
The Strategy of I.K. Kirilov toward the south-east Russia.
Cross-Cultural Studies: Education and Science.
Vol.3, Issue II, pp. 7-20 (in USA)
Manuscript received:05/04/2018
Accepted for publication: 06/13/2018
CC BY 4.0

СТРАТЕГИЯ И.К. КИРИЛОВА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ РОССИИ

THE STRATEGY OF I.K. KIRILOV TOWARD THE SOUTH-EAST RUSSIA

Abstract

During the eighteenth century, the Russians shared in the Enlightenment and worked toward building their own identity. Working along these lines, Russia prepared to build an empire. For this reason, and for Russians to understand the character of the Russian empire, it was necessary for them to organize academic expeditions. Through these undertakings, they formed a "consciousness of territory," and the Russian empire endeavored to discriminate between "European" and "non-European" consciousness.

In 1734, I.K. Kirilov presented his proposal to the Russian government for the exploitation of natural resources and economic development in the south–east of the Russian empire and the construction of a city-fortress along the Or River. Kirilov hoped that through the new city fortress, trade would develop with Kazakh in Central Asia and India. It appears that he aimed to expand the territory and acquire wealth for the Russian empire—as most of the mercantilists in eighteenth-century Russia and Europe were doing. His successors also continued his work, and through this process, some of them came to believe that the native people opposing Russian colonial policy were semi-savage, and tried to exterminate them.

Both the Enlightenment and Russian colonial policy helped to create the Russian identity,

which came to be known not only as "Russian European" but also as a complicated identity of Russian mixed with Asian constituents. In this study, we discuss the role of Russia's academic expeditions, including Kirilov's Orenburg Expedition, and how Russians began to construct and find their own identity.

Keywords: *Russian European Russian Empire Enlightenment V.N. Tatishchev A.P. Vol'nskii, I.K. Kirilov*

Introduction

Russians participated in the concert of European affairs starting from the reign of Peter I (the Great,1682-1725) and lasting until that of Catherine II (1762-1796)—a period in which the Enlightenment involved the Russian intelligentsia. If this era is examined in detail, it is possible to see not only the continuity of eighteenth-century Russia with that of the seventeenth century in terms of government and social systems but also the simultaneous rise of Russia and the Great Powers in eighteenth-century Europe. Most historians acknowledge the necessity of studying early modern Russia from the government and social system perspective as well as from the period during the rise of Russia and the Great Powers.[1] Toriyama Shigeto, a Japanese historian who introduced the historical research of L. Jay Oliva,[2] also specifically pointed this out.[3]

What kind of age was the Enlightenment in Europe? Peter Gay, who wrote the classical study on this topic, stated that it was a time in which learned Europeans were awakened to a new idea of life. They enjoyed a free and easy feeling of rule over nature and themselves.[4] Roy Porter expressed the same point.[5] Although we can certainly say that eighteenth-century Europe was a transitional period from "traditional" to "modern," to be sure, it was not a transition that merely involved various significant changes in society and geography from medieval times to modern.

How we can understand eighteenth-century Russia? Many historians argue about matters concerning the Russian state and society in that period for clarifying about Russian's identity. M.J. Okenfuss noted the close relation between Catherine II's policy and her trip around Russia to observe her country under her reign.[6] M. Rywkin, who examined the abolition of the state's departments—*prikaz Kazanzkogo dvortsa, Sibirskii prikaz, and Malorossiiskii prikaz*—which were founded in the sixteenth century, concluded that the primacy of the empire had been superior to that of the Crown after the time of Peter the Great.[7] M. Raeff—studying the era of Peter the Great, who aimed to establish a "well-ordered" police state-wrote that the meaning of his General

[1] Raeff, M., *Understanding Russia. State and Society in the Old Regime*, translated by Arthur Goldhammer, Foreword by John Keep (New York: University Press, 1984).
[2] Oliva, L. Jay, *Russia in the Era of Peter the Great* (Englewood Cliffs, N. J., 1969).
[3] Toriaya Shigeto, *Rosia Too no Kokka to Shakai* (*States and Societies in Russia and East Europe*) (Tokyo: Kobunsha, 1985), chapter. 7.
[4] Gay, Peter, *The Enlightenment: An Interpretation*, 2 vols. (New York: Vintage, 1966–69).
[5] Porter, Roy, *The Enlightenment* (Hampshire: Palgrave Macmillan, 2001).
[6] Okenfuss, M. J. "Catherine the Great and Empire," *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* (the following: *JfGO*), Bd. 56, 2008, H. 3, S. 321.
[7] Rywkin, M., "Russian Central Colonial Administration: From the prikaz of Kazan to the XIX century, a Survey," ed. M. Rywkin, *Russian Colonial Expansion to 1917* (London and New York, 1988), p. 20.

Regulation of February 28, 1720 was that "the new administration was organized on functional rather than geographical lines (as the *prikazy* and other Muscovite institutions has been)."[8]

Iurii M. Lotman, a prominent scholar of cultural history in Tartu, wrote that the Europeanization of Russian culture promoted by Peter the Great and his successors created trouble for Russian noblemen. After the death of this Emperor, the common people saw the nobility as living a life of luxury apart from them.[9] The estrangement between the nobility and the people continued until the beginning of the twentieth century. A. Kamenskii, a contemporary Russian historian, also investigated the same problem.[10]

G. Marker, studying the publishing culture in Russia, defined the isolation of the common people.[11] Toyokawa Koichi, who researched Russian traditional popular folkways, wrote that eighteenth-century Russia regulated popular manners and customs.[12]

H.C. D'Encausse wrote about the Russian government, which Peter the Great tried to modernize: the Emperor was the first Russian sovereign to address the public as a partner of the state, and he believed that the individual public good were closely tied together and would both affect the success of his reforms.[13] I. de Madariaga has written that it was in this era that the new outline of Russian society was determined, the intelligentsia established, and the general idea of private property and liberalism appeared within the elite's consciousness.[14] D. Geyer, a German historian, wrote that it was impossible in Russia to replace a corps of noble landowners with a body of state servants who owed allegiance only to the state (as in Austria or Prussia) because such a body did not exist yet. As a result, Catherine II was forced to weld her administration not to a bureaucracy but to the existing noble "estate" organization.[15]

The eighteenth-century Russia aimed at forming European-style state institutions and participating in European policymaking. However, Russia's participation in European policymaking remained marginal in Europe.[16] Although the Russian common people did not recognize the nobles whom Peter the Great charged with state service as Russians or fellows, this

[8] Raeff, M., *op. cit*., p. 45; see also, Eroshkin, N.P., *Istoriia gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevoriutsionnoi Rossii* (Moscow, 1983) p.73.
[9] Lotman, Iu.M., "The Poetics of Everyday Behavior in Russian Eighteenth-Century Culture," in Lotman and Boris A. Uspenskii, *The Semiotics of Russian Culture* (Ann Arbor, 1984), pp. 231–256.
[10] Kamenskii, A., *Rossiiskaia imperiia XVIII veke: traditsiia i modernizatsiia* (Moscow, 1999), pp. 301–306; also see *The Russian Empire in the Eighteenth Century*, translated and edited by D. Griffiths (New York and London: M. E. Sharp, 1997), pp. 281–286.
[11] Marker, Gary, *Publishing, Printing and the Origins of the Intellectual Life in Russia, 1700–1800.* (Princeton, 1985).
[12] Toyokawa Koichi, "The State, Church and Society around the Popular Folkways in Early Modern Russia: Iarov "The Magician" Incident in Sinbirsuk," *Sundai Shigaku (Historical Review at Surugadai)*, 2013, pp. 127–167.
[13] D'Encausse H.C., *Mikan no Rosia*, translated by Taniguti Susumu (Tokyo: Fujiwara-shoten, 2008 (original: *La Russe inachevé* (Libraire Arthéme Fayrad, 2000)).
[14] de Madariaga, I., *Russia in the Age of Catherine the Great* (New Haven and London: Yale University Press, 1981), pp. 581–588; idem, "The Russian Nobility in the Seventeenth and Eighteenth Centuries," in H.M. Scott (ed.), *The European Nobilities in the Seventeenth and Eighteenth Centuries* (London and New York: Longman, 1995), pp. 223–273.
[15] Geyer, D., "Gesellshaft als Staatlishe Veranstalung," *JfGO*, Bd. 14, 1966, S. 21ff.
[16] Ledonne, J.P. "Russia in the eighteenth century: 1700–1825," in *Kouza Sulavu no Sekai, Slavu no Rekisi (Series. Slavic World: History)* (Tokyo: Koubunndo, 1995), p. 91.

Emperor considered the public as his own partner. In the era of Catherine II, the educated classes and the intelligentsia at the time recognized the backwardness of the Russian society.

We must pay attention to how contemporaries perceived the period in which they lived, along with examining Russia in terms of the state and society that existed there in the eighteenth century. Bannai Tokuaki, a Japanese scholar of cultural history, defines eighteenth-century in Russia as "the century of the expeditions or journeys." According to him, the Russian people in medieval times moved to take advantage of a religious or a commercial opportunity, like a pilgrimage or trade. Similarly, in the eighteenth century they did so with an aim of sightseeing or obtaining training to acquire skills. This movement through the space of Russian territory meant that they were able to observe different cultures. These efforts did not reflect individual ideas of Peter the Great but the uniqueness of the times or a change in people's curiosity and recognition of the space.[17] The change was based on the scientific revolution that took place in the seventeenth century, which in turn influenced the intellectual and social movement known as the Enlightenment.

This study examines the problem of the Russian state institutions and focuses on the Russian public or society. In the eighteenth century, Russians searched for their own identity as the Russian intellectuals were involved in the Enlightenment. They wondered who they were as people. What kind of work they endeavored to accomplish? To answer these questions, we will consider the existing scholarship on colonization and its historical conditions in the South Urals or Bashkiria.

Raeff surveyed eighteenth-century Russian society in his article titled "The Emergence of the Russian European: Russia as a Full Partner of Europe."[18] The term "Russian European" was found in the memoir of Sergei Iu. Witte. Count Witte was concerned about the expanding administration and discussed the aims of the Russian empire, especially the problem of the Finns, on the eve of World War I. This former minister of finance wrote, "the mistake of our last policy toward the non-Russian people was due to the fact that we forgot we were not 'Russian,' but 'Russian European.'"[19] We presume that Raeff wrote his article with these words in mind.

To create the "Russian European" in the eighteenth century, the country had to acquire a variety of tools to move the process forward. As far as cultural innovation goes, language showed the first effects, and education provided a second tool for Europeanization. Moreover, service in the army and state played a Europeanizing role. These tools and institutions were created by Peter the Great and revised by his successors.

Europeanization spread into Russia's newly conquered territories as well. The Europeanized military assisted in the integration of the new conquests by imposing a uniform pattern of administrative culture, economic development, and promotion of cultural (mostly linguistic)

[17] Bannai Tokuaki, "The Birth of Folklore in Russia," *Hitotubashi Ronsou (The Hitotubashi Essays)*, vol. 108, no. 3, 1992, pp. 435–436; see also, idem, The Times of Alexander Radishchev' "The Journey from St. Petersburg to Moscow," *Hitotubashi-daigaku Kenkyu Nenpou, Jinbukagaku (The Annual Researching Report of Hitotubashi University, Cultural Sciences)*, vol. 38, 2001.
[18] Raeff, M., "The Emergence of the Russian European: Russia as a Full Partner of Europe," in C.H. Whittaker (ed.), *Russia Engages the World. 1453–1825* (Harvard University Press, 2003), pp. 119–137.
[19] *The Memoirs of Count Witte*, translated and edited by Sidney Horcave (New York, 1990). p. 373.

Russification or Russianization. The most prominent of the imperial military and administrative leaders who promoted such policies included Kirilov, Vasilii N. Tatishchev, and I.I. Nepliuev in the south steppes; G.A. Potemkin in the south along the Black Sea; P.A. Rumiantsev in Ukraine; General D.B. Mertvago in the Crimea; and M.M. Speranskii in Siberia.

By the same token, the territorial expansion brought the empire into direct physical contact with states like the Ottoman Empire, Persia, and China, and with non-Western people such as the Kalmyks, Bashkirs, Siberian natives, and Caucasian people and tribes. The enhanced knowledge and integration of Asian civilization into the dynamics of Russia's cultural development were evidenced in literature, music, and scholarship in the first decades of the nineteenth century. P.A. Krotov, the contemporary Russian historian, emphasized that the building of the Russian naval fleet by Peter I made Russia one of the Great Powers of Europe.[20] Peter the Great planned to investigate internal Russia and conclude a trade agreement with foreign countries, particularly Central Asian countries such as India, China, Japan, and so on. R. Wortman argued that Russians understood their social imperial character, the existence of Empire, and so on, through academic expedition.[21] S. Kozlov vigorously published works on this same theme.[22] In 1721, at the celebration of the Treaty of Nistad, which ended the Great Northern War with Sweden, Peter the Great accepted the title of the *Imperator* or Emperor. Chancellor Gavriil I. Golovkin declared the symbolic meaning of the title in a speech delivered to the Senate. The *Imperator*, he said that had taken Russia "from the darkness of ignorance into the theater of the World, so to speak, from nothing into being, into [numbering among - T. K.] the political people of the world."[23]

The *Imperator* sought to bring Russia into European scientific endeavors. Under the reign of Peter the Great, Vladimir Atrasov—an Iaitsuku Cossack and the discoverer of a Japanese drifted merchant vessel, *Denbei*—went on an expedition to the Kamchatka with his fellow Cossacks. Besides Atrasov, D. Ia. Antsyferov and I.P. Kozyrevskii traveled to the Kurile Islands.

In G.W. Leibniz's correspondence with Peter the Great, the philosopher wondered whether Asia was joined by land to North America, and the *Imperator* determined to find the answer. However, it was only after his death that Vitus Bering, a Dane in Russian service, finally discovered the coast of North America on his second expedition (the so-called Great Expedition) that took place from 1733 to 1743. His undertakings involved a sea expedition to the coast of America and a landing, as well as a multifaceted description of Siberia.

In the 1730s, during the reign of Empress Anna Ivanovna (1730-41), the historian and geographer Tatishchev drew a line between Europe and Asia at the Urals, and this division soon gained general acceptance. M. Bassin wrote, "In one stroke Siberia was transformed into an Asiatic

[20] Krotov, P.A. *Bitva pod Poltavoi. Nachalo Velikoi Rossii* (St. Petersburg, 2014).
[21] Wortman, R., "Text of Exploration and Russia's European Identity," in C.H. Whittaker (ed.), *op. cit*., pp. 91–117.
[22] Kozlov S.A. *Russkii puteshestvennik epochi Prosveshcheniia* (St. Petersburg, 2003); *Seriia: Russkii puteshestvennnik epokhi Prosveshcheniia. Russkaia provintsiia Pavle Bolotova* (St. Petersburg, 2006), and so on.
[23] Soloviev, S.M., *Istoriia Rossii* (Moscow, 1963), vol. 9, p. 321.

realm cleanly set off from a newly identified 'European Russia.'"[24]

The production of maps was another sign of a European identity. Following the example of Western monarchies, Peter the Great used maps to define his state as a discrete territory, imitating what J. Cracraft has called the "visual conquest of Russia." The *Imperator* established a cartography department, in which the Russian geographer Kirilov collaborated with the French astronomer Joseph Nicolas de L'Isle. Kirilov's *Atlas Vserossiiskoi* (1727) and the Academy of Science's *Rossiiskii Atlas* (1745) represented the first efforts of the state to mark the extent, boundaries, and features of the country.[25] Russians were developing what W. Sunderland describes as a "territorial consciousness" that identified "Russia" with the land belonging to the emperor as well as to the Westernized monarchy that created it.[26]

In addition to assuming the signs of a European identity, Russia also came to reflect the sign of an Asian identity through the results of its scientific expeditions—recorded in the works of G.F. Müller, J.G. Gmelin, S.P. Krasheninnikov, P.S. Pallas, J.G. Georgi, and so on—through which Russians came to an understanding about their own identity.

Data and Methods or/and Model

Some policies for organizing control of the Bashkirs were undertaken in the first half of the eighteenth century. The most famous policies are found in the "memoranda" of Tatishchev, Iukhnev, A.P. Vol'nskii, Kirilov, Nepliuev, and so on.

Tatishchev, as one of the "baby birds of Peter's nest," was a supporter of and messenger for Peter the Great's policy. The Bashkirs, who insisted on their own rights as part of the terms of their participating in the Muscovite state through their own free will, were of interest to all Russian government officials.

In 1724, Tatishchev wrote "An Opinion about the Reasons for the Bashkirs' Uprisings and Better Means for Improving Control of the Bashkirs."[27] In this report, the author, first, characterized Bashkir society generally, and then stated in detail his own opinion concerning measures for stopping Bashkirs uprisings and controlling this region. He saw the reasons for their unruliness and self-will in their own traditional self-government. In everyday life, according to his understanding, the Bashkirs were not under the jurisdiction of Russian officials. Only at the yearly "assembly" held near Ufa did they decide on the issues that were important to them. Tatishchev recognized that the assembly was the principal danger to Russian authority, because the Bashkirs not only "discuss[ed] their own affairs there" but also any of the rich and influential Bashkirs could

[24] Bassin, M., "Inventing Siberia: Vision of the Russian East in the Early Nineteenth Century," *American Historical Review*, 6, no. 3 (June 1991), pp. 767–770.
[25] Cracraft, J., *The Petrine Revolution in Russian Imaginary* (Chicago: University of Chicago Press, 1997), pp. 272–281; Bassin M., "Russia between Europe and Asia," *Slavic Review*, 50, no. 1 (Spring 1991), pp.7–9.
[26] Sunderland, W., "Imperial Space: Territorial Thought and Practice in the Eighteenth Century," Jane Burbunk, Mark von Hagen, and Anatoryi Remnev (eds.), *Russia Empire: Steppe People, Power, 1700–1930* (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2007), pp. 33–66.
[27] Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR (Moscow and Leningrad, 1949), vol. 3. No. 545, pp. 481–483.

use this assembly to call for the revolt.[28]

Tatishchev thought that Bashkir society was closed as far as its social consciousness. Nobody could enter their society without their consent. The Bashkirs, who lived near the frontier of Russia, put an affront upon the Russians and the Tartars.[29] Tatishchev understood that the Russians were fascinated with the economic autonomy and independence, equal rights, and relative political independence in Bashkir society, and that nobody could compel the Bashkirs to be subordinate to the Russian government by force. This famous historian–administrator recognized that it was very important to teach Bashkir representatives Russian. He understood that none of these people had the ability to read and write Russian; therefore, they could not read the government's decrees and sometimes killed the messengers from the central or local authorities, and these circumstances caused confusion.[30]

Tatishchev based his opinions on the situations mentioned above. He insisted on dividing the provinces into judicial districts, constructing city fortresses, and teaching the Bashkirs how to read and write Russian language. His views were informed by notions of rationalism that were based on natural law and an awareness of his duty to the state.[31] He looked at industrial development from the perspective of exploring the field. According his thinking, the construction of factories in the South Urals was connected with the establishment of cities, main roads, and postal system; the problems of the factory workers; and the problems of schools, fairs, libraries, pharmacies, and so on. Tatishchev considered infrastructure vital to improving people's lives. Many of his proposals were made at the time of the Orenburg Expedition by Kirilov.

In the 1930s, M.K. Liubavskii, a former president of Moscow Imperial University, wrote many articles on Bashkir history in the seventeenth and the eighteenth century and highlighted the importance of Vol'nskii's proposal in his "Memorandum" presented to the Senate in the 1730s at Ufa, where he was exiled.[32] Vol'nskii asserted that the government should not adopt a mild policy toward the Bashkirs and believe them. In spite of governmental decrees, they accepted fugitives as before, did not pay taxes, and lived as they liked by own their free will.

When Russia was not engaged in war, it reassured the Russians as they were "rams" (i.e. quiet). If a war broke out, particularly if it was defensive, the Bashkirs, in alliance with the Turks, would not only attack Russian territory but also cause serious destruction. Vol'nskii advised to remember that "they have Muhammadan's law, and according to the law, of course, they must be enemies against Christendom," and "their malice is revealed obviously not only by war but also tyrannical actions toward aged persons and babies."[33]

The author of the "Memorandum" thought the Bashkirs would be much more dangerous if

[28] *ibid*. p. 481; *Istoriia Bashkirskogo naroda*. Vol. III (Ufa, 2011), p. 164.
[29] *Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR*, vol. 3, p. 481.
[30] *ibid*.
[31] Abe Shigeo, *The Study on Tatishchev: The Official and Intelligentsia in the Eighteenth-Century Russia* (Tokyo: Tosui Sobo, 1996), p. 233.
[32] *Nauchnyi issledovatel'nyi otdel rukopisei Russkoi Gosudarstvennoi biblioteki v Moskve* (the following: *NIOR RGB*), f. 364, kart. 5, ex. khr. 1, l. 119.
[33] *Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR* (Moscow-Leningrad, 1936), vol.1, № 134. p. 302.

their numbers continually increased. The Russian government should eradicate them through any means, he maintained, and should not permit their numbers to expand.[34]

The Senate did not accept this "Memorandum." The chief flaw of this project was the author's coming out against the inclusion of the Muslim regions in the Russian state.[35] Nevertheless, some portions of his proposal were soon realized in the building of the New Trans-Kama River line. Subsequently, throughout the entire eighteenth century, as problems with controlling the Bashkir region recurred, the officials of the Empress Anna were guided by the basic ideas that Tatishchev and Vol'nskii had expressed in their writings.

On May 1, 1734, I.K. Kirilov (1695–1737), who came from a family of clergy and was a geographer and general secretary of the Senate in St. Petersburg, presented his *Proekt* to the Russian government for the exploitation of natural resources and economic development in the South–East of the Russian empire—Kazakh, Bashkiria, and Karakalpak—and the construction of a *gorod-kreposti*, or a city fortress, along the Or River. Kirilov hoped that through the new city fortress, trade would flourish with Kazakh in Central Asia and India. We can recognize here that he aimed to expand the country's territory and acquire wealth for the Russian empire—as did most mercantilists in eighteenth-century Russia and Europe.

He went right to the point of the *Proekt*: "[u]nder a blessed absolute monarchy of Her Majesty, our Empress [Empress Anna Ivanovna], by the mercy and judgment of God, and the fortune of Her Majesty, two great and immortal enterprises are not only glory but also they shall open the door of the expansion of empire and immeasurable wealth. The first task is the expedition to Siberia and Kamchatka. The second, whose door has not yet opened, is a task for Kirgis-Kaisak [Kazakh] and Karakalpak."[36]

Kirilov believed that Russia would profit from trade with Kazakh and the Central Asian countries because commerce was prospering in these districts. He wrote, "To the capital Bukhara where khans of Bukhara [khanate] live, merchants come from this place and from Persia, India, Armenia, Astrakhan, Barukh, and many other cities, they seek goods and gold of Bukhara, and sheepskins as a chief good from Bukhara are carried from here to Russia. These Uzbeks carry these goods."[37] Kirilov paid particular attention to the Badakhshan region in the Pamir, in which "inhabitants have much wealth and trade in above-mentioned precious stones and gold."[38] He wrote that the city of Barukh was also prosperous and had become a rich commercial city.[39]

What is more, Kirilov thought it was important to make an expedition to conquer Central Asia. He explained several times the necessity of acquiring the Khiva khanate and the Bukhara

[34] *ibid.* pp. 302-306.
[35] Aznavaev A.B. *Integratsiia Bashkirii v administrativnuiu strukturu Rossiiskogo gosudarstva (vtoraia polovine XVI-pervaia tret' XVIII v.)* (Ufa, 2005), pp. 183–186; *Istoriia Bashkirskogo naroda*. vol. III, p. 173.
[36] NIOR RGB. f. 222, kart. XI, l. 141; Dobrosmyslov, A. N. (ed.), *Materialy po istorii Rossii. Sbornik ukazov i drugikh documentov, kasaiushchikhsia upravlenia I ustroistva Orenburgskogo kraia. 1834 god. Po arkhivnykh documentam trugaiskogo oblastnogo pravltniia* (Orenburg, 1900) (the following: *Materialy*), vol. 1, p. 1.
[37] NIOR RGB. f. 222, kart. XI, l. 148ob.–149; *Materialy*, p. 13.
[38] NIOR RGB. f. 222, kart. XI, l. 150; *Materialy*, p. 15.
[39] NIOR RGB. f. 222, kart. XI, l. 150ob.; *Materialy*, p. 16.

khanate.[40] However, what in Kazakhstan and Central Asia attracted Kirilov? In general, he was fascinated by the immeasurable wealth in the form of gold and precious stones in these regions, which was well-known since the time of Peter the Great.[41]

In addition to these reasons, Kirilov focused much attention on the problem of who had control over Bashkiria. The Russian government had been concerned about the seriousness of the Bashkir uprisings and other native peoples' support for them from the seventeenth century to the eighteenth century. In 1662–64, 1681–84, 1704–11, and even after the presentation of Kirolov's *Proekt*, the Bashkirs revolted against the local authorities due to their colonization policy. This discontent had been increasing, even with the development of mines and the building of iron or copper factories, and, in general, efforts at colonization in Bashkiria. Kirilov said the following about the role of the future city fortress, or Orenburg: "We are able to suppress any plot of the Bashkirs and the Volga Kalmyks against the government and a union of them (for which we have to watch out), not mobilizing a big army and not losing it."[42] Moreover, he asserted, "The mouth of the Or River (where the Iaik River flows into it), where the khan [Abul-Khail khan] wishes to build the fortress, is located at the center—between the Bashkirs and the Kirgis-Kaisak *orda*, or horde—and is the best place for separating the Volga Kalmyks and the Bashkirs."[43]

Because the Kazakhs sometimes had taken action with the Bashkirs, Kirilov planned not to allow the native people to unite in this region and presented the *Proekt* to the Russian government to build a foothold or city fortress promoting *tsarism*, or the tsarist regime.[44] He adopted the traditional principle *divide et impera* (divide and rule).

Further, Kirilov mapped out a plan for enticing upper-class members of the Bashkirs into promoting Russian colonial policy. He tried to reconfirm their rights and privileges as *tarkhan*, who had an inherited right to own their lands, with an exemption from paying an *iasak*, or a tax in kind.[45]

Giving an example of the wealth that lay underground, Kirilov wrote, "In the land that the Bashkirs possess, there is rich copper ore and other ores, and good quality mica. We are able to get and supply them to Russia or Persia."[46] He paid attention to salt in the Iletsk district: "The Iletsk salt comes not far from the forthcoming new city [Orenburg]. All Bashkirs are satisfied with the salt in this region. In the future, we need not take it from them, as it is possible for us to take it to Russia to meet the demand."[47] The Bashkirs had gathered salt as a form of their livelihood. However, after this *Proekt* was presented to the government and approved by Empress Anna, the monopoly on salt was introduced with the abolition of *iasak* (1754), and the Bashkirs raised arms against this Russian policy (1755). Moreover, Kirilov planned to spread farming to that territory

[40] NIOR RGB. f. 222, kart. XI, l. 157–157ob.; *Materialy*, pp. 26–27, 41.
[41] NIOR RGB. f. 222, kart. XI, l. 147ob.–148, 148ob.–149, 149ob.–150, 150ob., 167ob., 168; *Materialy*, p. 11, 13, 14, 15, 16, 43, 44.
[42] NIOR RGB. f. 222, kart. XI, l. 152–152ob.; *Materialy*, pp. 18–19.
[43] NIOR RGB. f. 222, kart. XI, l. 152ob.; *Materialy*, p. 19.
[44] NIOR RGB. f. 222, kart. XI, l. 170ob.; *Materialy*, pp. 47–48.
[45] NIOR RGB. f. 222, kart. XI, l. 153–153ob.; *Materialy*, pp. 20–21.
[46] NIOR RGB. f. 222, kart. XI, l. 168ob.; *Materialy*, p. 44.
[47] NIOR RGB. f. 222, kart. XI, l. 168ob.; *Materialy*, p. 44.

and acquire cheap and good quality Bashkir horses.[48]

Kirilov's proposal, as he said, embodied the ideas and political essence of Peter the Great, which aimed at accessing the wealth and expanding trade with Central Asia.[49] Empress Anna gave instructions on May 1, 1734 and approved Kirilov's *Proekt*.[50] He was appointed commander of the *Orenburgskaia ekspeditsiia*, or Orenburg Expedition, which was organized and comprised 130 bureaucrats and many specialists: geodesists, mining engineers, naval officers for the construction of a future port in the Aral Sea, and so on. The Expedition also included 3,500 soldiers and dragoons.[51]

The only one of his proposals that was actually accomplished was the construction of a defense line along the northeast border of the "Kirgiz-Kaisak steppe." On June 15, 1734, the Expedition left St. Petersburg and traveled through Moscow and Kazan. On November 10, it arrived at Ufa. In spring 1735, it comprised 16 infantry companies in addition to 1,000 Bashkirs, Mishars, and service Tatars. On August 6, 1735, the Expedition arrived at the mouth of the Or River. On August 15, Kirilov built the wooden fortress, and on August 31, he founded Orenburg (currently known as the city of Orsk) at the border between the Bashkirs and Kazakhstan.[52] In 1738, a wooden office of trade was built outside the walls of the city. There merchants from Russia, Kazakh, Khiva, and Tashkent traded constantly.

In 1737, Kirilov died and Tatishcev was appointed commander of the same Expedition. The name of the Expedition was changed to the Commission (*Orenburgskaia komissiia*, or Orenburg Commission). On August 1738, after his inspection of Orenburg, Tatishchev concluded that it had to be moved to the location of today's Krasnogor' village Saraktasiskii district, because Orenburg was far from any other cities and was flooded by the overflowing of the Or and Iaik Rivers in the spring; moreover, there was no road in good condition or forest nearby. Tatishchev submitted a report to the government, and it was approved.[53]

The new fortress was built at the point 180 *versta* (192.6 kilometers) down the Iaik River. In August 1741, this location became the new Orenburg, and the previous Orenburg was changed to Fortress Or.[54] The new Orenburg would soon be moved for a second time. On October 15, 1742, Nepliuev—one of the "baby birds of Peter's nest," who held the second rank of a civil servant, *Tavel' o rangakh*, or Table of Ranks—was appointed the chief of the Commission. On December 28, 1742, he made a report on the construction of a new Orenburg near the Berda Fortress, which was nearer the Iaik and Sakmara Rivers.[55] Empress Elizaveta Petrovna approved this report.[56] On

[48] NIOR RGB. f. 222, kart. XI, l. 155; *Materialy*, p. 23.
[49] NIOR RGB. f. 222, kart. XI, l. 151; *Materialy*, p. 16.
[50] NIOR RGB. f. 222, kart. XI, l. 172.
[51] *Ocherki istorii XVIII v.* (Moscow, 1957), p. 646; See also. Toyokawa Koichi. *Orenburg i orenburugskoe kazachestvo vo vremiia vosstaniia Pugacheva 1773–1774 gg.* (Moscow, 1996), pp. 50–81; Donnelly, A.S. *The Russian Conquest of Bashkiria 1552–1740: A Case Study in Imperialism* (New Haven and London: Yale University Press, 1968), pp. 64–81.
[52] Russkii gosudarstvennyi arkhiv drevnykh aktov v Moskve (the following: *PGADA*), f. 248, op. 3, kn. 134, l. 5–6.
[53] *Polnoe sobranie zakonov-Seriia 1*, St. Petersburg, 1834 (the following: *PSZ*), vol. 11, no. 8630.
[54] Rychikov, P.I., *Istoriia Orenburgskaia* (Orenburg, 1896), pp. 40, 41; PSZ, vol. 10, no. 7876.
[55] *PGADA*, f. 248, op. 3, kn. 136, l. 226–229.
[56] *PSZ*, vol. 11, no. 8630.

April 19, 1743, Nepliuev founded a new Orenburg at its present location.[57]

The inhabitants of the Orenburg region, especially the Bashkirs, were forced to perform hard labor of building the fortress and the Orenburg defense line, and in 1735, they revolted against the activity of the Expedition.[58] They were opposed to the construction of the fortress, the harshness of the labor, and the confiscation of their lands by the Expedition. The uprising was severely suppressed.[59] The memory of this revolt lives in history. This incident aroused the Bashkirs' feelings of hostility against the Russians.

The uprising continued intermittently over a long period—from 1735 to 1740 (1735–36, 1737–38, and 1739–40). In particular, the cause of this unrest was a census in Bashkiria, which began in January 1739 with the aim of expropriating still more lands and intensifying the taxation in accordance with a decree of February 11, 1736. Soldiers and officers, with Cossacks, were sent to Bashkiria to undertake the census. The Bashkirs understood its aim. On March 1739, they resolved in popular assemblies to refuse the census and use slowdown tactics at the orders of the local authorities, and they banished the examiners.[60]

The situation became strained. In May 1739, the Russian government received information about riots among the Bashkirs and stopped the census, but this did not placate them. In fact, the local authorities acted against the Bashkirs or the army requisitioned their horses as punishment for participating in the uprising of 1737–38. The Bashkirs burned with anger toward the state army and toward the Bashkirs and Mishars who were "loyal" to Russia and who plundered their villages.

In 1742, Nepliuev was appointed the chief of the Orenburg Commission. After conducting an investigation of the situation in the Orenburg region, he said gloomily, "Here there is no appropriate administration and the inhabitants expressed their disapproval."[61] At that time *inorodtsy*, or non-Russian people (members of a national minority in tsarist Russia), and Russian settlers in this region were plagued with difficulties: many villages were destroyed, fertile lands fell into ruin, the defense system was vulnerable, and there were hardly any forts from the Caspian Sea to Aral Sea. Orenburg had no defense capacity as it was only surrounded by rough constructed defenses in the form of forts, and had a small number of garrisons.[62]

Reinforcing the weakness in the administration and defense, Orenburg Cossacks were formed and a defense line was constructed to pacify mutinous troops and cut off the solidarity of the native people in Bashkiria. After the formation of Orenburg prefecture, the Bashkirs and the "Kirgiz" [Kazakhs] continued to feud with each other over the construction of the defense line. To avoid

[57] Rychikov, P.I. *op.cit*., p. 57; idem, *Topografiia Orenburgskoi gubernii* (Orenburg, 1887), pp. 1–5, 242; Vitevskii, V.N. *Nepliuev i Orenburgskoi krai v prezhnem ego sostave do 1758 g.,* 2 vols, (Kazan', 1889–97), vol. 1, pp. 189f.
[58] *Istoriia Bashkortostana s drevneishikh vremen do 60-kh godov XIX v.* (Ufa, 1996), pp. 231–248.
[59] *Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR* (Moscow and Leningrad, 1936), part 1, no. 189, 194; Churoshnikov A.P., *Vosstanie 1755 g. v Bashkirii* (Moscow, 1940), p. 7; *Ocherki istorii SSSR*, pp. 646–647; *Ocherki po istorii Bashkirskoi ASSR* (Ufa, 1956), vol. 1, part 1, p. 173; Matvievskii P.E., 'Orenburgskii krai v Otechestvennoi voine 1812', *Uchenye Zapiski Orenburgskogo Gospedinstituta*, vol. 177, 1962, p. 136.
[60] *Materialy*, part 1, p. 374.
[61] Vitevskii, V.N., *op.cit*., p. 180.
[62] *ibid*.

Russian blood being shed, the government instructed the local authorities that they would have the help of other ethnic groups to suppress the native people's uprising. In the 1750s, when Nepliuev was an Orenburg governor, the "Kirgiz" enacted a program against the Bashkirs, from which they could not recover themselves easily.[63]

Furthermore, the government established instructions and organizations for understanding the situation of ethnic groups in Orenburg. Consequently, in the 1740–70s much valuable information was received not only about the local situation in relation to peace and order but also about the Central Asian regions. By the 1740s, the Tatar-Kalmyk School was founded to train interpreters.[64]

Peter I. Rychkov (1712–77) and his son, Nikolai P. Rychkov (1746–84) wrote many sorts of treaties on ethnology, folklore, the economy, geography, history, and agricultural administration in this region. P.I. Rychkov, in particular, who was the first associate member of the Academy, had academic exchanges with M.V. Lomonosov (1711–65), Müller (1705–83), and Tatishchev (1685–1750). Rychkov, from a merchant family that fell upon hard times, worked at a state service, applying his knowledge of foreign languages and accounting. In 1734–43, he helped Kirilov as an account for the Orenburg Expedition; in 1744–60, he worked at a prefecture office; in the 1750s–60, he was a governor's aide (*tovarishch pri gubernatore*); and in 1770–71, he was a chief manager of salt in Orenburg. Rychkov, like Kirilov, complained about the trade with Asian countries, including India, from Orenburg.[65] He contributed to the age of Enlightenment, as it were.

Results

N.G. Appolova, a Soviet historian, studied the South Urals region, including Bashkiria, in the eighteenth century. "The issue that an absolutist government in eighteenth-century Russia faced was economic development—farming and farming industry in the Central Volga region (especially, Tataria and Chuvashia), and farming and the metallurgy industry in Bashkiria."[66] Prior to this the Russian government did not have any clear colonizing policy toward these mixed-ethnic regions.

It was the Stroganovs and Russian Orthodox monasteries that first came to Bashkiria. Then, Russian peasants settled there. According to Iu.M. Tarasov, who wrote a monograph on the colonization in the South Urals, peasants were "first fugitives, namely Russian peasants escaping from the oppression of the serfdom, and *staroobriadtsy*, or Old Believers, who were chased by the government. Next, came the state peasants. The government distributed the ownerless lands known as the '*dikoe pole* (wild field)' or 'steppe frontier region' in Bashkiria."[67] Initially, the efforts at colonization in this area were characterized by farming.

In addition to the Russian settlers, Tatars came to Bashkiria from Siberia, and almost at the

[63] Bartold, V.V., *Istoriia izucheniia Vostoka v Evrope i Rossii*. Soch. (Moscow, 1977), vol. IX, p. 407.
[64] RGADA, f. 127, op. 1, d. 211, l. 26.
[65] OR RNB, f. 595 (Polenovy V.A. and D.V.), ed. khr. no. 103.
[66] Appolova, N.G. 'K voprosu o politike absoliutizma v natsionalnykh raionakh Rossii v XVIII v.' in *Absoliutizm v Rossii (XVII–XVIII vv.), Sbornik statei* (Moscow, 1964), p. 357; See also *Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR* (Moscow, 1956), vol. IV, part 2, no. 492–494, 497, 498.
[67] Tarasov, Iu.M., *Russkaia krestianskaia kolonizatsiia iuzhnogo Urala. Vtoraia polovina XVIII-pervaia polovina XIX v.* (Moscow, 1984), p. 3.

same time, Don Cossacks settled there and became Iaik Cossacks. In 1591, Iaik Cossacks founded their army corps, and they fought frequently against their neighbors, the Kalmyks and Bashkirs. The Russian government succeeded in making an ally of the Iaik Cossacks and used them for the military colonization on the frontiers. The Iaik Cossacks region, like the Don Cossacks area, became a so-called "asylum" or a safe place for all people dissatisfied with serfdom.[68]

It took a long time for Russians to colonize the South Urals District because of opposition from the Bashkirs, the Kazakhs, and other native inhabitants. The Russian government had to establish fortresses for protecting Russians against steppe nomads: Ufa (established in 1574), Menzelinsk (1584), Osa (1591), Kungur (1648), Birsk (1663), Troitsk (from the second half of the seventeenth century to the beginning of the eighteenth century), Ekaterinburg (1721), Krasnoufimsk (1736), and so on.[69]

By introducing the *guverniia*, or prefecture, and *uezd*, or county, system, nobles and bureaucrats indicated a tendency to increase their numbers. Serfdom also expanded. In 1767, there were 462 nobles (male) and 21,842 serfs (male) in Orenburg prefecture. By the end of the eighteenth century, the numbers had risen to 766 nobles (male) and 341,413 serfs (male).[70]

The main point of the decree of February 11, 1736 was to reinforce control over Bashkiria after the suppression of a Bashkir rebellion in 1735. A.F. Chuloshnikov, a Soviet historian who studied the Bashkirs, wrote that Kirilov, who proposed the decree, had a firm faith in the extermination of the Bashkirs as being the best policy in Bashkiria.[71] He seems to be a typical Russian "colonialist" in the eighteenth century.

Further, factory owners drew up deeds on lands with terms to their own advantage. When they gained lands from the Bashkirs, they obtained more by violating the contract.[72] Russian thinking at the time was the following: "For them [the Russians], though the Bashkirs were not savage, they were *poludikar*, or semi-savage, because they sometimes revolted against 'the Russian orthodox authority,' and so it was thought fair compensation for the Russians to cheat and rob the Bashkirs of their lands, albeit in moderation."[73]

Conclusions or Discussion and Implication

During the eighteenth century, the Russians shared in the Enlightenment and made efforts toward forming their own identity. Working along these lines, Russia prepared to build an "early modern" empire.

For this reason, and also to understand the character of the Russian "early modern" empire, it

[68] *ibid*., p. 38
[69] Semenov-Tian-Shanskii, V.P. (ed.), *Rossiia. Polnoe Geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Ural' i Priural'e*, vol. 5 (St. Petersburg, 1914), p. 138.
[70] *Materialy*, vol. IV, p. 390.
[71] Chloshnikov, A.F., *Vosstanie 1735 g. v Bashkirii* (Moscow and Leningrad, 1940),
[72] Tashkin, S.F., *Inorodtsy Povolzhsko-Priural'skogo kraiia I Sibir po materialam Ekaterinninskoi Zakonodatel'noi Komissii*, vol. 1 (Orenburg, 1921), pp. 192–193.
[73] *ibid*., p. 192.

was necessary for Russians to organize academic expeditions. Through these undertakings, the "consciousness of territory" was formed and the early modern Russian empire endeavored to discriminate between "European" and "non-European."

Conclusions or Discussion and Implication

Kirilov's *Proekt* took the course described above. In this draft he declared his aim to expand the country's territory and acquire wealth for the Russian empire—as most mercantilists in eighteenth-century Russia and Europe did. His successors also continued his work. Through the process of these efforts, some of them came to believe that the native people opposing Russian colonial policy were *polidikar*, or semi-savage, and Russian colonial policy helped create the Russian identity, known not only as "Russian Europe" but also as Russia with a complicated identity mixed with Asian constituents.

Information about the author:

Koichi Toyokawa (Tokyo, Japan), *Doctor of Philosophy in the field of History and Area Studies, Professor at Meiji University, Department of History and Geography School of Arts and Letters, 1-1 Kanda-Surugadai, Chiyoda-ku, Tokyo, 101-8301, Japan. E-mail: toyokawa@meiji.ac.jp*

DOI: 10.24411/2470-1262-2018-10014

УДК (UDC) 93+930+930.1+94

Nugzar Zosidze,
Batumi Shota Rustaveli State University,
Batumi, Georgia

For citation: Zosidze Nugzar, (2018).
The Geopolitics of Transcaucasia and Relations among the Startes of Georgia, Russia, Turkey between 1920 and 1921.
Cross-Cultural Studies: Education and Science.
Vol.3, Issue II, pp.21-30 (in USA)
Manuscript received:04/22/2018
Accepted for publication: 06/13/2018
CC BY 4.0

ГЕОПОЛИТИКА ЗАКАВКАЗЬЯ И ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВ ГРУЗИИ, РОССИИ, ТУРЦИИ В 1920-1921 ГОДАХ

THE GEOPOLITICS OF TRANSCAUCASIA AND RELATIONS AMONG THE STATES OF GEORGIA, RUSSIA, TURKEY BETWEEN 1920 AND 1921

Abstract

The present paper examines the main concern of the country's foreign policy during the existence of the Democratic Republic of Georgia: the restoration and maintenance of territorial integrity and the international recognition of Georgia's independence.

After the defeat of Germany in World War I, Georgia's outreach to Europe did not slow down. The Georgian delegation did their best for two years to achieve the recognition of the country as de jure *at European political congresses at various levels. But in many cases they received only meaningless promises. The attempt of the Georgian delegation to have the country participate in the "League of Nations" was unsuccessful. The foreign policy of the Democratic Republic of Georgia failed to achieve the desired result in its approach to Europe.*

It should be noted that the victorious Entente States could not correctly evaluate the fairness of their dependence on the Ottoman Empire, which resulted in substantive reverse consequences. From May 1919 the National-Liberation Movement in the Ottoman Empire was headed by the

young general, Mustafa Kemal Pasha[74], who was elected chairman of the Grand National Assembly and Government in April 1920. Kemal Ataturk's government turned to Soviet Russia in the fight against the Entente States.

What was the situation in Russia? What subjective or objective factors were the reasons for the rapprochement of these states? The answer to this issue gives offers an objective assessment of the national tragedy in Georgia in February-March 1921. In this period, Soviet Russia defeated the enemy White armies, supported by the Entente States. Following the establishment of Soviet power, the radical wing of Bolshevik revolutionaries saw the main goal of further activities in the idea of permanent revolution. With the hope of an international proletarian revolution, supporting the Ottoman Empire contributed to strengthening Russian positions in a highly favorable region. In addition, Russia's friendly relations with Kemal Atatürk's government meant an implementation of a new foreign policy course. At the same time, for the government of Angora (Turkey) the relations with Bolshevik Russia were quite profitable, so it was trying to understand Russia's Transcaucasian goal (one example of this was a Sovietization of Azerbaijan with minor struggles). After the Sovietization of Azerbaijan and Armenia, the issue of occupation of Georgia was also on the agenda.

On February 11, 1921, the Red Army invaded Georgia. The chairman of the Government of Georgia N. Zhordania[75] had illusions to resolve the problem with Russia with the help of Turkey and urgently informed the Ambassador of Georgia to Ankara, Svimon Mdivani[76] to negotiate the issue with the Ataturk government. It is interesting to note the 18 February telegram of the Deputy Minister of Foreign Affairs of Georgia, Kote Sabakhtarashvili, sent to Svimon Mdivani, which says that Georgia was ready to give Artaani and Oltisi districts to Turkey in order to save Batumi and its district. Accordingly, this circumstance created a peculiar background in Georgia-Turkey relations. The opposition, together with Artvin and Artaan, requested the holding of a nominal plebiscite in the Batumi District.

With this Turkish addition of a new request: a "nominal" plebiscite and the transfer of Artvin district. Georgia could not really fight on two fronts. Obviously, the fight against Bolshevik Russia was given precedence, so on February 20, the Commander of the Georgian Armed Forces ordered the withdrawal of troops from Artvin and Artaan[77].

[74] Mustafa Kemal Atatürk (Turkish: [mustaˈfa ceˈmal aˈta tyrc]; 19 May 1881 (conventional) – 10 November 1938) was a Turkish army officer, revolutionary, and founder of the Republic of Turkey, serving as its first President from 1923 until his death in 1938. Ideologically a secularist and nationalist, his policies and theories became known as Kemalism.

[75] Noe Zhordania born 1868, was a Georgian journalist and Menshevik politician. He played an eminent role in the socialist revolutionary movement in the Russian Empire, and later chaired the government of the Democratic Republic of Georgia from July 24, 1918 until March 18, 1921, when the Bolshevik Russian Red Army invasion of Georgia forced him into exile to France. There Zhordania led the government-in-exile until his death in 1953.

[76] Svimon Gurgen Mdivani (1876-1937), Ambassador of the Democratic Republic of Georgia in Kemal Ataturk's government. It is noteworthy that during the same period his brother Budu Mdivani was the Bolshevik Russian ambassador in Turkey.

[77] Artaan, Oltisi, Artvin - historic Georgian land, currently it is part of the territory of Turkey.

The relations of that time between Russia and Georgia and Georgia and Turkey were very complex on the international horizon, which also played an important role in the violation of Georgia's sovereignty.

Keywords: *Democratic Republic of Georgia; Russia; Turkey; Mustafa Kemal Atatürk; Noe Zhordania; Great National Pact of Angora*

Introduction

On 26 May 1918 Georgia announced its independence. On 28th May, Georgia, with the status of the independent country, signed the first agreement with Germany outlining the priorities of their relations and cooperation. Germany recognized Georgia *de facto*. Though vague guarantees emerged in regards to preserving territorial integrity, it is worthwhile to note, that Georgian-German relations were determined by the Brest Treaty[78], which both parties recognized [6, p.p. 473-474].

Following the agreement signed with Germany, on 4 June 1918 there was another — the Batumi friendship treaty signed between Georgia and Turkey. Based on the treaty, the new territory extended from the river of Choloki to Abastumani (the borderline of Russia-Turkey in 1877) and the Ottoman Empire reverted to the "Grand Vilayet of Gurjistan" [14, p.51].

Thus, the agreement reflected a political and diplomatic defeat of Georgia.

The Ottoman government declared that the Brest-Litovsk agreement between Russia and Turkey was canceled [3, p.p. 490-492].

This is the overview of Georgia-Turkish relations in 1918, tightly interwoven with the complicated international situation.

78 In 3 March 1918 Soviet Russia, Germany, Austria-Hungary, Turkey and Bulgaria signed a peacemaking treaty in Brest-Litovsk, comprised of 13 articles. According to the paragraph 4, the Soviet Russia was obliged to meet all the terms imposed by the agreement. The agreement itself, as already mentioned, imposed too many terms on Russia. Primarily, Russia had to immediately withdraw its army deployed in Eastern provinces of Anatolia, and to return the territory to its previous possessor. "Russian troops must also immediately leave the regions of Ardagan, Kars and Batumi. Russia will not be interfering in the new organization of statehood-legal and international-legal interrelation of those regions, and will give the population the right to establish new regulations in reconciliation with the neighboring state, especially with Turkey" [1, p.121].
G. V. Chicherin, deputy public commissar for the international affairs of Russian Federation assessed the Brest-Litovsk agreement regarding Transcaucasia with the following words: "The territories, which can be affected with the worldwide terms are divided into five categories…however, there is other quite another category too: these are Kars, Ardagan and Batumi. The agreement does not specifically stipulate that Russia surrenders these territories. Russian troops just leave these territories, and Russia will not interfere in the new arrangement of their statehood. The new state building will be a matter of agreement with the neighboring country, with Turkey, specifically. In this particular case, annexation is more disguised than in the first case, however, its essence remains the same [ibid, p. 667]. (In the first category, the report meant the territories which irreversibly were detached from Russian state – N. Z.). In order to accurately assess this agreement, one should assess the Chicherin's words – "Here it is – the agreement signed forcibly and under pressure, with a gun targeted on the forehead". To sum up, we can say that the conference exposed the actual chaos of the Russian Empire of those times. The Brest agreement – is an example of imposing the unfavorable terms upon a weakened and isolated state.

In spite of the defeat of Germany in the WWI, Georgia's striving towards Europe was still strong. For two years, Georgian delegations did their best, not sparing the energy and time to attend European political meetings at various levels to achieve *de jure* recognition. In response, there were made promises with no guarantees. The foreign policy of the Georgian Democratic Republic towards the European states was to yield in the hope of desired outcomes. It's necessary to mention, that the victorious states which entered the Entente, failed to give an accurate assessment of the Ottoman Empire, nor were they were able to form a fair relationship. There followed a reaction in response.

The Ottoman Empire bitterly suffered defeat in the WWI. A dangerous policy against the Turkish statehood was launched with the open threat to territorial integrity. The Turkish people, however, would not endure the prospect of enslavement, and resistance developed into their national-liberation fight against the conquerors. The resistance organizers were the patriots, a group of the national bourgeoisie, intelligentsia and officers.

Soon, a young general of the brigade, Mustafa Kemal-Pasha, distinguished himself among the highest ranking officers, and became the leader of the Turkish people in their struggle for independence [13, p.113]. In April 23 1920 Mustafa Kemal-Pasha was elected representative of the Highest National Convocation of Turkey and Head of the Turkish government.

Mustafa Kemal's government took a course towards closer cooperation with the Soviet Russia, as a strategy in the battle with the Entente. On 26 April 1920 three days after the opening of the Great National Convocation of Turkey, Mustafa Kemal formed a cabinet and addressed the Soviet government with a formal letter containing a request for establishment of diplomatic contacts and of assisting Turkey.

The assistance to Turkey by the Soviet Russia that had succeeded in the proletarian revolution meant the establishment of Russian influence in the region. Therefore, the Soviet government attentively approached to the aforesaid request made by Turkish party, and despite the limited resources, decided to immediately assist Turkey with the military and financial support [5, p. 675].

Assistance to the new Turkey meant for Russia, a strengthening of its position and influence in the region with paramount importance. At the same time, the friendship ties, established by the Russia with the Kemal-Pasha's government indicated implementation of the new foreign policy by Russia. At that stage, it was beneficial for the government of Angora to establish close ties with Bolshevik Russia. Not surprisingly, they approached with understanding Russia's plans in the Transcaucasia.

Russian interest in strengthening relations with the strategic partners in Angora was deep enough to ignore a request coming from England (at the initial phase, it signaled the hope that Soviet Russia and Great Britain could negotiate) to introduce a preamble in the draft agreement about cessation assistance to Turkey on Russia's part [12, p.p. 118-119].

We believe, that the union, established between the government of Russia and the government of Mustafa Kemal, was not based solely on the utopian idea of the world social revolution. The

primary meaning of the new foreign policy meant sorting out the Caucasus-related problems in favor of Russia. In particular, it meant the Sovietiation of the Transcaucasian states in order to annex them to Russia. Beyond this, there was a prospect of exporting socialistic ideology under the aegis of proletarian internationalization [15, p. 32]. In this strategic plan Turkey was a specific target, as was reflected in the follow-up events.

In the note sent to the Soviet government in April 1920, the government of Angora dealt with the issue of Batumi region.

In response on 3 June 1920, the Soviet party promised aid to Turkey, which was involved in the military conflict against the Entente, however, they neither agreed nor disagreed to comply with the Turkish claim.

"The Soviet government would with pleasure entertain the basic principles of the new Turkish government foreign policy, which is headed by the Great National Convocation in Angora. These principles are as follows: …4. The decision made by the Great National Convocation to provide the Turkish regions of Armenia, Kurdistan, Lazistan, Batumi region, East Thrace, the right of self-determination of their future. Naturally, the Soviet government means that in these regions free referenda will be conducted with participation of the refugees and emigrants…" [4, p. 554] quote from the response.

In 25 February of 1920 Georgian Minister of Foreign Affairs Eugene Gegechkori applied to Giorgi Makharadze, Georgian Ambassador to Russia. The Georgian Minister reminded the Ambassador about the response note sent by George Chicherin to Mustafa Kemal–Pasha and mentioned, that with that document, the Soviet government had established a relationship with Kemal-Pasha, providing information about Russia's approach to the Batumi region and settling the issue through a referendum.

In Gegechkori's opinion, that ran counter to the Peacemaking Treaty, according to which Batumi and the surrounding territories were considered integral parts of Georgia (it referred the treaty between Georgia and Soviet Russia signed on 7 May 1920 – N. Z.)

George Chicherin, in his response to Sergey Kirov, Russian Ambassador to Georgia, explained that the note addressed to Kemal-Pasha used a quotation extracted from the Great National Pact of Angora which did not reflect the opinion of the Narkomat of Russian Foreign Affairs.

As is seen, the relationships between Russia and the Kemal's government entered the new phase of activities. Subsequently, at that stage, it would be inappropriate on behalf of Turkey to claim the territories from Georgia. There also was a question of the establishment of diplomatic relations between the two states.

On 13 May 1920 Colonel Kazim-Bey[79], a formal delegate of the Ankara Government arrived to Georgia. In his interview to the Georgian mass media he said that "the Government of Angora would like to see Georgia integral and strong, Georgia deserves our sympathy" [16].

The Georgian community very optimistically assessed the initiative of the Turkish party, however they did not lose their common sense and a clear vision of the real situation. The basis of the good neighborly relationship between Georgia and Turkey was recognition of Georgia's independence within the borders set through the Russia-Georgian agreement of 7 May 1920. As a result, we must note here, that the Georgian community formulated the following point of view: "We believe in the promises of Angora, and the friendly hand of Mustafa Kemal-Pasha will not hang in the air" [17].

The situation in1920 made Russia rethink its open occupation of Georgia. Moreover, the Soviet government called on Turkey to take into consideration the peacemaking agreement of 7 May 1920 between the Georgian Democratic Republic with the RSFSR, according to which Russia recognized the integrity and independence of Georgia (This agreement identified the Batumi region as an integral part of Georgia – N. Z.)

"The Soviet government would look favorably, for the best interests of Turkey and Russia, the conclusion of a peace treaty between Georgia and Turkey on the basis of the Russia-Georgian agreement" [5. p. 393].

Therefore, the relations between the government of Russia and Mustafa Kemal's Cabinet switched to another phase. Despite the peace initiative of the Turkish government and the first step made towards establishment of diplomatic relations with the neighboring country that were very optimistic, it was clear that another "key" to peaceful relations was in the hands of the Northern neighbor. This was a reality, to which the Georgian government did not give much heed.

On 31 January 1921 the Georgian delegation arrived to Turkey. At the same time, the Consul General of Turkey visited Tbilisi. The Georgian party consisted of many delegates of various ranks. On 8 February 1921 the Georgian Ambassador visited Mustafa Kemal with a formal visit. How did the sons of the future republic of Turkey see the relations with the neighboring country? This was clearly formulated in the Ata Turk's response.

"Georgia and Turkey feel not only mutual empathies, but also see common goals. We need a strong and independent Georgia" [4, p.152; 8, p.p. 56-57]. Unfortunately, consequent events, caused by the objective and subjective factors, did not prove that the good wishes held true. However, it is necessary to mention that there always had been supporters of Ata Turk's approach in the neighboring country (for instance, Bekir Sami[80], Minister of Foreign Affairs of the Angora

[79] Kâzım Fikri Özalp (1880 – 1968) was a Turkish military officer, politician, and one of the leading figures in the Turkish War of Independence. Speaker of the Parliament of Turkey (26 November 1924 – 1 March 1935).

[80] Bekir Sami bei (1867 – 1933), Kunduh, Ossetian: was a Turkish politician of Ossetian origin. Deputy of the Turkish Grand National Assembly. He served as the first Minister of Foreign Affairs of Turkey.

government). 8 February 1921 became the date of Georgia's de jure recognition by Mustafa Kemal Ata Turk.

On 11 February 1921 the Red Army invaded Georgia. On 15 February troops of the Red Army headed towards Azerbaijan. The beginning of Georgia's annexation was a conflict in the region of Lore. The besieged Georgian army could no longer resist the siege by the enemy. The Georgian cadets fought a heroic fight in the region of Tabakhmela, Georgia, but they failed to stop the adversary, and they had to surrender Tbilisi. On the second day of the invasion of Georgia by the Red Army, the Ambassador of the Angora government to Georgia, Kazim-Bey, stated decisively:

"It is in our interests to cooperate with the independent Georgia, and in order to reach this goal, we will even fight against the Bolsheviks. This is the opinion of our government".

N. Jordania, the head of the Georgian government had a transient hope that he would settle the Russia-Georgian issue with the aid of Turkey. With this intent, the Georgian Ambassador in Ankara, Svimon Mdivani was assigned to start negotiations with the Kemal-Pasha's government. The following days of the negotiations were very intense. It was becoming clear what Turkey was craving to get from Georgia. It was an unexpected turn in the situation and gave specific hues to the Georgia-Turkish relations. Turkey made the first territorial claims on 18 February, 1921. Turkey demanded from Georgia the Artvin and Ardgan regions.

In that regard Svimon Mdivani pointed out in his note of protest, that "Your planned military deployment of the troops in the Ardagan and Artvin regions without the prior agreement with our party is a repetition of the same historical mistake that made Georgia, as a result, seek protection from Russia [2, p. 65; 7, p. 95].

In a telegram of the Acting Minister of Foreign Affairs, Kote Sabakhtarishvili, to Svimon Mdivani dated 18 February 1921, we learn that Georgia was ready to surrender the Ardagan and Olti regions in order to protect Batumi and its surrounding areas. The Georgian ambassador was instructed which territories Georgia could give up at that given moment. Ardagan and Oltis were those two regions. However, the Turkish party was not satisfied with the response and claimed not only the rendering of the Artvini region, but also holding of a plebiscite in Batumi [2, p. 2].

Consequently, this circumstance created a specific background in the Georgia-Turkish interrelations. In the note submitted by S. Mdivani to the Deputy Minister of Foreign Affairs Mukhtar-Bey regarding the surrender of Ardagan and Artvin provinces, the Georgian party clearly stipulated that the Eastern Front's commander-in-chief of the military forces "received directives to secure the return of the aforesaid territories to the homeland" [13, p. 103].

Georgia was unable to carry out military operations on two fronts at the same time. The decision was made to throw all the troops to fight with the Bolsheviks. Therefore, on 20 February 1921 the Georgian commander-in-chief issued an order to withdraw military forces from Artvin and Ardagan [7, p. 96]. However, Turkey claimed more.

Alli Fuad Dzhebesoi, the Turkish Ambassador to Russia submitted a note to George Chicherin, explaining the occupation of Ardagan and Artvin by Turkey as naturally issued as a

result of the National Pact of Turkey regarding the three borderline Sanjaks. In the Ambassador's opinion, "this occupation takes the form of material aid of the Turkish troops to the Georgian workers, in their struggle for freedom against the Menshevik oppression [5, p. 556].

The claims of the Turkish party were continuously increasing. Upon the Red Army annexation of Tbilisi, Kazim-Bey turned to the Turkish Commander-in-Chief of the Eastern Front, Karabekir, with the plea of taking Batumi [9, p. 176].

On 9 March 1921 the General Headquarters of Turkey ordered Kazim Karabekir-Pasha[81] to occupy Georgian territory and prevent the Red Army's entry to Batumi [ibid, p. 182].

Despite Moscow's decision, for Batumi to remain within the Soviet Georgia's borders, the Ottoman troops still were moving ahead. On 10 March Artvin and Ardagan were controlled by them. Soon Turkey deployed its troops near Batumi. The city panicked and it became a reason of the adversary's rapid advancement. On 11 March the Turkish army entered Batumi.

Troops appeared in the streets of Batumi, commanded by the Colonel Kazim-Bey. Having overcome the weak resistance, the Turkish army occupied the major government offices and Kazim-Bey proclaimed himself the Governor-General of Batumi and the adjacent regions. The first order of the Governor proclaimed Batumi as a region annexed to Turkey.

On 18 March a bloody battle broke out in the outskirts of Batumi. The military actions in the city developed on two fronts. In the direction of Kakhaberi – headed by the General Varden Tsulukidze and in the direction of Stepanovka, and Fortov Anari, headed by General Data Artmeladze.

The ultimatum sent by General Giorgi Mazniashvili[82] to Kazim-Bey, giving one hour to withdraw troops from the occupied fortresses, was left unanswered. The battle resumed again. The Turks were especially intent upon protecting the castle of Bartskhana, which controlled the railway of Batumi. On 19 March the battle resumed to eventually end on 19-20 March with the victory of the Georgians. The courage of the Georgian troops didn't leave the opportunity for Turks to keep the important fortitudes of Batumi. The city was then "purged" of the enemy.

The Kazim-Bey's adventure failed and he, along with the troops deployed there, had to withdraw. On 13 October 1921 the Kars Friendship Treaty was signed by Turkey, on one side, and Azerbaijan, Armenia and Georgia on another side. During the paperwork processing, the Russian factor had a decisive impact to preserve the strongly established North-East borders of Turkey. We adhere to the opinion that exists in the Georgian historiography, that the Kars agreement was a continuation of the Moscow agreement of 16 March 1921.

[81] Musa Kâzım Karabekir (1882-1948), also spelled Kiazim Karabekir in English; was a Turkish general and politician. He was the commander of the Eastern Army of the Ottoman Empire at the end of World War I and served as Speaker of the Grand National Assembly of Turkey before his death.

[82] Giorgi Mazniashvili (1870 – 1937) was a Georgian general and one of the most prominent military figures in the Democratic Republic of Georgia (1918–1921). During the service in the Russian army, he was also known by a Russian transliteration of his surname – Mazniev.

According to the international law this was its defect [16, p. 240]. But the main thing is that Georgia managed to preserve Batumi and the region of Batumi. We share the opinion of the outstanding Georgian historian professor L. Toidze, who justifiable thought that the legal resolution of the Batumi and Batumi region's (as an integral part of Georgia) issue was preconditioned by the strong and unwavering [10, p. 193] position of Soviet Russia.

Conclusion:

Summing up, we can point out that inaccurate political course of the Entente in regards to Turkey which they elaborated following WWI meant the demise of the Turkish statehood. However, it invoked a powerful national-liberation fight with the leadership of Mustafa Kemal Ata Turk, which encouraged closer cooperation of Turkey with Soviet Russia. The relations between Russia and Georgia, and Georgia and Turkey reflected the difficult international conditions of the aforementioned analyzed period.

References:

1. Aleksidze L, Kobakhidze D. Treaty of Kars, Georgian Diplomacy. Per Annum Publishing. T.I, Tbilisi 1994.
2. Central State Historical Archive of Georgia (TSGIAG), Harvard Fund № 386.
3. Documents of Foreign Policy of the USSR (1957), Volume One, Moscow, "Nauka".
4. Documents of Foreign Policy of the USSR, (1958), Volume two, Moscow, "Nauka".
5. Documents of Foreign Policy of the USSR, (1959), Volume three, Moscow, "Nauka".
6. History of Georgian Diplomacy, Tbilisi, 2004…….
7. Nozadze B. For the Recovery of Georgia, the Fight for Meskheti , Tbilisi 1989.
8. Svanidze M. Establishment of Diplomatic Relations between Georgia and the Turkish Government of Kemal, the Georgian Diplomacy, Yearbook, T.VII, Tbilisi 2000.
9. Svanidze M. Diplomatic Struggle for Batumi and Batumi Region, 1918-1921 // Georgian Diplomacy. T.X. Tbilisi 2003.
10. Toidze L. I. Intervention, Occupation, and Forced Sovietization, and Actual Annexation, Tbilisi 1991.
11. Shalikashvili D. Georgia's Delegation in Turkey in 1921, (1991) magazine "Theater and Art", №1.
12. Yusupov A. R. Istanbul, Moscow1970.
13. Zavriev D. K. Contemporary History of the North-East Vilayets of Turkey, Tbilisi., 1947. p.113
14. Zosidze N. Political Situation and National-Liberation Movement in Adjara in 1918-1920, Batumi 1995.
15. Zosidze N. From the history of the Georgian diplomatic relations with Turkey (letters by Svimon Mdivani) // Historical bulletin, the XIV, Bat., 2005 (in Georgian.).
16. Newspaper ,,Sakartvelos Respublika'', 19.11.1920.
17. Newspaper ,,Sakartvelo'', 24.11.1920.

Information about the author:

Nugzar Zosidze (Batumi, Geogia) *- Professor, Doctor of Historical Sciences*
Professor Nugzar Zosidze's scholarly research deals with the issues of new and recent history of Georgia. He is the author of 75 scholarly works, including nine monographs and textbooks. His specific period of scholarly research is the Period of the Democratic Republic of Georgia (1918-1921). The main component of the research is Russian, Georgian and Turkish relations during this period; First World War and the Transcaucasian Front, Georgia and European states in the 20th century
Address: *Batumi Shota Rustaveli State University, Georgia, Batumi, Ninoshvili Street 35, 6010*
Mobile Phone: *(+995) 595 354 555*
E-mail*: nug.zosidze@gmail.com*

DOI: 10.24411/2470-1262-2018-10015

УДК (UDC) 82-3

Diana Igorevna Kaparushkina (Diana Jang),
University "Sun Moon",
Asan, Republic of Korea

For citation: Kaparushkina D.I.(Diana Jang), (2018).
Features of the spatial organization represented in
Andrey Bely's novel "The Silver Dove".
Cross-Cultural Studies: Education and Science.
Vol.3, Issue II, pp. 31-39 (in USA)
Manuscript received: 05/06/ 2018
Accepted for publication: 06/13/2018
CC BY 4.0

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОМАНА АНДРЕЯ БЕЛОГО "СЕРЕБРЯНЫЙ ГОЛУБЬ"

FEATURES OF THE SPATIAL ORGANIZATION REPRESENTED IN ANDREY BELY'S NOVEL "THE SILVER DOVE"

Abstract

This article analyzes the spatial organization of A. Bely's novel The Silver Dove*. The article demonstrates the basis of spatial construction, which is construed by the writer's view on synthesized geometry and philosophy. Through A. Bely's view of the world order and the place of humans existing in it, it is clearly shown that A. Bely's ideas about the space in the novel is one of the factors organizing its theme and chronoscope.*

The author of the article shows how, through the prism of the philosophical and mathematical synthesis of A. Bely's ideas, the author's strongest creative potential is revealed. First, the article shows the writer uses scientific and philosophical cognition methods of reality as tools for the design of creative ideas. Secondly, it indicates that the natural philosophical views of A. Bely were expressed in the geometric structure of the novel The Silver Dove*. On the basis of the spatial structure of the novel there are not only geometric plane figures: a triangle, a square, a circle, but also three-dimensional polyhedron: pyramids, and a cone. Thirdly, it demonstrates that the*

movement of the protagonist in the novel is described using a method of imparting dynamic properties to a static space.

Keywords: *Andrey Bely, Silver Dove, symbolism, mythopoetic symbolism, natural philosophy, chronotope, space, geometry, triangle, pyramid, return*

Введение

Роман «Серебряный голубь», отразивший результаты поисков новых методов художественного отражения, воспринимаемой А. Белым в действительности – сложное недостаточно изученное с точки зрения философско-математических взглядов писателя на мир и место человека в нём произведение. Во-первых, затруднения в интерпретации романа заключаются в том, что А. Белый в своем стремлении реализовать неограниченные возможности человека в рамках творчества и отобразить всю сложность и многогранность бытия использовал научные и философские понятия, сочетая в одном произведении многочисленные теории. Во-вторых, сложность его произведений обусловлена психологическими причинами – болезненными переживаниями раздвоения личности, ведущим к противоречивому восприятию мира [1, 410; 8], которые в свою очередь породили основную концептуальную идею – идею двухбытийности мира, определяющую специфику хронотопа произведений А. Белого. [7, 421].

1. Научно-философские способы познания действительности как инструменты о формления творческих идей А. Белого

Однако без строгих правил в ранних произведениях писатель встает на «путь безумий». В тот момент противовесом «безумной» мистике становится теория познания И. Канта. [1], с помощью которой молодой писатель пытается упорядочить свои творческие находки, в чем на тот момент и находит спасение от «хулиганствующей мистики» и «словесного пьянства». Однако позднее, он все-таки пишет, что для него гносеология убивает метафизику, и «логизм» убивает жизнь. [11, 47]

Так, опасаясь снова оказаться на «пути безумий», А. Белый лихорадочно пытается решить многие вопросы в творчестве, явившемся для него формой и содержанием жизни, и которое он вскоре начинает противопоставлять теоретико-познавательным схемам. Тогда же А. Белый дает определение своему мировоззрению, называя его «плюро-дуо-монизм» – некая пространственная фигура, имеющая одну вершину и многие основания, совмещающая в себе антиномию дуализма, преодоленного в монизм. [4, 197] А. Белый неустанно пытается соединить воедино полюсы мироздания и выразить его структуру при помощи художественно-выразительных средств и символов, поскольку «только в символе возможно единство крайних сторон пирамиды познания мира» [7, 66], только символ есть наивысшая точка, к которой стремится человек в своем желании познать смысл жизни и составить целостное мировоззрение. [Там же, 74] А. Белый продолжает развивать эту мысль, утверждая, что пирамида познания должна быть увенчана символом во избежание идущих за

дуализмом противоречий, а творчество должно поднимать человека от оснований пирамиды, из хаоса и вести к ее высшей точке, придавая тем самым смысл жизни.

В попытке обуздать свой сильнейший творческий потенциал и оформить его в определенную, понятную всем форму, А. Белый прибегает к научно-философским способам познания, и роман «Серебряный голубь» становится первым опытом подобного систематизирования. Одной из главных особенностей романа «Серебряный голубь» является отражение научно-философских взглядов писателя на двойственность и одновременно единство мира в системе мифопоэтических образов, суть которых заключается в объединении и взаимопроникновении полярных начал, а также в последующем порождении из них совершенно новых смыслов и образов. [9, 10] Анализ символических значений мифопоэтических образов романа показал, что процесс объединения полюсов мира А. Белый описывает, используя различные художественно-выразительные средства на фонетическом, морфологическом, семантическом, стилистическом уровнях. [13]

2. Отражение натурфилософских взглядов А. Белого в геометрической структуре романа «Серебряный голубь»

Однако сложность поэтики романа «Серебряный голубь» не ограничивается только этим. На наш взгляд, ближе всего к пониманию творчества А. Белого стоит великий русский философ А.Ф. Лосев, который доступно объяснил суть творчества, введя понятие «принципа оформленность», отражающее суть художественного переживания автора произведения искусства. Так А.Ф. Лосев пишет, что «понятие оформленности в творчестве должно играть первенствующую роль потому, что искусство есть прежде всего познание, а в познании является главным прежде всего степень его оформления». [14, 301]. В свою очередь оформленность произведения искусства должна характеризоваться двумя критериями: музыкальным и образным [10, 380], которым, что можно с уверенностью заявить, соответствует роман «Серебряный голубь». [3, 51]

Далее в статье будет выявлено, каким образом А. Белый словами А.Ф. Лосева оформляет структуру романа «Серебряный голубь», и являются ли присутствующие в романе геометрические формы отражением натурфилософских взглядов писателя, знакомого с аристотелевской физикой, платоновской геометрией, монадологией неоплатоников, Лейбница и своего отца Н.В. Бугаева [17, 144]. Согласно этим учениям мир состоит из пяти основных стихий: воды, земли, огня, воздуха и эфира, элементы которых, названные монадами, стремятся к единому источнику, оказывая влияние друг на друга. В статье корейской исследовательницы Ё.Ы. Пак «Феноменология хаоса и эфира в «Серебряном голубе» Андрея Белого» уже был произведен анализ романа с точки зрения монадологии. [15] В данном исследовании предстоит определить, каково расположение элементов стихий в каркасе художественного пространства романа, как А. Белый применяет используемые в своих программных теоретических работах фигуры треугольника и пирамиды.

А. Способы преодоления изображения в плоскости и переход к объемному трехмерному изображению

Для того, чтобы яснее увидеть эту структуру, нельзя не прибегнуть к составлению схемы пространства романа, к которой, наверняка, прибегал А. Белый в попытке оформить свое ви́дение, преодолеть двухмерность плоского изображения и создать объемные многомерные образы. По этой причине, считаем, что обозначать передвижение главного героя Петра Дарьяльского в виде линии будет ошибкой. Отметим также, что в передвижении героя обнаруживается несколько точек, влияющих на дальнейшее направление его движения – это дуб, пруд и Мертвый Верх. У дуба, растущего на западе около села Гуголево, несущего значение увядания и смерти, Дарьяльский получает некое благословение от Абрама, который ассоциируется с библейским патриархом Авраамом, символом веры и высшего знания. Так дуб становится первой гранью, которую переходит Дарьяльский и попадает в восточную часть, в село Целебеево, где происходит его приобщение к духовному опыту. У пруда Дарьяльского околдовывает Матрена. Тут происходит переворот в сознании героя, переворачивание его ви́дения мира: он начинает видеть мир с обратной стороны, для него стирается граница между небом и водной бездной, здесь происходит выворачивание наизнанку: «*нет ни верхов, ни низов и где все, что ни есть, цепенение в центре; а ты считай это в мире стоянье паденьем или полетом – все равно*». [6, 148] При встрече со столяром Кудеяровым, лидером секты голубей, начинается движение вниз и вверх к Лихову по дороге Мертвый Верх. Следует подчеркнуть, что здесь А. Белый указывает на одновременно двунаправленное движение, несколько раз описывая его в тексте: «*в самой глубине верха*» [там же, 264], «*фигурка опрокинулась вниз под верх; почему-то Петр стал придерживать вожжи, ожидая, что дрожки поднимутся вверх; но дрожки, как нырнули, так и не поднимались».* [Там же, 264] Само название Мертвый Верх содержит противоположные, характерные для мифопоэтического мировоззрения значения: 1) мертвость, смерть, могила, ведущая в теллурический мир; 2) верх, небеса, поднимающие над тленным миром к эфиру. Хотя дорога по Мертвому Верху лежит в одном направлении к городу Лихову, движение по ней представлено как восходящим, так и нисходящим. Соответственно и сам город Лихов, в котором затем происходит убийство Дарьяльского, может представлять собой вершину пространства романа, направляющуюся либо вверх, либо вниз, или обозначать как высоту, так и глубину пространства: «*Пробегала дорога туда <…> убегала она вверх <…> и терялась у самого неба, потому что здесь припадало небо низко к селу <…> там, за границей, и, будто бы, за небом был славный Лихов город»*. [Там же, 39]

Именно эти три точки в пространстве романа А. Белый использует как ключевые для выхода за пределы изображения в плоскости. В этих точках писатель словно начинает складывать пространство, поднимая одну его сторону вверх и опуская другую вниз, причем каждая из этих сторон имеет треугольную форму, а их гранями становятся линии передвижения героя. В своих исследованиях автор настоящей статьи уже рассматривала пространство романа, как составленное из двух больших треугольников: вершина одного обращена вверх к эфиру и другого – вниз, к теллурическому миру. [13, 100] Ниже представим структуру романа схематично в несколько видоизмененном виде.

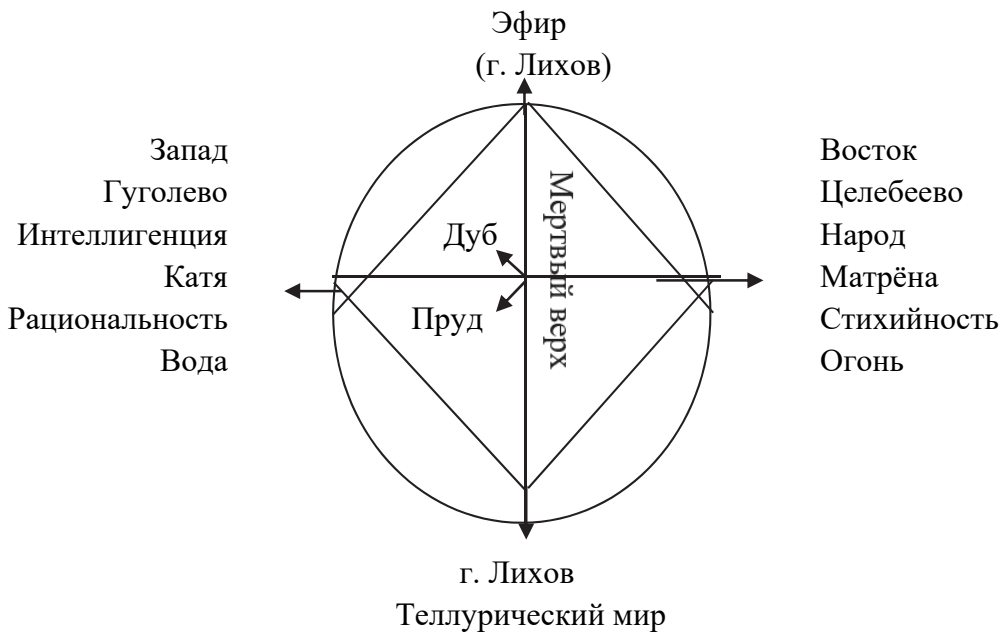


Рис. 1. Двухмерное пространство романа СГ

Эти два треугольника с общим основанием (запад – восток или Гуголево – Целебеево), с вершиной верхнего треугольника, направляющейся вверх (Лихов/эфир) и с вершиной нижнего треугольника, направляющегося вниз (Лихов/теллурический мир), вместе составляют квадрат, который являет собой основание пирамиды. Четырьмя поднимающимися или опускающимися от основания пирамиды плоскостями являются четыре треугольника:

1) Гуголево – дуб/пруд – Лихов (эфир);
2) Лихов (эфир) – дуб/пруд – Целебеево;
3) Целебеево – дуб/пруд – Лихов (теллурический мир);
4) Лихов (теллурический мир) – дуб/пруд – Гуголево.

Каждая грань треугольника, каждый его угол соответствует одной из стихий мироздания и одновременно может обладать противоположными или смежными с ней свойствами. В основании треугольника на западе – Гуголево – вода, на востоке – Целебеево – огонь, а вершиной треугольника (т.к. к нему ведет крутой подъем Мертвый Верх), является город Лихов – воздух. Между Гуголевым и Целебеевым – дремучий лес, в центре которого старый дуб – земля. Между Целебеевым и Лиховым – Мертвый Верх – земля, вода, воздух, где смешение земли с водой производит грязь, а смешение земли с горячим воздухом, обожженным солнцем, – пыль.

Б. Описание передвижения главного героя романа как способ наделения статичного пространства динамическими свойствами

В ходе анализа также выявилось, что сюжет романа построен на нескольких видах трехсторонних отношений:

а) пространственных (Гуголево – Целебеево – Лихов);
б) идеологических (Кудеяров – Дарьяльский – барон Павел Павлович);
в) религиозных (Кудеяров-Дарьяльский-Шмидт);
г) любовных (Катя – Дарьяльский – Матрена),
д) субординационных (Матрена – Кудеяров – Дарьяльский).

Этот факт позволяет заключить, что выбор треугольной формы в качестве основной фигуры неслучаен, что для романа «Серебряный голубь» значение треугольника как символа весьма актуально, метод треугольника становится главным методом, организующим пространство романа. Описывая гороскоп Дарьяльского, составленного Шмидтом [6, 161], в котором присутствуют круг, треугольники, крест и линии, и который представляет собой каббалистическую схему мироздания и означает мистическую творческую силу, посредствующую между богом и миром, А. Белый делает прямое указание на важность толкования геометрических фигур, составляющих его произведение. Если сравнить вышеуказанный рисунок 1 с гороскопом Дарьяльского, мы с уверенностью можем сказать, что выявленная при анализе структура романа является упрощенным вариантом или частью гороскопа Дарьяльского, значение которого еще предстоит изучить.

Если в начале повествования Дарьяльский представлен одиноким безродным поэтом, а его «дом» в виде тоски персонажа по некоему мифологическому пространству, то в конце герой обретает свой истинный «дом» через смерть. В сюжете «Серебряного голубя», построенном в форме испытаний героя на пути к своей «истинной родине» в рамках, очерченных несколькими взаимопроникающими с размытыми границами треугольниками, явно прослеживаются все принципы построения волшебной сказки, названные В.Я. Проппом [16, 106], среди которых наиважнейшим является обряд инициации, в архаических системах связанный со смертью и перерождением прежнего героя в нового, что наблюдается в романе А. Белого.

Особенностями перемещения Дарьяльского является движение от одного полюса к другому: по горизонтали – от запада к востоку, от рационального к стихийному; и по вертикали – из глубины земного бытия в высоты изначального мироздания. Также передвижение героя циклично и сопровождается трудностями, поднимающими его на новый уровень и приближающими к «дому». Этим А. Белый обращает внимание на то, что путь познания своих истоков непрост и опасен, более того этим писатель снова поднимает тему возврата, поднимавшейся как в третьей симфонии «Возврат», так и в «Глоссолалии», где эксперименты со звуками являются прямым обращением к праязыку предков.

Учитывая то, что в своих теоретических произведениях А. Белый использовал треугольники и составлял из них пирамиды [1], можно с уверенностью сказать, что и пространство романа «Серебряный голубь» оформлено в виде объемной фигуры, и, судя по возможному количеству сторон, она представляет собой пирамиду. Однако, если учесть возможность движения вверх или вниз к одной точке без каких-либо граней, т.к. границы размыты, то движение будет ассоциироваться со спиралевидной линией (эпизоды, описывающие блуждания Дарьяльского по полю и лесу). В таком случае геометрическая

фигура, которая будет соответствовать движению героя, может представить собой конус, вершина которого также может быть направлена как вниз, так и вверх.

Таким образом, можно заключить, что представленная выше на рисунке 1 схема двухмерного пространства, имеет способность трансформироваться в трехмерную геометрическую фигуру – в пирамиду или конус. Более того, со смертью героя, когда А. Белый вводит символ эфира, это трехмерное замкнутое пространство открывается и переходит в четвертое измерение – пространство иного бытия – эфир. [6, 279]

Заключение

В данной статье наглядно продемонстрировано строение романа «Серебряный голубь», в котором были обнаружены не только некоторые плоские геометрические фигуры: треугольник, квадрат, круг, но и объемные – пирамида и конус. Объемность, многогранность пространству произведения и многомерное ви́дение мира обеспечивают восходяще-нисходящие плоскости пирамиды. Поступательное движение главного героя, его испытания также указывает на путь его восхождения к некой высшей цели. В этом с новой силой были актуализированы монадологические идеи о восхождении-возврату к истокам, отразились натурфилософские взгляды А. Белого на мир. Однако, считаем, что символические значения геометрических фигур, заложенных в основу структуры романа, еще предстоит раскрыть посредством сравнительных исследований романа «Серебряный голубь» с последующими произведениями, особенно с романом «Петербург». На данном этапе исследования заключим, что в образе пирамиды выразились синкретизм, мифологизм, натурфилософский и символический характер творчества А. Белого.

В ходе анализа выявлено, что пространство романа, не имеющее четких границ, воспринимается искривленным и вывернутым наизнанку, этим А. Белый хотел сказать, что возможности человека, прорывающегося к неведомой безграничной реальности мироздания, нельзя ограничить рамками конкретных геометрических фигур. Несколько лет спустя в книге «На перевале и кризис мысли» А. Белый напишет о преобладании творческих идей над логическими умозаключениями: «Безумие Сердца гонит Дарьяльского к свободе от мозга». [5, 500]

В целях указания на изменения в сознании главного героя и его поэтапное приближение к смерти, означающей некую высшую цель, помимо статичных треугольных и квадратных форм, составляющих пирамиду, А. Белый вводит круг, как символ бесконечного движения. Более того, постепенно увеличивая угол подъема линии окружности (в описании перехода героя от одного испытания к другому), писатель разрывает ее и трансформирует в восходящую спиралевидную линию, за счет чего наделяет пространство динамичными качествами. Пространство романа находится в постоянном движении: меняется расположение его границ, глубина пруда и высота неба взаимозаменяемы, как и взаимозаменяемы другие качества персонажей, характеристики звуков или цвета. [13, 42] Пространство живет своей жизнью как небольшая вселенная, а ее элементы направляют героя к истокам. Однако, в отличие от романа «Петербург», где спираль идет на

расширение, в центробежном движении разрывает мир на куски, в «Серебряном голубе», где герой встречает смерть, спираль стремится из множества точек земного основания к одной единственной точке, эфиру, для А. Белого означающего вершину Символа – единение всех творений мироздания в одном извечном изначальном источнике, на чем и завершается роман «Серебряный голубь».

Несомненно, представление о пространстве романа «Серебряный голубь» – всего лишь один из факторов, организующих его тематику и хронотоп и нуждается в более глубоком изучении, как и роль геометрии и гносеологии в установлении связей в романе. Его по праву можно назвать отправной точкой для исследования последующих произведений А. Белого, который написал позднее в «Воспоминаниях»: «Серебряный голубь» удачен в одном: из него торчит палец, указывающий на пока еще пустое место». [6, 438]

References:

1. Bely A. Emblematika smysla / Kritika. Estetika. Teoria simvolizma: V 2-h tomah. T. 1 / M.: Iskusstvo, 1994. URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_05_1904_simvolizm.shtml (**Acc essed:** 5.05.2018).
2. Bely A. Krititsizm i simvolizm / Kant: pro et contra. – Spb, Izd-vo Russkoj Hristianskoj g umanitarnoj akademii (RHGA), 2005. – s. 553-562. URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_0 3_1904_simvolizm.shtml (**Accessed:** 5.05.2018).
3. Bely A. Masterstvo Gogolia. M.: MALP, 1996. – 351 s.
4. Bely A. Na rubege dvuh stoletij. M.: Hudogestvennaja literatura, 1990. – 542 s.
5. Bely A. Peterburg. Spb: Nauka, 2004. – 699 s.
6. Bely A. Serebrianyj golub. M.: Sovetskaja Russia, 1988. – 464 s.
7. Bely A. Simvolism kak miroponimanie. M.: Respublika, 1994. – 528 s.
8. Bely A. Vospominania. T. III. Ch. 2. (1910-1912 gg.) // Literaturnoe nasledstvo. Simvolis ty. T. 27-28. – M.: Gurnalno-gazetnoe objedinenie, 1937 / Publ. K. Bugaevoj. – S. 409-45 6.
9. Hanzen-Liove A. Mifopoeticheskij simvolizm. Spb.: Akademicheskij proekt, 2003. – 816 s.
10. Isjanova L.M. Fenomenologicheskaja dialektika – Iskusstvo - Muzyka. Uroki A.F. Losev a: Monografia. – K.: Institut povyshenia kvalifikatsii rabotnikov kultury Ministerstva kult ury I iskusstv Ukrainy, 1998. – 450 s.
11. Ivanov-Razumnik R.V. Andrej Belyj. URL: https://www.e-reading.club/book.php?book= 95029 (**Accessed:** 5.05.2018).
12. Kaparushkina D.I. Issledovanie simvolicheskih znachenij elementov zvukovoj organizatsi i romana A. Belogo “Serebrianyj golub”. – Korejskaja assotiatsia russkogo jazyka i literat ury. T. 30. Vyp. 1, 2018. – S. 251-286.
13. Kaparushkina D.I. Miphopoeticheskie obrazy v romane A. Belogo “Serebrianyj golub” (A naliz simvolicheskih znachenij folklornyh obrazov). – Dusseldorf: Lambert Academic Pu blishing, 2016. – 210 s.
14. Losev A.F. Stroenie hudogestvennogo mirootshutshenia // Losev A.F. Forma – Stil – Vyr agenie. – M.: Mysl, 1995. – S. 297-320.

15. Pak E.Y. Fenomenologia haosa i efira v “Serebrianom golube” A. Belogo. – Korejskaja a ssotiatsia slavistov. T. 19. Vyp. 1, 2004. – S. 85-114.
16. Propp V.J. Morfologia volshebnoj skazki. – M.: Labirint, 2001. – 144 s.
17. Silard L. Andrej Belyj // Russkaja literatura rubega vekov (1890-e – nachalo 1920-h godo v), kniga 2, IMLI RAN, “Nasledie”, 2001. – S. 144-189.

Information about the author:

Diana Igorevna Kaparushkina (Diana Jang) (Asan, Republic of Korea) *– CandSc. (Pedagogogy), Visiting Professor* ***College of Global Business and Foreign Languages****, Department of Russian Language and Russian Studies, University “Sun Moon”,*
Address: 103-101, Magellan, Dae-hak-ro 102-7, Dong-gu, Daejeon, Republic of Korea,
e-mail: diana_jang@daum.net, tel.: (82) 10-9183-3101,
25 proceedings on Russian and Korean literature, methods for teaching Russian as a foreign language, experimental phonetic, Russian and Korean pronunciation.

DOI: 10.24411/2470-1262-2018-10016

УДК (UDC) 316.4:7.01

Margarita G. Perestoronina,
Maxim Gorky Literature Institute,
Moscow, Russia

For citation: Perestoronina M.G., (2018),
The evolution of the form of Art as a successive alteration of cultural paradigms considered based on the concept of socio-cultural dynamics of Pitirim Sorokin.
Cross-Cultural Studies: Education and Science.
Vol.3, Issue II, pp. 40-49 (in USA)
Manuscript received: 04/26/ 2018
Accepted for publication: 06/03/2018
CC BY 4.0

ЭВОЛЮЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФОРМЫ КАК ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ ЧЕРЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ПАРАДИГМ: НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ ПИТИРИМА СОРОКИНА

THE EVOLUTION OF THE FORM OF ART AS A SUCCESSIVE ALTERATION OF CULTURAL PARADIGMS CONSIDERED BASED ON THE CONCEPT OF SOCIO-CULTURAL DYNAMICS OF PITIRIM SOROKIN

Abstract

The article contains the typology of views expressed by Pitirim Sorokin about cyclical alterations of socio-cultural systems in European civilization developed in his concept of socio-cultural dynamics. The concept is used by the author to examine and analyze the evolution of the esthetic categories such as the form of art and the content. It is suggested that deconstruction of the unity of the content and its fragmentation inevitably cause transformations in a form of art that is bound to carry out the functions of the content.

Summarizing the ideas of Pititim Sorokin about the cyclicity of three cultural super-systems – ideational, idealistic and sensory – the author of the article stresses the significance of the fourth stage – the one of eclectic art - within the dynamics of cultural alterations. In his studies, Sorokin features the eclectic stage, though he does not include it (nor do his followers) into the global process of fluctuating changes of society.

The author of the article aims at highlighting the importance of the transitional stage of eclectic art in the space of altering super-systems and proposes to assign to it the status of the fourth super-system in the cycle of fluctuating changes.

Keywords: *civilization, cyclicity, super-system, form of art and content, ideational, idealistic, sensitive and eclectic art, Pitirim Sorokin*

Introduction

Искусство, что вбирает в себя всю многоликость жизни, одним из первых улавливает существенные сдвиги в развитии общества, отражая тем самым качественный переход от одной эпохи к другой.

XX век был ознаменован рождением кинематографа, вобравшего в себя все традиционные виды искусства. Изобретение Люмьеров повлекло за собой своеобразную «смену парадигмы»: соединение визуальной (книжной) и аудиальной (устной) культур дало аудиовизуальную или экранную культуру. Дальнейшее развитие техники, освоение и совершенствование языка кино привели нас через телевидение к миру компьютерных технологий и виртуальной реальности. XXI век открылся эпохой Интернета, синтезировавшего в себе тактильное, аудиальное и визуальное мировосприятия человека, что позволило уже заговорить о психологической эволюции человека. Новая реальность рождает новую мифологию, утверждает новые образцы поведения, новую систему культурных и социальных координат. И одним из основных вопросов исследователей искусства, является вопрос о его будущем.

Изменения в художественной форме, как правило, всегда предвосхищают скорые перемены в социальной жизни общества. Однако, вплоть до XX века эти перемены не вызывали столь быстрой эволюции самого человека, тогда как с приходом технических искусств ситуация в корне стала меняться. Бурное развитие техники и ее слияние с производящей стороной искусства привело к неограниченным возможностям синтеза всех традиционных видов искусства в одном произведении, что в свою очередь дало толчок к развитию новых форм за счет дробления и калейдоскопического соединения прежних. Разрушение традиционных форм, их атомизация и суммирование в неком новом, приводит к затуманиванию их традиционного содержания, давая возможность его свободной интерпретации.

В статье предполагается рассмотреть эволюцию художественных форм в историческом пространстве западноевропейской цивилизации.

Theoretical points of view

В первой половине XX века американский социолог русского происхождения Питирим Сорокин выпустил в свет свою книгу «Социальная и культурная динамика», где на обширном материале показал цикличность исторического процесса как последовательное чередование трех культурных сверхсистем: идеациональной, идеалистической и чувственной, что отличны друг от друга как по внешним формам, так и по внутреннему

содержанию. Сменяя одна другу, эти сверхсистемы пронизывают все общество в целом, но прежде всего отражаются во всех сферах искусства, как в зеркале общества.

Data and Methods of Research

Идеациональное искусство, по классификации исследователя, как своей формой, так и содержанием «выражает основную посылку культуры – основная реальность-ценность есть Бог» [5, с. 436], поэтому главной темой всех сфер искусства является «сверхчувственное у царства Бога» [5, с. 436]. Основные герои такого искусства – Бог и лица божественной иерархии, грешники и кающиеся, а также все трансцендентальные события (воплощение, искупление, распятие, спасение, др.). Все это искусство направлено на «Бога, Духа, высшей духовной сферы вне человеческого сознания» [5, с. 436]: его цель не увеселение и развлечение, а направление всех помыслов и обращений к Богу. «Таковое, искусство священно как по содержанию, так и по форме. Оно не допускает и толики чувственности, эротики, сатиры, комедии, фарса. Эмоциональный тон, искусства – религиозный, благочестивый, эфирный, аскетичный» [5, с. 436].

Идеациональная культурная сверхсистема – это цивилизационная ситуация, когда содержание превышает форму (С>Ф)[83]. К историческим примерам идеациональных форм Сорокин П.А. относит: «периоды в искусстве даоистского Китая, Тибета, Брахманской Индии, в буддистской культуре, культуре Древнего Египта, искусстве Греции с IX по VI век до нашей эры, искусстве раннесредневекового христианского Запада и т. д.» [5, с. 438].

Чувственное искусство – это цивилизационная ситуация, когда форма превышает содержание (Ф>С), отчего его типичные черты противоположены, можно даже сказать, антагонистичны, идеациональному искусству.

Такое искусство живет и развивается в наблюдаемом человеком чувственном мире, отчего пейзаж, портрет, жанровая живопись преобладают в изобразительном искусстве. Литература уделяет большую часть своего внимания человеку и бремени страстей его. Скульптура и архитектура – не менее чувственны. Героями искусства являются типичные представители общества, предстающие перед зрителем в сложном взаимосплетении их социальных статусов: отцы и дети, младенцы и старики, рабочие и владельцы, богатые и бедные, любимые и отверженные, и т.д.. На зрелой стадии данное искусство отдает статус любимого «героя» различным маргинальным элементам – «проститутки, преступники, уличные мальчишки, сумасшедшие, лицемеры, мошенники и другие подобные им субсоциальные типы» [5, с. 437], стараясь довести, таким образом, социальные контрасты до максимума: проститутка и миллионер, как современный миф о Золушке, наследница и преступник – «Красавица и Чудовище», и т.д. Целью такого искусства является чувственное наслаждение, возбуждение, увеселение, развлечение.

Как и в идеациональной ситуации, чувственное искусство также стремится к своему пределу, необходимости постичь границы, отчего проповедуемое им наслаждение с

[83] Здесь и далее по тексту используются условные обозначения: С - содержание, Ф - форма

течением времени все более и более повышает свою концентрацию: от чувственной эротики к циничной извращенности, от легкого возбуждения к усталому пресыщению, от поиска идеала к неутолимому сексоголизму, и т.д. По этой причине, эволюционируя, оно становится сенсационным, скандальным, провокационным, постоянно неудовлетворенным и ищущим новое. В нем нет места «Великому Другому», а такие понятия как мораль или религия принимают утилитарный характер. Все идеалы идеационального искусства в чувственном меняют свой противоположный полюс, что дает теоретикам искусства и исследователям повод говорить о возрождении на новом уровне негативных ценностей. Так чувственное искусство «широко использует карикатуру, сатиру, комедию, фарс, разоблачение, насмешку и тому подобные средства» [5, с. 437] – эстетические категории, которые в идеациональной ситуации (С>Ф) являются носителями негативного содержания и противопоставляются их паракатегориям.

Стиль чувственного искусства свободен от всякого символизма, реалистичен, натуралистичен. «Это искусство динамично по своей природе: в своей эмоциональности, силе изображаемых страстей и действий, по своей настоящей современности и изменяемости. Ему приходится непрерывно меняться, выстраивая цепочку прихотей и образов, так как в противном случае оно будет скучным, безынтересным и неувлекательным. По этой же причине это искусство внешнего проявления, так сказать, напоказ. Так как оно не символизирует никакой сверхчувственной ценности, оно зиждется на внешней саморепрезентации. <…> Более того, это – искусство профессиональных художников, угождающих пассивной публике. Чем оно более развито, тем более ярким становятся его характеристики» [5, с. 437].

К историческим примерам чувственной формы Сорокин П.А. относит: культуры раннего палеолита многих примитивных племен, изобразительные искусства Ассирии в течение некоторых периодов ее истории, некоторые периоды в истории искусства Древнего Египта и особенно римского, также последнюю эру крито-микенской культуры и греко-римскую цивилизацию с III века до нашей эры по IV век нашей эры, и, наконец, период в западной культуре на протяжении последних пяти веков [5, с. 438].

Идеалистическое искусство – это цивилизационная ситуация, когда форма и содержание предстают в гармонии и единстве (Ф=С). Оно представляется как самое напряженное время, когда сила человеческого духа соединяет противоположности и рождает новое измерение, что вберет в себя высший предел ценностей идеационального искусства, находящегося на максимально высокой стадии своего развития.

Мир идеалистического искусства «частично сверхчувственный, частично чувственный, но только в самых возвышенных и благородных проявлениях чувственной действительности» [5, с. 437]. Его герои – боги и полубоги, мистические и мифические создания, а также и реальные люди, но только благороднейшие из благородных. Это искусство стремится «родить истинную добродетель, постигать истину, а не призраки», поэтому оно «намеренно слепо ко всему недостойному, вульгарному, уродливому, негативному в реальном мире чувств» [5, с. 437].

Стиль идеалистического искусства одновременно и символичен, и аллегоричен, и реалистичен, и натуралистичен. Это спокойствие и созерцательность, ясность и невозмутимость, стойкая и героическая чувственность, которая не обдает зрителя теплом чувственного искусства, но подталкивает к восхищению и стремлению к прекрасному. Это удивительный синтез идеационального и чувственного искусства, когда «Великий Другой» обретает зримые материальные формы.

«Идеалистическая форма искусства не была столь широко распространенной, как две другие формы, но господствовала она не раз, – пишет П.А. Сорокин. – Ее лучшие образцы нашли свое завершение в греческом искусстве V веха до нашей эры и западноевропейском искусстве XШ века» [5, с. 437].

Results obtained

Когда в цивилизации происходят изменения, которые влекут за собой переосмысление мировоззренческого взгляда на жизнь, то в соответствующем направлении меняются и основные тенденции в искусствах. На смену чувственному восприятию мира приходит идеациональное мироощущение, что в искусстве отражается как переход от помпезных, но содержательно бедных художественных форм к воздержанным и глубоко символичным. Достигая своего апогея, когда символизм содержания грозит подавлением тела формы, идеациональное мировосприятие вспоминает о земных радостях, что знаменует собой исторически краткое время идеалистического искусства – время гениев и могучих титанов, способных схватить, удержать и выразить единство содержания и восстановленной в своих правах формы. Далее вновь наступает время чувственного искусства и триумф формы, которая в стремлении к совершенству начинает подавлять содержание.

Переходы от одного типа искусства к другому и соответственно доминирующего направления в культуре всегда сопровождаются болезненными трансформациями в обществе.

Особенно сильными и тяжелыми социальными катаклизмами сопровождается смена чувственной системы на идеациональную. Переход этот происходит через стадию эклектичного искусства, которое, по мнению исследователя, «есть псевдоискусство, не объединенное каким-либо серьезным образом в единый стиль, представляющее собой исключительно механическую смесь той или иной формы. У него нет ни внешнего, ни внутреннего единства, нет индивидуального или постоянного стиля, и оно не отражает системы унифицированных ценностей. Это искусство восточного базара, мешанины различных стилей, форм, тем, идей. Такое искусство скорее псевдо, чем истинное» [5, с. 437 – 438].

Эклектичное искусство в своем пределе близко к ситуации С=0=Ф, но не тождественно ей. Несмотря на то, что понятие эклектики наделяют, как правило, негативным содержанием из-за ведущего принципа релятивизма и игры уже созданными формами, тем не менее следует отдать должное данной ситуации, которая более всего походит на обзор, проверку и отбор всего интеллектуального багажа, который накопила культура к этому

времени. В своем расцвете, когда художественная форма еще не утратила свой цельный характер, эклектичное искусство, ревизируя культурное наследие, отделяет «семена от плевел», синтезируя в себе самое лучшее, хотя и лишенное уже творческого духа.

Это неизбежно приводит цивилизацию к самолюбованию, когда культура начинает играть высшими смыслами, что закономерно ведет к их измельчанию. Таким образом, «Великий Другой» как центральный ориентир и координатор всех волевых усилий уступает место хаотическому движению все множащихся тенденций и общество постепенно начинают раздирать противоречия во всех областях деятельности. Реальность окончательно десакрализуется и появляется ностальгия по старым добрым временам – «золотому веку» гармонии, от которого затерялись ключи: живая память творения уступает место мифологическим образцам.

Если цивилизация в этой ситуации находит в себе резервы для качественного скачка, то осуществляется переход к идеациональной стадии. Это также период рефлексии сознания, подобный тому, что происходит при переходе к идеалистической ситуации, но качественно иной. На сей раз мысль направлена на поиск утраченного или забытого «Великого Другого». И мысль эта, как правило, нетерпима, фанатична, однонаправленно устремлена. Это время для рождения гениев – создателей новых форм.

Если же не произойдет такого качественного скачка, то цивилизация становится претендентом на ассимиляцию другой этнической общностью – более здоровой и агрессивной. И если факторы, когда-то послужившие импульсом развития, обновления и поиска, рождения и создания новых идей, не преодолеют свое множество и не перерастут в качественно иное, то можно говорить о пределе эклектической ситуации как о конце и исчезновении данной культуры, утрате ключей к ее пониманию.

Пока эклектическое искусство занято резервированием своего наследства и самолюбованием, оно не допускает мысли о возможности какого-либо идейного соперничества, словно родитель упускающий момент взросления ребенка. Так греки упустили момент, когда вскормленный на их культуре Рим стал самостоятельным и продолжали считать римлян варварами, не замечая их снисходительного к себе отношения. Так и римляне не отнеслись с должным уважением к первым христианским общинам с их аскетической моралью, лишавшей стольких радостей жизни. Так и святая инквизиция, занятая борьбой за чистоту веры, пропустила момент, когда астрономия превратилась в науку. В результате потомки стали именовать греческую цивилизацию греко-римской. Римскую цивилизацию поглотила христианская эпоха. В недрах христианства родилась наука, которая дала мощный толчок к творческому развитию.

Ростки этих дочерних структур находятся в периодах чувственного искусства, а всходы приходятся на время эклектики. В итоге создается ситуация, когда в старой структуре тем или иным образом рождается новая, которая наследует лучшие достижения материнской цивилизации, но не воспринимается последней серьезно. Отчего в какой-то момент времени возникают две разнонаправленных сверхсистемы: материнская, что продолжает

практиковаться в эклектике, и дочерняя, которая вырабатывает свои идеациональные принципы. Эти системы остаются друг к другу слепы и дифференцируются только потомками. Этой слепоте способствует сохраняющееся вплоть до исчезновения самоназвание материнской структуры и ее живая память о своем величии. Самокритический взгляд, конечно, осознает, что величие былое, но никакая самокритика не сможет умертвить надежду на его возрождение.

Дочерняя же цивилизация, разрабатывая систему «новых» идеациональных принципов, постоянно обращается к опыту прошлого, но осмысливает его со своих позиций, в результате чего происходит эволюция художественной формы. Так, например, «Великим Другим» для греков было божественное благо – для римлян земное право, для христиан загробный рай – для научного мировоззрения препарирование природы. Для экранной культуры XX-XXI века потомки возможно определят на это место земной рай здесь и сейчас, а для виртуальной XXI века – творение как акт человеческой природы, как оправдание человеческой жизни. Как видно, идея «Великого Другого» вечна, а вот полис ее устремлений у материнской и дочерней систем противоположный.

В результате на идеациональной стадии дочерняя цивилизация отрицает прежние ценности, на идеалистической – возрождает, на чувственной – культивирует, в эклектической – порождает антагонизирующую структуру. Так христиане в многочисленный пантеон греко-римского мира вдохнули идею о единоначалии, поскольку империя ширилась и нуждалась в объединяющем принципе. Ренессанс обратился к классическому искусству греков, внеся в него личностное начало. Наука, сумев обобщить более чем тысячелетние наблюдения за природой, восхитилась собственными силами и, возведя разум во главу угла, продолжила начатое.

Выработав основополагающие принципы и утвердив их, дочерняя цивилизация окончательно подавляет материнскую структуру, в результате чего становится носителем живого генома памяти поглощённой культуры и поведенческих матриц.

Conclusion

В связи с вышеизложенным возникает настойчивая необходимость рассмотрения переходной стадии эклектического искусства как одной из важнейших – четвертой сверхсистемы, – представляющей собой зеркальное отражение идеалистической стадии, в которой вырабатываются ассиметричные ценности, что лягут в фундамент и станут традиционными после флуктуационного перехода к идеациональной стадии, как правило, уже в дочерней цивилизационной структуре.

В Европе рубеж XIX – XX веков знаменателен усилением творческой активности и рождением плеяды гениальных художников, а события XX века по грандиозности социальных потрясений и катаклизмов должны были привести европейское сознание к смене мировоззрения с чувственного на идеациональное. Но вместо этого во второй половине XX века европейская цивилизация активно противопоставляла себя своей же дочерней структуре – американской цивилизации, – в результате чего так и не произошло

качественного скачка в системе ценностей и смены мировоззрения. С приходом XXI века в Европе по-прежнему не наблюдается мощного маргинального течения, которое бы активно вербовало своих адептом, не наблюдается и художников, фанатично проповедующих свои идеи. Зато с очевидностью прогрессирует ситуация эклектичного искусства, которое легко и виртуозно играет прежними достижениями культуры. Следовательно, исходя из логики рассуждения, европейская территория западной цивилизации предрасположена к физической ассимиляции ближайшими этносами, что означает угасание европейской культуры на данной территории и сохранение живого генома памяти о ней в американской цивилизации.

Позволим один пример. В серии полнометражных мультфильмов «Ледниковый период» [7; 8; 9; 10; 11] основной сюжет прерывается второй параллельно развивающейся историей, в которой странная крысобелка по имени Скрат (Scrat – персонаж серии полнометражных анимационных фильмов «Ледниковый период» и короткометражек студии Blue Sky Studios, «саблезубая крысобелка», одержимая страстью к желудям) пытается постоянно овладеть *одним и тем же* желудем. Кого-то позабавят нелепые и забавные действия белки, стойко преодолевающей одно препятствие за другим на пути к заветной цели, а кто-то усмотрит в этом отсылки к Сократу и трудно достижимой мудрости, спрятанной в орехе.

Заканчивается мультфильм тем, что проходит двадцать тысяч лет, и мы видим Скрата, застывшего в огромном куске льда. Лед пристает к тропическому берегу и постепенно тает под жарким солнцем. Желудь вытаивает изо льда быстрее белки и смывается в океан. В отчаянии Скрат бьется головой о пальму и с нее падает кокос. Скрат вбивает *кокос* в землю, отчего начинается извержение вулкана. Таким образом, в смыслы этой серии мультфильмов кроме буквального можно вложить и философское, и футуристическое, и эсхатологическое, и иные планы содержания. Другие короткометражные мультфильмы с этим героем не менее глубоки по содержанию и философичны.

Так серьезная европейская традиция переплавилась в развлекательную форму и уже почти утратила свое мощное философское содержание, несмотря на буквальные отсылки к историческим событиям и эпохам, в которые попадает эта самая крысобелка. Больше двух с половиной тысяч лет уходят в иносказательную форму, что со временем, возможно, обрастет многочисленными комментаторами, которые с научной скрупулёзностью будут из Скрата добывать Сократа.

Художник XXI века оснащен непревзойденными техническими средствами, которые позволяют ему творить качественно совершенные произведения, что превосходят по своему объему, размеру, качеству и количеству все созданное ранее. Небоскребы, стадионы, киноконцертные залы, статуи, башни и другие чудеса архитектуры вызывают преклонение перед их монументальностью. Автомобили, одежда, интерьер жилища, домашняя утварь и прочее – все обратилось в предметы искусства, окружившего нас в повседневной жизни. Музыка, картины, скульптуры, литература – все сокровища мировой культуры стали доступны любому желающему приобщиться к ней.

Синтез техники и искусства превратил наше пространство жизни в гигантскую энциклопедию-универмаг, где каждый может найти все требуемое или желаемое. Такого разнообразия и в таком ассортименте не знала еще ни одна эпоха, когда в едином поле одновременно сосуществуют все стили и направления известные истории искусства.

Но, как было замечено ранее, природа людская двойственна: отчего рано или поздно добродетели обращаются в пороки. Количественная мания современности неизбежно ведет к ухудшению качества. Чем больше и разнообразнее масса материала для работы, тем труднее ее обработать, привести к единому знаменателю, найти устойчивость и гармонию. Поэтому в такой ситуации художник посвящает себя внешней форме, отводя на второй план или забывая даже о сути явлений, которые он стремится воплотить. Современные технологии также позволяют художнику значительно расширить область художественно-эстетических экспериментов. Но на этом пути его подстерегают опасность игры всеми известными стилями, в зависимости от собственных предпочтений и требований рынка, что приводит опять же к направленности всех творческих усилий только на внешнюю форму.

Пока новый алгоритмический и прежний образно-художественный типы мышления не будут синтезированы в сознании художника, искусству грозит опасность превращаться в музей «социальной и культурной патологии» (П.А. Сорокин). Когда эта ситуация завершится, мы сможем говорить об очередном эволюционном витке и переходе в другую качественно новую эпоху.

References:

1. «Bychkov V. V. Estetika: the Textbook for high schools / V. Bychkov. - M.: Akademicheskiy Prospekt, The Mir Foundation, 201. – 452 p.
2. Lotman Ju. M. Izbrannye stat'i v treh tomah. Tom I. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury/ Neskol'ko myslej o tipologii kul'tur [Selected articles in three volumes. Volume I. Articles on semiotics and culture topology/ Some thoughts on the typology of cultures]. – Tallinn: Publishing House "Alexander", 1992. – 247 p.
3. Lotman Ju. M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva (Serija «Mir iskusstv») [Articles about semiotics of culture and the arts (Series "World of art")] / Comp. R. G. Grigorieva, Before. S. M. Daniel. – St.Petersburg.: Academic prospectus, 2002. – 544 p.
4. Platon. Dialogi [Dialogues] / Ed. with ancient Greek.; Comp., ed. and ed. come. Articles by A. F. Losev, Ed.; Note. A. A. Tahoe Godi. – Moscow: Mysl, 1986. – 607 p.
5. Sorokin P.A. Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo [Person, Civilization, Society] / General. ed., comp. and Foreword. A. Y. Sogomonov: Per. from English. – M.: Politizdat, 1992. – 543 c.
6. Jeliade M. Mif o vechnom vozvrashhenii [The myth of the eternal return]. Available at: http://chronarda.ru/phoebus/sub/retern.php (accessed 15 July 2014).
7. «Lednikovyj period» [«Ice Age»] (Dir. Chris Wedge, Carlos Saldanha, 2002).
8. «Lednikovyj period 2: Global'noe poteplenie» [«Ice Age 2: The Meltdown»] (Dir. Carlos Saldanha, 2006).

9. «Lednikovyj period 3: Jera dinozavrov» [«Ice Age 3: Dawn of the Dinosaurs»] (Dir. Carlos Saldanha, Mike Thurmeier, 2009).
10. «Lednikovyj period 4: Kontinental'nyj drejf» [«Ice Age 4: Continental drift»] (Dir. Steve Martino, Mike Thurmeier, 2012).
11. «Lednikovyj Period 5: Stolknovenie Neizbezhno» [«Ice Age 5: Collision Course»] (Dir. Mike Thurmeier, Galen T. Chu, 2016).

Information about the authors:

Margarita G. Perestoronina (Moscow, Russian Federation) *postgraduate student – Maxim Gorky Literature Institute (Tverskoy Bulvar, 25), Teacher of Russian language and literature at Capital Business College (Tverskaya street, 27). Her research fields are: philosophy, teaching, social communication, applied psychology.*
E-mail: margaritaperestoronina@yandex.ru

Acknowledgements:

The author of the article would like to thank Alexander Ivanovich Zimin, his supervisor, for support and valuable advice, Chair of Social Sciences Lyudmila Mikhailovna Tsareva, and Chair of Foreign Languages Irina Alekseevna Shishkova for practical assistance, as well as editors of Cross-Cultural Studies and Managing Editor Prof. S.M.Minasyan for providing consultation on technical editing of the article.

DOI: 10.24411/2470-1262-2018-10017

УДК (UDC) 82-1

Maiia M. Polekhina,
Moscow State Institute of International Relations (University),
Odintsovo, Russia.

For citation: Polekhina M.M., (2018). Poetic thanatology in the discourse of Art creativity of M. Tsvetaeva and V. Mayakovsky Cross-Cultural Studies: Education and Science. Vol.3, Issue I, pp. 50-63 (in USA)
Manuscript received: 05/ 02/ 2018
Accepted for publication: 06/13/2018
CC BY 4.0

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТАНАТОЛОГИЯ В ДИСКУРСЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА М. ЦВЕТАЕВОЙ И В. МАЯКОВСКОГО

POETIC THANATOLOGY IN THE DISCOURSE OF ART CREATIVITY OF M. TSVETAEVA AND V. MAYAKOVSKY

Abstract

In this study, the questions of life, death and immortality, artistically conceptualized by Russian poets of the first third of the twentieth century, are interpreted by us as concepts, the phenomenon of which is beyond the strict intentions of the world and man. These concepts represent the artistic picture of the world of Russian writers of the early twentieth century and are associated primarily with the attributes of the perception of philosophical and aesthetic phenomena of existence and non-existence. The fact of death in the Russian literature of the twentieth century is often subjected to aesthetics, informing its special appeal. The moment of possibility of a person to abort the life, exercise the will in opposition to the natural course of circumstances, the question of freedom and limitless possibilities of the individual in deciding on the limits of your stay in the world have been widely discussed in literary circles. The artist saw the meaning of life in the creative field: only here, could he become similar to the Creator and to achieve a breakthrough from the earth's imperfect reality to higher space "life in beauty." A question of the aesthetization of existence had already been conceptualized in the early works of the poet Tsvetaeva, and later was connected with the question of the fate of the artist and one's

voluntary leaving, that somehow had been prepared by the experience of studying ancient and Western philosophy (Heraclitus, Nietzsche, Steiner, etc.) and reflections of the poet on the impermanence of the world and the meaninglessness of human existence. For Mayakovsky, the issues of death and voluntary departure are obsessive ideas, represented in the destructive images of the space-time continuum of his artistic world and discordant to his dream of the microcosm of the perfect person. The motives of suicide in the works of poets of the early twentieth century are associated with the problem of breaking the connection of man with the macrocosm, when the peak of human suffering reached its highest manifestation: the artist abandoned the sinful world, preferring non-existence to preserve the beautiful, spotless, creative beginning of a man.

Keywords: Russian poetry, concepts life /death /immortality, suicide, Tsvetaeva, Mayakovsky

В последние годы возрастает интерес к исследованию художественной танатологии в современной академической науке. Культурно-исторический, герменевтический, системно-структурный, теософский, психоаналитический аспекты данного феномена стали предметом исследования в работах Ф. Арьеса, Т.А. Бычковой, В.В. Варавы, А.В. Гоголевой, А.В. Ермаковой, Р.Л. Красильникова, К.Ф. Ляха, Т.В. Мордовцевой, Х. Ниббрига, В.В. Налимова, Е.Н. Осатюк, Б.М. Полосухина, В.М. Розина, Ж.В. Салыкиной, М.С. Степанова, В.В. Тарасенко и др. Концепт *смерть* исследуется с позиции частных манифистаций в определенных знаковых системах. Уникальность его обусловлена тем, что он аккумулирует в себе не только глубинные и ментальные ассоциации, зафиксированные в языке, но и представления, формирующиеся в рефлексии человека «*здесь*» и «*сейчас*» [21, с.19].

Индивидуально-авторское осмысление концепта *смерть* в поэтическом творчестве художников начала XX века осуществляется в направлении образных характеристик художественного мира, а также актуализации философско-эстетических параметров: пространственно-временных, перцептивных, аксиологических. Концепты «жизнь» и «смерть» в их взаимном сцеплении рассматриваются нами как особо значимые и соотносятся с мотивами – конца и начала, с понятиями одномоментного и вечного. Для художественного мышления поэта начала XX века, амбивалентного в своих основных характеристиках, показательно стремление изображать явления в единстве противоположных начал. Двойственная природа явлений выражается в особом прочтении бинарных оппозиций *жизнь – смерть, время – вечность, начало – конец* и связана с представлениями поэта о цикличности жизни.

Идея *смерти,* как апокалиптического явления, становится базовым в творчестве Цветаевой для обозначения *конца бытия* и являет собой завершение временного жизненного цикла с прекращением существования как такового. *Конец*, мнимый или действительный, рассматривается героями произведений Цветаевой как естественный финал поисков и обретений. Идея «*конца»* как завершения земного существования (конец - смерть) сопрягается с категориями предельности, конечности, а также с идеей бесконечности, беспредельности всего сущего. Подобное мировосприятие своими корнями восходит к архаическому типу мышления. Идея конца соотносится с началом иного существования: чтобы свершилось начало, конец должен быть полным, - считала Цветаева.

В данном случае концепту *«конец»* отводится значимое место в ее произведениях, во многом определяющее все возможные варианты течения последующих событий. В художественном мире Цветаевой концепт *«начало»* соотносится с такими понятиями как рождение, жизнь, взлет, полет, путь, любовь, возрождение; *«конец»* - с такими понятиями как смерть, падение, нисхождение, завершение. Внутренняя связь соединяет эти понятия в непрерывном и порой непредсказуемом взаимопроникновении, движении и торжестве неуничтожимости, вечности и непрерывности [19]. Наши наблюдения в данном случае созвучны размышлениям М. В. Гавриловой относительно лексем *начало* и *конец,* восходящих к общему для них и.-е. корню ken-, обозначающему «предел», и к родственному санскрит. kun. «замыкать» и kuna «угол, острие, край» [31, с. 310]. Г. Дьяченко объясняет семантический синкретизм ц.-сл. конъ идеей рубежа или «предельного пункта», замыкающего и вместе начинающего определенные периоды времени или участки пространства [6, с. 262]. Понятия *«конец»* и *«начало»* имели в качестве своего референта одну точку – межу, которая, однако, входила в разные денотативные пространства. *«Конец»* смотрел в прошлое, а *«начало»* - в будущее», - определяет источник энантиосемии Н. Д. Арутюнова [1, с. 6].

Двойственная природа вещей и явлений прочитывается в произведениях поэтов Серебряного века во всем многообразии их проявлений. Соотношением концептов *жизни* и *смерти* определяется актуализация концепта *небытие*. *Небытие* - это отрицание бытия, но, являясь естественным содержанием мысли, а поэтому важнейшим содержанием самого бытия, н*ебытие* представляет собой иное существование, потенциальную возможность другого бытия, условно пространственную категорию. Если *смерть* - естественное завершение жизненного цикла, окончание жизненного пути, за которым однако нет *конца,* и в этом смысле *смерти* как таковой нет, это начало нового *бытия* - в иной сфере, *небытие* как условно пространственная категория - это нечто неизведанное, непознанное, но всегда наделенное определенной авторской коннотацией. *Инобытие* в данном случае выступает как попытка примирения жизни и смерти, как субстанциальное, качественно новое *бытие, бытие* вне времени и пространства. Речь идет о поэтике «уравнивания противоположных сущностей», через семантику отдельных художественных образов перемещение в иное, истинное пространство и время, космическое, вселенское *бытие.* Индивидуально-авторское представление об *инобытии* - это условный топографический локус, связанный с неземными широтами, безвестным краем, осиянным градом, вечным домом, прохладным садом, райской гаванью и т.п. Цветаевой близки герои, противостоящие миру обыденных вещей и явлений, предпочитающие быть вечными пленниками другого пространства, граничащего с *инобытием* [19].

Разговор о смерти был для Цветаевой особенно притягателен уже в самом начале ее творческих опытов. Это связано с первыми представлениями поэта о запредельном, которое еще в юности так поразило ее воображение (смерть Марии Башкирцевой, ранний уход матери, утрата близких) и всегда сопровождалось тайной, тайной ухода, за которым начиналась новая жизнь - жизнь героев, обрастающая ореолом мучеников, а значит особенно притягательная. Так вот эта самая другая жизнь вне обычной, повседневной

жизни обретала для Цветаевой особое значение, высший смысл. «Христос и Бог! Я жажду чуда/ Теперь, сейчас, в начале дня!/ О, дай мне умереть, покуда/ Вся жизнь как книга для меня…» [28, I, с. 34]; «Быть в аду нам, сестры пылкие,/ Пить нам адскую смолу» [28, I, с. 317]; «Вы кладите меня под яблоней/ Без моления, да без ладана» [28, I, с. 217]; «Веселись, душа, пей и ешь!/ А настанет срок -/ Положите меня промеж/ Четырех дорог» [28, I, с. 273].

Мотив смерти стал одним из доминирующих и в ранних произведениях Маяковского. Преисполненный сил и энергии, но предельно остро ощущающий свое одиночество, отверженность и неприкаянность в деструктивном мире поруганных прав и привязанностей, Маяковский бросает вызов несовершенному миру: «В какой ночи, бредовой, недужной, какими Голиафами я зачат – такой большой и такой ненужный?» [12, I, с. 127]; « … я захохочу и радостно плюну, плюну в лицо вам…» [12, I, с. 56]. Герой ищет выхода из замкнутой структуры ограниченного пространства и условностей человеческих отношений. Сердце его вмещает уже целый мир с его болями и чаяниями, с «калеками и калекшами», слезами и слезищами», он готов к деятельной борьбе, к великим жертвам во имя спасения человека. Однако, по наблюдениям В. Мильдон, В. Маяковский воспевает смерть бесконечными гимнами жизни. «Маяковский против смерти. Но он так против, что страстная оппозиция, вопреки его намерениям, генерирует силы смерти… Маяковский так не хочет смерти, что она является у него вживе и, несмотря на заклинания вроде: «Ненавижу /всяческую мертвечину!// Обожаю всяческую жизнь!», - пересиливает» [13, с.133]. В одном синонимическом ряду оказываются *дом – домовина - гроб:* «…Гроба/ домов/публичных/ восток бросал в одну пылающую вазу [12, I, с. 35]; «А я/ В читальне улиц -/ Так часто перелистывал гроба том» [12, I, с. 48]; «Как хороший игрок,/раскидала шарами/смерть черепа/в лузы могил» [12, I, с. 70]; «Вот за гробом, в плаче,/ Старуха-жизнь, - /Усопшего смеха седая мать» [12, I, с. 97]. И если романтический герой лермонтовской лирики от признания бессмысленности жизни и ничтожности людей приходит к мысли о смерти и напряженному ожиданию ее («Пора уснуть последним сном, / Довольно в мире пожил я» [9, I, 249], «Я счастлив! – тайный лед течет в моей крови. / Жестокая болезнь/ мне смертью угрожает!/ Дай бог, чтоб так случилось!» [9, I, с. 276]), в лирике Маяковского мы не найдем влечения к потустороннему миру, более того, здесь постоянно подчеркивается десакрализация мистического: «Убьете, похороните – выроюсь!» [12, I, с. 105]. Речь идет о переизбытке жизненных сил и энергии, о готовности лирического героя к активному действию: «…в черных душах убийц и анархистов/ зажгусь кровавым ведением!» [12, I, с. 105].

Смерть воспринималась поэтами Серебряного века как естественная часть жизни, часть того сценария, который задуман свыше, как составляющая и завершающая часть творческого акта. Такое видение было естественным и характерным в порубежную эпоху. Вот как пишет об этом Осип Мандельштам, потрясенный уходом Скрябина: «Я хочу говорить о смерти Скрябина как о высшем акте его творчества. Мне кажется, смерть художника не следует выключать из цепи его творческих достижений, а рассматривать как последнее, заключительное звено. Она не только замечательна как сказочный посмертный рост художника в глазах массы, но и служит как бы источником этого творчества, его телеологической причиной. Если сорвать покров времени с этой творческой жизни, она

будет свободно вытекать из своей причины - смерти, располагаясь вокруг нее, как вокруг своего солнца, и поглощая его свет» [11, с.157]. Не жизнь, а смерть воспринималась позитивным началом бытия: «Правдива смерть, а жизнь бормочет ложь», - писал Н. Гумилёв. «О смерть! Я твой. /Повсюду вижу /Одну тебя - и ненавижу /Очарования земли», - признавался Ф. Сологуб.

В письме к Б. Пастернаку от 1 января 1927 г. М. Цветаева признавалась: «…этот свет. Борис! Борис! Как я знаю тот! По снам, по воздуху снов, по разгроможденности, по насущности снов. Как я не знаю этого, как я не люблю этого, как обижена в этом! Тот свет, ты только пойми: свет, освещение, вещи, иного освещенные, светом твоим, моим…» [28, VI, с. 267]. А несколькими месяцами раньше она писала: «Мой отрыв от жизни становится все непоправимей. Я переселяюсь, переселилась, унося с собой всю страсть, всю нерастрату, не тенью – обескровленной, а столько ее унося, что надоила б и опоила бы весь Аид. О, у меня бы он заговорил, Аид!» [28, VI, с. 249].

В поэме «Попытка Комнаты» (1926), адресованной Борису Пастернаку, Цветаева говорит о встрече с поэтом, о которой они долго мечтали, перенося ее за пределы реального мира. Место действия поэмы – «Гостиница Свидание Душ», прообразом которой является Тот Свет. Гость приходит из-за спины, впереди – коридор в бесконечность, тема свидания поэтов перерождается в тему смерти, гениально предрекая их будущую *«не встречу».* Воображаемая встреча, свидание душ мыслится поэту как откровение, как долгожданная и единственно возможная встреча в торжестве Вечного света, Бессмертия: «Друг, гляди! Как в письме, как в сне том –/ Это я на тебя просветом!// В первом сне, когда веки спустишь –/ Это я на тебя предчувствием// Света. В крайнюю точку срока/ Это я – световое око…» [28, III, с. 119]. Поэт говорит об устремленности героев навстречу друг другу, о вознесении и обретении ими единого неба, неба поэтов: «Над ничем двух тел / Потолок достоверно пел – / Всеми ангелами…» [28, III, с. 119]. За три дня до завершения поэмы Цветаева писала Рильке: «Чего я от тебя хотела? Ничего. Скорей уж – возле тебя. Быть может, просто - к тебе…В тебя! Не быть. – Умереть!. Такова я. Такова любовь – во времени. Неблагодарная, сама себя уничтожающая…» [28, VII, с. 64].

О близости и естественности смерти и вместе с тем о ее абсурдности Цветаева говорит в поэме «Новогоднее» (1927), посвященной Р. Марии Рильке на сороковой день его кончины, поэме-реквием, монологе поэта «поверх явной и сплошной разлуки», поверх вечности и безначальной, бесконечной вселенной. Мертвый для поэта более живой, чем все живые; начатый когда-то диалог с ним продолжается. В письме к Рильке от 12 мая 1926 г. Цветаева признавалась: «Смерть любого поэта, пусть самая естественная, противоестественна, т.е. убийство, поэтому нескончаема, непрерывна, вечно-ежемгновенно-длящаяся. Пушкин, Блок и чтобы назвать всех разом – ОРФЕЙ никогда не может умереть, поскольку он умирает именно теперь (вечно!). В каждом любящем заново, и в каждом любящем – вечно. Поэтому – никакого примирения, пока мы сами не станем «мертвыми» [28, VII, с. 59]: «Если ты, такое око, смерклось,/ Значит, жизнь не жизнь есть, смерть не смерть есть./ Значит – тмится, да пойму при встрече! – /Нет ни жизни, нет ни смерти, - третье,/Новое…» [28, III, с. 134]. Не жизнь и не смерть, а нечто иное, вечная жизнь,

жизнь сквозь смерть, смерти не подвластная. Поэт говорит о многомерности внутреннего бытия, вечного бытия, осознание которого ведет к осознанию сущности, осознанию Абсолюта, который есть Все, все в себя вмещающий, в котором «Все ризы делившие/В тебе спелись», «Все криком кричавшие/ В тебе стихли», «Все навзничь лежавшие/ В тебе встали» [28, II, с. 157]. Разум и чувство вторгаются в запредельную область, непостижимую для человеческого сознания [19, с. 102].

«Поэма Воздуха» (1930), последнее обращение Цветаевой к Рильке, является продолжением «Новогоднего». Это символическое произведение было написано под впечатлением двух никак не связанных событий: смерти Рильке в декабре 1926 года и героического подвига американского летчика Линдберга, перелетевшего через Атлантику в мае 1927 года. В поэтическом сознании эти факты связывались определенной целью: представить ощущения человека в надземной стихии, от чисто физических ощущений до философских “астральных” прозрений. Рильке отводится в произведении роль Вожатого души, «провожатого» на тот свет. Исчезновение Вожатого обрекает героиню на полное одиночество. Финал поэмы – обретение искомого, прорыв в абсолютное бытие: в безвоздушной запредельности возникает новая внеземная стихия, свободная от всяческих уз: «Полная оторванность/Темени от плеч –/ Сброшенных! Беспочвенных –/ Грунт! Гермес – свои!/ Полное и точное/ Чувство головы/ С крыльями…» [28, III, с. 144].

Размышляя над сокровенными тайнами природы, в недрах которой заключен физиологический смысл «вертикали» и «горизонтали», С.М. Волконский утверждал, что и сам человек, к космосу принадлежащий, инстинктивно требует согласованности с этими условиями мирового равновесия. И телостроение человека, и телодвижение его осуществляют те самые законы, которым подчиняется мироздание… В книге «Быт и бытие», главы которой рождались в сотворчестве с Цветаевой, Волконский писал: «…вертикальная пройдет сквозь голову через все тело, вниз в землю, вверх в небо. Если ее продолжим, то один конец упрется в центр земли, другой утеряется в бездонности небесного пространства. Это будет – линия высоты… По линии высоты (глубины) располагается все, что утверждает усиление духовного начала в человеке» [4].

М.Л. Гаспаров в статье «Поэма Воздуха» Марины Цветаевой: опыт интерпретаци» [5, с. 259 – 274] дает комментарий к произведению, обращаясь к системе параллелизмов в поэме: «Мир Цветаевой» представляется М.Л. Гаспаровым в виде подковообразного магнита, с одной стороны которого – сфера материального, с другой, – духовного. По одну сторону разрыва в кольце – апофеоз духа, по другую - апофеоз страсти и красоты. На противоположном конце от разрыва – Абсолют, Бог. Герои Цветаевой, находящиеся на противоположных полюсах, испытывают неодолимое влечение друг к другу, наиболее короткий путь сближения их лежит через разрыв в кольце, но он губителен, наиболее верный путь – в обход, через слияние в Боге. Отсюда вечная тема неслиянности и разминовения в поэзии Цветаевой. Такое разминовение на одной стороне кольца и слияние на другой происходит не только между людьми, но и в каждом человеке, утверждает поэт.

Как же преодолевается этот разрыв в поисках пути к себе истинному, как постигается мир сущностей? Ответы на многие вопросы предлагает Цветаевой Рильке. Он утверждает, что полнота бытия достигается в сопричастности к божественному. Это тот самый огонь любви, что «силой бел», «чистотой сгорания». В такой любви человек обретает полноту, цельность и совершенство, но путь к просторам Духа лежит через колоссальную напряженную внутреннюю работу: «Боги сперва нас обманно влекут к полу другому,/ как две половины в единство./ Но каждый восполниться должен сам, дорастая,/ как месяц ущербный, до полнолунья./И к полноте бытия приведет лишь одиноко прочерченный путь/ Через бессонный простор» (Элегия, 1926). Любовь – не восполнение себя в другом, не достраивание себя до целого, она сама есть совершенство и самодостаточность, она есть Бог, Бог есть любовь. Познание Бога – познание вершин Духа, познание бесконечности и Бессмертия. Любящие – вне смерти. «Кто не любит, мертв, - утверждал В. Иванов. - Жизнь, это – любовь. «И жизнь – свет человеков»… Эрос ведет за руку по своим садам Психею, планетную душу человека…» [7, с. 88].

О будущем «вселенской любви» мечтал лирический герой Маяковского. Высшим проявлением человеческого духа рассматривал Маяковский любовь, она для его героя - точка отсчета всех ценностей вне быта, вне условностей и предрассудков. Любовь всегда эротико-духовное преосуществление возлюбленного в другом, и в этом смысле любовь приравнивается к творчеству, где любящий – всегда Творец. Сила жизни ключом била в вагнеровской натуре Маяковского, была той стихией, которая переизбытком наполняла все его существо «страстным желанием вечно жить, вечно творить и вечно любить!» [10, с. 311] Надежда на другую, непохожую на повседневность жизнь не оставляла поэта никогда. Любовь утверждалась как высшее проявление индивидуальности, как возможность другой реальности. В художественной концепции поэта это не просто чувство, объединяющее людей на уровне ситуации «Я-ТЫ», любовь – это чувство, связующее одного со всеми, человека с человечеством. Любовь оказывается ценностным ориентиром и критерием личности, призмой, сквозь которую воспринимается и оценивается мир. Любовь и смерть в концептуальной картине мира Маяковского взаимопредполагают друг друга: «…Я - где боль, везде; на каждой капле слезовой течи распял себя на кресте! [12, I, с.185], «Это душа моя клочьями порванной тучи в выжженном небе на ржавом кресте колокольни!» [12, I, с. 48]. В подобных признаниях А. Ханзен-Леве усматривает «заведомо эгоцентрическую цель самоискупления в аутистическом самоосуществлении – даже ценой самоуничтожения и союза со Злом» [26, с. 318].

Душа бессмертна, считала Цветаева, и только меняет место своего обитания. С точки зрения земного существования, смерти нет, это лишь *«календарная ложь».* Дата смерти – это начало новой жизни за пределами реальности. «Путем обратным» называет Цветаева жизнь, путем в Вечность, откуда душа спустилась жить, где нет временного, преходящего. Представления эти вполне соответствовали традиционным христианским представлениям: «По своей внутренней, таинственной стороне смерть есть конец земной временной жизни и начало иного, вечного жития, есть неизбежный путь, которым человек вступает в будущую жизнь. Поэтому, первенствующие христиане называли обыкновенно день

кончины верующего днем рождения его для вечной жизни со Христом» [23]. Во второй половине 1920-х годов Цветаевой были особенно близки философские воззрения Рильке. Бытие у Рильке рассматривается как позитивное, истинное бытие, и как негативное бытие – «небытие», недостаточность бытия. Истинное бытие как верность земному – чистое пространство, в котором расцветают цветы и человеческие жизни. Истинное бытие свободно от смерти, оно открыто всему живому, не вызывает желаний и вожделений, но может быть предметом бесконечного познания, и в то же время оно необходимо человеку как воздух. Бог – есть истинное бытие. Оно смутный, неведомый людям прообраз Вечного. Умершие относятся к тем, кому зримо истинное бытие, они имеют гибель позади себя, а впереди – Бога и Вечность…Вслед за Рильке Цветаева утверждала, что истинное бытие есть всеобщее лоно, нечто, с чем общение возможно лишь путем погружения, растворения, экстериоризации… Поэтому так велика и значительна роль художника, творца, который подобен Богу, не по возможностям, а по дерзаниям. Самый мир – лишь проявление какой-то стороны истинного бытия. Мир – «явленная тайна», - полагал Пастернак, - «все время одна и та же необъятно тождественная жизнь наполняет вселенную и ежечасно обновляется в неисчислимых сочетаниях и превращениях» [18, с. 69].

К концу 1920-х годов вдали от России жизнь воспринималась Цветаевой как серия тяжких ударов, страданий, лишений, потерь и разлук. «Жить это неудачно кроить, и беспрестанно латать, - и ничто не держится. Жизнь – насильница душ, заставляющая играть весь этот лживый фарс. Жизнь это убожество (убывание божества!). Есть нечто лучшее, чем «жизнь!» [28, V, с. 337]: «Погребенная заживо под лавиною/ Дней - как каторгу избываю жизнь» [28, II, с. 255], «Жить (конечно не новей/ Смерти!) жилам вопреки./ Для чего-нибудь да есть –/Потолочные крюки» [28, II, с. 262]. «Я, конечно, кончу самоубийством. И, может быть, я умру не оттого, что здесь плохо, а оттого, что «там хорошо»; «…я год уже (приблизительно) ищу глазами – крюк, но его нет, потому что везде электричество. Никаких «люстр»… Я год примеряю – смерть. Все – уродливо и - страшно. Проглотить – мерзость, прыгнуть – враждебность, исконная отвратительность воды. Я не хочу пугать (посмертно), мне кажется, что я себя уже - посмертно – боюсь. Я не хочу - умереть, я хочу – не быть» [28, IV, с. 610].

Еще в 1921 году, когда умер горячо любимый ею Александр Блок, Цветаева признавалась: «Удивительно не то, что он умер, а то, что он жил. Мало земных примет, мало платья. Он как-то сразу стал ликом, заживо-посмертным (в нашей любви). Ничего не оборвалось, - отделилось. Весь он – такое явное торжество духа, такой – воочию – дух, что удивительно, как жизнь – вообще – допустила... Смерть Блока я чувствую, как вознесение» [28, IV, с. 592]. Гибель Маяковского Цветаева назвала «чистой смертью». «Сила этой смерти – в том, что он умер в полной силе, на высоте дара и судьбы, - писала она. – Поэтому я его не жалею, а на него (за него) – радуюсь» [28, IV, 599]. В письме к А. Тесковой от 21 апреля 1930 года Цветаева писала: «Бедный Маяковский! (Ваш «сфинкс»). Чистая смерть. Все, все, все дело – в чистоте…» [28, с.71]. Причисляя Маяковского к небесному воинству («Превыше крестов и труб,/ Крещенный в огне и дыме,/ Архангел-тяжелоступ/ – Здорово в веках, Владимир!» [28, II, с. 54], Цветаева скорбит о разрушении самого ценного из храмов

(«Выстрел - в самую душу,/ Как только что по врагам./ Богоборцем разрушен/ Сегодня последний храм» [28, II, с. 276], «Много храмов разрушил,/ А этот - ценней всего./ Упокой, Господи, душу усопшего врага твоего» [28, II, с. 280].

В начале XX вв., когда «трагедия вселенского самоубийства» становится реальным воплощением «космоса смерти», феномен самоубийства стал предметом научного интереса в философских работах Н. Бердяева, Л. Карсавина, Л. Шестова и др. Одни полагали, что необходимо жить в гармонии с природой и миром, и если гармония невосстановимо разрушена, правильнее покинуть этот мир, другие считали, что благороднее прекратить свое существование в его наивысшей точке, зафиксировав миг в Вечности. В любом случае осознание своей смертности и права самому сделать выбор – жить или не жить – делает человека свободным. Ф. Ницше, например, мысль о самоубийстве рассматривал как сильнейшее утешительное средство: с ней благополучно переживаются иные мрачные ночи.

Известно, что у большинства народов сохраняется устойчивое отношение к самоубийству как тягчайшему греху, а к самоубийцам – как к проклятым грешникам, души которых превращаются в упырей и вампиров. Христианская церковь сформулировала негативное отношение к суициду лишь через 500 – 600 лет после своего утверждения. Прямого осуждения самоубийства в Святом писании нет, если не считать двух свидетельств, которые лишь условно можно рассматривать как запрещающие человеку самостоятельно решать вопросы жизни и смерти. Во «Второзаконии» Господь произносит: «Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю, и никто не избавит от руки Моей» (XXXII, 39). В «Первом послании к коринфянам» Павел говорит: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм – вы» (III, 16–17). Но в первом случае слова ветхозаветного Бога скорее подтверждают Его могущество, во втором случае – в словах апостола Павла речь идет о разрушении души, а не о собственно физическом разрушении. Более того, упоминания в Библии о семи случаях самоубийства не содержат в себе даже оттенка порицания. Самсон, например, восхваляется как герой, и апостолом Павлом перечисляется среди пророков, «которые верою побеждали царства, творили правду, получали обетования» (Евр. XI, 33). Самоубийство Иуды рассматривается не как преступление, а как свидетельство раскаяния в содеянном, негативное же отношение к участи Иуды сохраняется в силу осуждения его предательства, а не самоказни.

В христианской мифологии, отмечалось С.А. Токаревым, идея «первородного греха» и божьего наказания как причины того, что люди умирают, дополнена и уравновешена верой в добровольную смерть Иисуса Христа как «искупительную жертву» [23]. Примеру Агнца последовали сотни и тысячи христианских мучеников. Одни безропотно и даже с радостью предавались в руки палачей, другие убивали себя сами и именно за это были причислены христианской церковью к лику святых [23]. Подобные представления восходят к более древним (языческим) верованиям, в которых культ жертвоприношения включал и идею самопожертвования. Кроме традиционных жертвенных стихий (огонь, вода, земля, дерево), самопожертвование или принесение в жертву совершалось и через повешение. Это связывалось прежде всего с символикой нити (веревки), восходящей к архетипу лестницы,

по которой, в соответствии с древними верованиями, души умерших восходили в небо (лестница рассматривалась как «вертикаль» по аналогии с «горизонталью» – дорогой). Самоубийство в качестве высшей степени жертвенности божеству отмечалось в Ригведе, Рамаяне, Коране и других древних книгах [30].

В книге Д. Юма «О самоубийстве», изданной в 1777 году, был представлен убедительный аргумент против доводов о греховности самоубийства. Д. Юм утверждал, что все, что совершается на свете, происходит по воле Божьей: «…когда я бросаюсь на собственный меч, я так же получаю смерть от руки Божества, как и тогда, когда причиной ее были бы лев, пропасть или лихорадка»; «если боязнь несчастья пересиливает любовь к жизни, если волевой акт предвосхищает действия слепых сил, это – только следствие тех сил и начал, которые Он вложил в свои творения» [31].

Волна самоубийств в России в 1920-е годы побудила Н. Бердяева обратиться к психологическому этюду «О самоубийстве», работе, изданной им в Париже в 1931 году. Причину столь опасного явления Н. Бердяев склонен видеть в пошатнувшейся вере. «Борьба против упадочности и склонности к самоубийству есть прежде всего борьба против психологии безнадежности и отчаяния, борьба за духовный смысл жизни, который не может зависеть от преходящих внешних явлений», - утверждал Н. Бердяев. Суицид он склонен рассматривать актом насилия над жизнью и смертью. Самоубийца считает себя единственным хозяином своей жизни и своей смерти, по мнению философа, он не хочет знать Того, Кто создал жизнь и от кого зависит его смерть. Вольное принятие смерти есть вместе с тем принятие креста жизни. «Самоубийство по природе своей есть отрицание трех высших добродетелей – веры, надежды и любви» [2, с. 94]. Поэт же – человек особенный, в каком-то смысле творчество – святотатство, поэт, художник берет на себя роль Творца, земного ваятеля, прерогативу Высшей силы. Он сам творит свой собственный Космос и платит за эту дерзость самую высокую цену, постоянно подвергаясь все новым и новым испытаниям. И все же духом своим он опровергает мысль о ничтожности человека, пытаясь проникнуть в область запредельного, бесконечного, познать сущность Вечной Истины, «упиться огненной стихией». Но в какой-то момент ноша становится непосильной. Мир, творимый поэтом, разительным образом отличается от того мира, в котором ему приходится жить. Изменить что-либо человек оказывается не в силах, но он не может и смириться с собственными пределами, с безысходностью судьбы и, в конечном счете, использует свое последнее право – «задуть собственную свечу»: «Пора снимать янтарь,/ Пора менять словарь,/Пора гасить фонарь/ Наддверный…» [28, II, с. 368].

Творческий человек беззащитен перед ужасами обыденного. Когда страх жизни пересиливает страх смерти, человек покидает мир. Художник отказывается быть слепым орудием в руках Всевышнего. Цветаева шла к своему трагическому концу через Федру, Ариадну, лирическую героиню «Поэмы Конца» и «Поэмы Воздуха», многочисленные посвящения друзьям, ушедшим в небытие, шла добровольно, освобождаясь через смерть от «грехов своего мира». В этом смысле, по утверждению Ю.М. Лотмана, «от слов Гамлета до размышлений Вертера, от романов Достоевского до цветаевского *«отказываюсь быть»* самоубийство вбирало в себя идею высшего бунта. «Не ждать, пока настигнет Рок, а пойти

ему навстречу и с ним ринуться в бездну». Подобными мотивами пронизана лирика Ф. Ницше: «Дионисийские дифирамбы», «Жалоба Ариадны» и др. Высший суд Ницше признавал за человеком: «Мой единственный собеседник,/ мой величайший враг,/ мой неизвестный мучитель, / мой Бог-палач!// Нет!/ Возвращайся!/ Со всеми твоими пытками!/ Все мои слезы рвутся/ Тебе навстречу!» [15, с. 78].

Необходимо отметить близость философского содержания мифологемы смерти, представленной в художественном творчестве Цветаевой, онтологическим проблемам экзистенциализма [16, с. 89]. Экзистенциальность лирического сознания Цветаевой выражается в полной отверженности бытия, в размышлениях о непроходимой пропасти между духом и материей. Освобождение от несовершенного, погрязшего в грехах мира, мыслилось поэтом через высвобождение духовного элемента из материальной оболочки («Дальше! За предельные пределы/ Станций! Понимаешь, что из тела / Вон – хочу я!» [28, II, с. 232])**,** в том числе и через ситуацию смерти-самопожертвования, в основе которого – отталкивание от мира и полная ликвидация бытия. Экзистенциальность поэтического сознания Цветаевой – это позиция человека, утратившего способность к вере, не надеющегося на действие разумных сил и потому *все* берущего на себя. Героини Цветаевой бросают вызов враждебной Вселенной (в лице быта, Бога, Человека), при этом неприятие мира сопрягается с абсолютным «приятием» личностного начала. «Дух человеческий в плену, Плен этот я называю «миром», мировой данностью, необходимостью», - писал Н. Бердяев в книге «Смысл творчества» [3, с. 39]. Поэт, отдавшийся стихийным силам, «остается перед бездной пустоты». И если в 1926 году Цветаева писала о своей близости Марусе из «Молодца» («Ведь я сама – Маруся»), отрицала какой бы то ни было сатанизм в поэме, упиваясь стихией, вечным полетом в «огнь-синь», то в 1932 году многое было переоценено: «Когда я пишу своего Молодца – любовь упыря к девушке и девушки к упырю – я никакому Богу не служу: знаю, какому богу служу. Когда я пишу татар в просторах, я тоже никакому Богу не служу, кроме ветра (либо чура, пращура). Все мои русские вещи стихийны, то есть грешны. Нужно различать, какие силы im Spiel (в игре). Когда же мы наконец перестанем принимать силу за правду и чару за святость!» [28, V, с. 362].

В итоге Цветаева приходит к осознанию того, что Стихия - уже не высшая реальность, и она не безгранична. Она – лишь образ и подобие Безграничности Духа, метафора Высшей реальности. Стихия лишь материал Творца, а Маруся - часть ее создателя. Во всяком случае, спустя несколько лет, Цветаева утверждала, что она – не вся Маруся и не хочет лететь вечно. Она ответственна за свои поступки, и упоение стихией безнравственно. Но как остановиться? Как прервать этот полет? И опять нет ответа. «Огнь-ал», «огнь-синь», «огнь-бел». Силой бел, чистотой сгорания. Вот и ответ. Душа должна восполниться светом изнутри. Именно это восполнение завещал Цветаевой Рильке. Вся стихийная сила Мира станет силой Духа: «Бог может. Но ответь мне, как же нам/ Идти за Ним? Неполнозвучна лира./ В разброде чувств, в раздробленности утра/ Не служат Фебу и не строят храм» [14, с. 230].

В работе «О самоубийстве» Н. Бердяев писал: «Когда человек глубоко и жизненно проникнется той мыслью, что жизнь в этом мире не есть единственная и окончательная жизнь, что есть иная, высшая вечная жизнь, ему никогда не придет в голову мысль о

самоубийстве... Тогда является перед человеком бесконечная задача врастания в вечность, духовного восхождения, освобождения от власти дурной, несчастной, бессмысленной жизни мира» [2, с. 94]. Но если Н. Бердяев не принимает способа освобождения личности через самоубийство-самопожертвование, то для европейского экзистенциализма смерть-самопожертвование оправдана, это один из способов борьбы с абсурдом бытия. По словам А. Камю, «самоубийство – тоже разрешение абсурда, но оно делает абсурдной даже саму смерть» [8, с. 39]. Самоубийство – это признание в том, что жизнь лишена смысла. Человек чувствует себя посторонним и никому не нужным в этом мире. Ясное осознание того, что существование бессмысленно, делает человеку честь, но самоубийство не отменяет бессмысленность бытия, а только утверждает, поддерживает ее. Самоубийство – это согласие с собственными пределами: все закончено, человек отдается предписанной ему истории и, видя впереди ужасное будущее, низвергается в него.

Накануне войны Цветаева признавалась, что утрачивает чувство реальности: «…меня – все меньше и меньше, вроде того стада, которое на каждой изгороди оставляло по клоку пуха. Остается только мое основное нет» [33]. Появляется ощущение, что она нечаянно попала не в свое время, возникает чувство опережения жизни. В 1940-е она перестала писать, значит – жить: «писать перестала - жить перестала». «Лирическое творчество питает опасные чувства, но укращает поступки. Поэт опасен лишь тогда, когда не пишет» [28, с. 480].

Так была поставлена точка в собственном жизненном сценарии: нужно было уйти, чтобы остаться на высоте, не снижая заданной планки, на высоте всех внутренних чувств и возможностей, представлений о чести, совести и достоинстве. В эпохи катастрофические, когда утрачивается ощущение устойчивости и прочности жизни, когда не на что опереться, и почва колеблется под ногами, сила человека определяется его способностью противостоять абсурду происходщего, способностью сиюминутное соотнести с вечным, осознать преходящий смысл сиюминутного. Иллюзия и самообман самоубийства основаны на том, что смерть представляется окончательным освобождением от времени, несущего страдания и муки. Происходит страшная подмена, когда представления о вечности и суде теряются на периферии сознания, а минута, когда совершается самоубийство, обретает космические размеры; сопряженный с огромной, непереносимой болью мир раздвигается в своих непомерных масштабах, и человек теряется в этом мире, начинает ощущать свою предельную малость. Утрачивается осознание времени, пространства, себя в пределах этого пространственно-временного континуума и всей меры ответственности за то, что происходит. Трагический финал Маяковского был обусловлен целым рядом причин. Все они оговариваются в литературе о поэте, и во всех есть своя правда и логика. Остается проблема прерванных связей человека с миром: когда пик человеческих страданий достигает своей наивысшей напряженности, художник отказывался от мира, предпочитая небытие, сохраняя в себе прекрасное, незапятненное творческое начало.

Героиня Цветаевой без сожаления оставляла «лежащий во зле» мир, во имя «пробуждения» в лучшей, совершенной жизни. Поэт Цветаева оставляет этот мир не потому, что «там хорошо, а потому, что здесь - невыносимо», потому что во что бы то ни стало хотела уберечь в себе свою божественную душу, которая «сбылась»,

«осуществилась». В 1943 году Пастернак напишет «Памяти Марины Цветаевой»: «Лицом повернутая к Богу, / Ты тянешься к нему с земли, / Как в дни, когда тебе итога/ Еще на ней не подвели» [18, I, с. 127]. В этих строчках гениальное прозрение *ухода* поэта, вечная вертикаль Цветаевой, ее самозабвенный полет в «огнь-синь», смерть как творческий акт, как восхождение.

References:

1. Arutyunova N. D. (2002). V tselom o tselom. Vremya i prostranstvo v kontseptualizatsii deystvitelnosti //Logicheskiy analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa/ N.D. Arutyunova. - M. 648 s.
2. Berdyayev N. (1992). O samoubiystve // Psikhologicheskiy zhurnal. №1. – S. 90-94.
3. Berdyayev N. (1994). Smysl tvorchestva// N. Berdyayev. Filosofiya tvorchestva. kultury i iskusstva. V 2-kh tomakh. T. I. – M.: Iskusstvo. – 542 s.
4. Volkonskiy S. (1924). Byt i bytiye. Iz proshlogo. nastoyashchego. vechnogo. – M. 211 s.
5. Gasparov M.L. (1995). «Poema Vozdukha» Mariny Tsvetayevoy: opyt interpretatsii // Izbrannyye stati. – M. - S. 259 - 274.
6. Diachenko G. (1993). Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar/ G. Diachenko. - M. – 531s.
7. Ivanov V. (1994). Sporady // Vyacheslav Ivanov. Rodnoye i vselenskoye. – M. – S. 88
8. Kamyu A. (1990). Buntuyushchiy chelovek. – M. – S. 39.
9. Lermontov M.Yu. (1986). Sochineniya. V 4 t. M.: Pravda.1986.
10. Losev A.F. (1991). Filosofiya. Mifologiya. Kultura. – M. – S. 311.
11. Mandelshtam. O. (1990): Skryabin i khristianstvo. V kn. Mandelshtam O. Sochineniya. V 2 t. - T.2. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. - 464 s.
12. Mayakovskiy V. (1955). Poln. sobr. soch. V 13 t. T.I - M. – 463 s.
13. Mildon V. (1997). Trinadtsataya kategoriya rassudka (Iz nablyudeniy nad obrazami smerti v russkoy literature 20-30-kh godov KhKh veka)// Voprosy literatury. №3. – S.133.
14. Mirkina Z. (1999). Nevidimyy sobor. O Rilke. Iz Rilke. O Tsvetayevoy. Svyataya svyatykh. – SPb. – S. 230.
15. Nitsshe F. (1993). Stikhotvoreniya. Filosofskaya proza. – SPb. – S.78.
16. Osipova N.O. (2000). Tvorchestvo M.I. Tsvetayevoy v kontekste kulturnoy mifologii Serebryanogo veka. – Kirov. – S.89-90.
17. Pasternak B. (1991). Sobr. soch. v 5-i tomakh. – T.3. – M. – S. 69.
18. Pasternak B. (2004). Polnoye sobraniye sochineniy s prilozheniyami. V 11 tomakh. M. 2004.
19. Polekhina M.M. (2016). Tvorchestvo Mariny Tsvetayevoy v kontekste kultury. Uchebnoye posobiye k spetskursu dlya studentov gumanitarnykh fakultetov vysshikh uchebnykh zavedeniy (dlya bakalavriata). M. 243 s.
20. Polekhina M.M. (2014). Religiozno-eticheskiye poiski v russkoy poezii Serebryanogo veka. Marina Tsvetayeva: k istokam poetiki ne-bytiya// Sotsiokulturnyye i filologicheskiye aspekty v obrazovatelnom i nauchnom kontekste. Pervyy Mezhdunarodnyy Forum v Yaponii po rusistike. kulture. pedagogike. Yaponiya. S. 494-500.
21. Stepanov M.S. (2010). Semiotika smerti v diskurse deyatelnosti // Vestnik YuUrGU. №1. – S.19.

22. Tikhomirov E. (1999). Zagrobnaya zhizn ili poslednyaya uchast cheloveka. Svyato-Troitskaya Sergiyeva lavra. – M. – S.26.
23. Tokarev S.A. (1957). Religioznyye verovaniya vostochno-slavyanskikh narodov KhIKh – nach. KhKh veka. – M. – L. – 168 s.
24. Trubetskoy S.N. (1908). Sobr. soch. – T.2. - Filosofskiye stati. – M. – S.349 - 350.
25. Florenskiy P.A. (1990). Sobr. soch. v 2-kh tomakh. – T. 2. – M. – S.6.
26. Khanzen-Leve A. (1999). Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Ranniy simvolizm. – M. – S. 318.
27. Tsvetayeva M. (1997). Neizdannoye. Svodnyye tetradi. – M. 1997. 640 s.
28. Tsvetayeva M. (1994). Sobr. Soch. v 7 t. – T. I. – M.: Ellis Lak. – 639 c.
29. Tsvetayeva M. (1991). Pisma k Anne Teskovoy. – SPb. – 210 c.
30. Chkhartishvili G. (2000). Pisatel i samoubiystvo. – M. – 576 c.
31. Yum D. (1908). O samoubiystve. Pskov: «Tsennost zhizni». - №3. – 192 c.
32. Gavrilova M.V. Nachalo posle kontsa: osobennosti kontseptualizatsii vremeni i prostranstva v rasskazakh Yu. Buydy: [Elektronnyy resurs] URL: http://www.??klgtu.ru/en/research/magazine/2008_13/36.doc?/(Data obrashcheniya: 10.05.2018).
33. Naslediye Mariny Tsvetayevoy. Pisma Merkuryevoy V.A.: [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.tsvetayeva.com/letters/let_merk.php / (Data obrashcheniya: 08. 05. 2018).

Information about the author:

Maiia M. Polekhina (Moscow, Russia)- *Doctor of Philology, Professor*
Odintsovo Campus of MGIMO University
Moscow region, Odintsovo, Novo-Sportivnaya, 3
Illusio2008@yandex.ru
Tel: +7(967)271 88 88

DOI: 10.24411/2470-1262-2018-10018

***УДК (UDC)* 82-1/-9**

Elena A. Shuvaeva-Petrosyan,
The Literary Institute after A. M. Gorky,
Moskow, Russia

For citation: Shuvaeva-Petrosyan E.A., (2018).
Andrey Bitov in the landscape.
Cross-Cultural Studies: Education and Science.
Vol.3, Issue II, pp. 64-69 (in USA)
Manuscript received: 04/21/ 2018
Accepted for publication: 06/13/2018
CC BY 4.0

АНДРЕЙ БИТОВ В ПЕЙЗАЖЕ

ANDREY BITOV IN THE LANDSCAPE

Abstract

The Russian writer Andrey Bitov devoted his entire life to a single genre – the genre of travelling, creating journey-stories and wandering-novels, while he worked on one book. As he confessed, he was always writing and not writing at the same time, and if we take in all his works on the basis of the time covered, it is but a few years. Yet all his life was a journey and a daily analysis of the interplay of the internal and external, of the past and future, of time and space. He was a true traveler, an observer, not a tourist, but at one with nature and space. Nature in Bitov's works is a separate character. The article is dedicated to reviewing the images of nature in Andrey Bitov's "travelling" works.

Keywords: *Landscape in literature, the image of nature, artistic space and time, wandering, travel. Andrey Bitov, Russian writer, Russian literature*

Введение

Если бы не страсть к страннической жизни, смог бы Андрей Георгиевич Битов стать кабинетным писателем? Маловероятно. При таком раскладе вряд ли сложилась бы его литературная судьба, были написаны сначала «Три путешествия» (1974), потом «Семь путешествий» (1976), затем «Книга путешествий» (1986), и всё это впоследствии вылилось

в битовскую «Империю в четырёх измерениях». Для писателя, склонного к перемене мест, нет лучшей доли, чем жизнь странника.

А. Битов, будучи ребёнком, формировался на идеалах конца XIX – начала XX века – это период, который смело можно назвать эпохой русских географических открытий в Центральной Азии, когда путешественники проходили самые сложные и труднодоступные места, и практически не осталось неисследованных территорий в этом регионе. Да, Битов мечтал стать путешественником, бредил другими странами, возвёл в кумиры географа и исследователя Центральной Азии Николая Пржевальского (1839–1888) и, само собой разумеется, был влюблён в Центральную Азию, её поэтический образ, который соответственно создали книги и рассказы Пржевальского. Сам же Николай Михайлович утверждал, что «*путешественником нужно родиться и иметь врождённое призвание к путешествиям*». [1, с. 3]

Маленький Андрюша, которого не устраивали собственные имя и фамилия, «*подыскивал себе достойный псевдоним*» и докучал матери: «*Как стать великим путешественником, какие нужны качества… А у меня все это есть: путешественником я родился, страстно я увлекся, научно я подготовлюсь, характер я воспитаю, трудолюбие я разовью, а энергия – приложится…*» [2, с. 19]

Первые воспоминания детства – это ленинградская блокадная зима 1941–1942, потом вынужденное переселение на Урал, затем в Ташкент. *«...Мне было пять. Через всю взбаламученную войной страну мы пробирались к бабушке в Ташкент. Мы уходили от блокады*». [3, с. 9] С Узбекистаном Битов связан самыми крепкими узами: его дедушка по материнской линии, Алексей Константинович Кедров (1859–1916), будучи петербуржцем в третьем поколении и дворянином, родил дочь от немки в имперском «подбрюшье», как определяет это место Андрей Георгиевич, в Ташкенте, где возглавлял реальное училище до 1909 года. За заслуги эмир наградил деда бухарской золотой звездой. Битов, по воспоминаниям матери, зачатый в Грузии, родился в Ленинграде, но с неожиданными азиатскими чертами. Когда во время армянского путешествия художник Мартирос Сарьян спросил Андрея Георгиевича, русский ли он, Битов уверенно ответил «да», забыв о своей немецкой бабушке. В книге «Путешественник. Дубль» он пишет: «*Я тоскую по родным местам. Я – русский. Но вот в смысле природы я тоскую по Карелии. Детство... Родные имена: Вуокса, Метсала, Линтула, Сайя-йоки – чужой язык. А самой России – средней полосы – я не знаю вовсе. Пока не успел. Но от этого я кажусь себе не менее русским*». [4, с. 120] Андрей Георгиевич вспоминает поездку в Азию, когда от станции к станции проступают приметы этой самой Азии, а обратно – приметы России. Россия для писателя начинается с этих примет, черт, которые особо заметны по возвращении на родину.

Теория

Так зарождаются Битовские путешествия по стране, в пределах границы, так называемого «железного занавеса». Советский путешественник – это особая категория, его нельзя назвать несвободным или ущербным, потому что СССР – крупнейшее государство в мире, но зарубежье познавалось только из «разрешённых» книг и журналов. Тут была своя

свобода, как на острове, потому что по А. Битову, «*остров есть самое свободное пространство, потому что – тюрьма*». [5, с. 496] «*О несвободах в СССР сказано много, о свободах почти ничего*, – пишет Битов в комментариях к книге «Путешествие из России: Измерение III». – *Каждый зэк пользуется той свободой в зоне, какую себе отвоюет. Если Советский Союз представлял собою гиганскую зону на одной шестой части света, огороженную железным занавесом, то внутри неё ты мог передвигаться <...> свободно <...> Границ не было. Были закрытые приграничные зоны и секретные объекты, но и туда было не так трудно попасть с командировочным удостоверением; удостоверение же такое несложно было раздобыть в любой редакции. Таким образом, если ты не зэк и не колхозник (допустим, это была половина населения), то есть расконвоированный гражданин, то мог передвигаться по Империи с завидной лёгкостью*». [6, с. 500] И «расконвоированный» А.Битов, лишённый возможности путешествовать по миру, воспользовался этой свободой сполна. Два мира, изученный и постигнутый (в первом – мы пробуем устроиться, изучая его снаружи, второй, постигая изнутри, мы стремимся описать), сошлись в одной подвижной точке – фигурке путешественника – и обрели гармонию.

Битов, которого никак нельзя назвать асоциальным, считает, что человек живёт границе двух сред – неба и моря, чувствуя на себе напряжение этой самой границы. «*Только птицы и рыбы знают, что такое одна среда. Они об этом, конечно, не знают, а – принадлежат. Вряд ли и человек стал бы задумываться, если бы летал или плавал. Чтобы задуматься, необходимо противоречие, которого нет в однородной среде, – напряжение границы. Мы живем в мире людей, родившихся один раз. Прошлому мы не свидетели, будущему – не участники*». [7] Это то самое будущее в прошедшем, которое на английском звучит как Future Perfect in the Past, или, «*в русском приближении, позавчерашнее во вчерашнем <...>*», когда «*богатейшие оттенки времени во взаимоотношениях множества абстрактных категорий передаются одним грамматическим – будущим: повесть есть, но её нет – она еще может быть написана*». [8, с. 54] Может быть, именно в этой мятежности и есть загадка русской души? Тип странника так характерен для России, считал философ Николай Бердяев (1874–1948), ибо «*перед русской душой открываются дали, и нет очерченного горизонта перед духовными ее очами...* – писал он. – В *России, в душе народной есть какое-то бесконечное искание, искание невидимого града Китежа, незримого дома...*» [9] Критик Лев Аннинский называет А. Битова «*странным странником*», который не реализовался бы как писатель «*без своих изматывающих путешествий*», и считает, что он «*больше путешествует по своей душе, чем по параллелям и меридианам. И всё-таки без реального странствия тут, похоже, ничего не выйдет. Не реализуется*». [10]

За лейтмотив битовских странствий и единства с природой можно взять строки из его стихотворения «Пейзаж», которое было написано в Батуми в 1982 году; к тому времени он прошёл немало дорог, объехал немало союзных республик (а мечтал о Японии!):

«Кто строит дом – не тот в дому живёт.
Кто создал жизнь – не ищет смысла жизни.
Мысль свыше – не сама себя поймёт.
Пускайся в путь – и в нём себя настигни…»

Умонастроения А. Битова, определившиеся в самом начале жизни, его влечение к путешествиям, любовь к природе ярко отразились в почти во всех произведениях. Начав творческий путь со стихов, он перешёл к поэтическому реализму в прозе. И сейчас можно смело утверждать, что Битов – поэт пейзажа. Его описания природы наполнены гармонией и диалогом. И если кумир юного А. Битова – Пржевальский, следуя традициям, ставил задачами своих экспедиций наблюдение, описание, собирание коллекций, систематизацию, то начинающий писатель наблюдал, проходил разные стадии чувствования и описывал свои путешествия в литературных жанрах, показывая, как субъективность восприятия одерживает верх над любым знанием.

1957 год. Андрей Битов – студент Ленинградского горного института, а это – путешествия и исследования. Правда, за неуспеваемость он был отчислен, загремел в стройбат, прослужил год на Русском Севере, затем был восстановлен в институте. По итогам первой поездки, состоявшейся в 1960 году, рождается «Одна страна. Путешествие молодого человека». С этого начинается Битов-путешественник и его мистическая связь с природой.

Он зачастую испытывает боль, находясь в клетке города. «*То ли асфальт под ногою слишком твёрд, то ли обувь тесна, то ли рабочий день долог, то ли сетки оттянули руки*», – пишет Битов в повести «Птицы, или Оглашение человека». [11, с. 11] И он бежит к природе. Всё чаще и охотнее. Словосочетание «я бежал» не раз встречается в творчестве Андрея Георгиевича. В поездках он чувствует, что такое сознательное пробуждение души, познаёт собственное влечение к красотам дикой природы, удивляется, что нужно было закончить школу и вуз в два приёма, стать тридцатилетним человеком, чтобы услышать, что то, «*что нас окружает и всегда окружало*», [12, с. 16] умеет говорить. «*Приходит время, и бессвязные вещи начинают выстраиваться в ряд*». [13, с. 16] В повести «Птицы, или Оглашение человека» Андрей Георгиевич вспоминает: «*После войны в озёрах и речках развелась рыба, леса стояли неистоптанные, грибные, ягодные, – мы ехали с отцом на велосипедах, и ничего встречного, ни души. Пустые песчаные дороги и птичий щебет. С какого же года на дачу стали выезжать все, все ходить за грибами и ягодами, все ловить рыбу? Конечно, постепенно, но и вдруг... Я помню это по электричкам, как они вдруг набились, переполнились – вдруг, в какой-то год; надо было десять лет с войны пережить, чтобы перестать съедать непременную вторую тарелку супа и считать такси развратом; вдруг в какой-то год за город поехали все – 55-й? 56-й? Ведь всегда же можно было ездить за город, никто не запрещал – вдруг* ***стало*** *можно*». [14, с. 16] В это же время на Западе, о котором Битов и его современники могли кое-что читать, происходили какие-то «*выверты, странности*», люди бесились с жиру: «*кто-то не ел полгода, кто-то съел автомобиль, кто-то переплыл океан без воды и без еды на надувной лодке, кто-то полез в пещеры, кто-то в кратер, кто-то прошёл на руках всю Германию, кто-то, наконец, залез на Эверест, кто-то поплыл под парусами без руля и без вертил*». [15, с. 16] Битов, не опускаясь до пафоса, проводит чёткое разграничение между русской нравственностью, в основе которой душа, и западной рассудочной моралью, такой далёкой и непонятной русскому человеку того периода.

Размышляя о диалоге природы и человека, который считает, что всё, чем он пользуется, имеет прямое к нему отношение, последнего писатель часто обвиняет в самонадеянности и нахальстве. И, как художник слова, Битов находит подтверждения этим качествам в языке, они, как «*новые свидетельства человеческого разбоя*», как «*отпечатки немытых пальцев*»: «кладовая природы», «природные богатства», «покорение природы», «чёрное, белое (и ещё какое-то) золото» ... [16, с. 59]

Люди расширяют пространство, вписываются в пространство, справляются с ним, делая *культурным («культурным»* Битов выделяет курсивом): в места красивой и дикой природы обязательно «*просится храм, кремль, город*». В повести «Человек в пейзаже» Андрей Георгиевич пишет о «взаимном переходе», так сказать, «взаимном обрыве»: «*дикой природы – с одичавшей культурой, одичавшей культуры – с культурным пространством, культурного пространства – с разрушением, разрухи – с одичанием, одичания – с дикостью*». [17, с. 69] И тогда можно наблюдать «*мерзость запустения, как в разорённом культурном пространстве*». «*И ветер победно шуршит в помойке, бывшей когда-то храмом и клабдищем*». [18, с. 69] Битов удивляется миру, прогрессу и задаётся вопросом: насколько нужно было «*странным людям*» удаляться от природы, чтобы потом снова начать «*приручать львов, жить в волчьей, в обезьяньей стае, <...> хронометрировать процессы каменного века, изготовив себе орудия по их образцу и удалившись от цивилизации*». [19, с. 17] Но тут пробуждается зависть: кто-то вырвался, когда другие вкалывают. Да, человек стал заложником, бегство требует времени, свободного времени. У А. Г. Битова со временем особый диалог, писатель говорит о единстве и гармонии человека, природы и времени: «*Время – тоже живое существо; ему тоже хочется прожить своей жизнью... Бывает такое время, когда человечество живёт как один человек, – в каком-то смысле это и есть Время. Тогда оно вместе старится, вместе радуется, вместе понимает*». [20, с. 17]

Андрей Георгиевич, являясь человеком своего времени, своего поколения, размышляет о науке, его «*охватывает небольшой смех при представлении о том, какой бесформенный, криво и косо обгрызенный познанием кусок содержим мы в своей голове как представление о реальности*». [21, с. 25] Некоторые научные мысли ассоциируются у него с хаотическим полётом моли, а современная экология кажется ему даже не наукой, а реакцией на неё. И тогда он взывает к необъяснимому, метафизическому, так сказать, «*антинауке, которая чтит природу*». «*Духовный смысл научного открытия не в расширении сферы познания, а в преодолении её ограниченности*, – пишет он. – *Посмотреть под ноги, а затем в небо – вот первый научный метод*». [22, с. 25] Например, человек может выучить, вызубрить из снобизма все имена мышей и травинок и быть, по определению А.Г. Битова, искусственным со своим натурализмом. Между тем, можно знать слово «зяблик», но не мочь отличить его от любой другой птицы; подобное «незнание» не мешает А.Г. Битову «*немо и молитвенно упиваться природой*», не разочаровывая душу подделкой. [23, с. 38]

Заключение

В попытке разрешить вопросы дисгармонии и гармонии мироздания, Андрей Георгиевич Битов часто «сокращает» персонажи: если можно сделать из двух одного, он это с лёгкостью

делает. Но его герой никогда не одинок, если находится в контакте с природой, считает себя её частью. Мировоззренческая доминанта для А.Г. Битова в созидающем начале природы, которая выступает отдельным героем его произведений, живым, ярким и контактным, и гармонии, когда «всяк должен следовать своей природе» – волк должен быть кровожадным, фиалка нежной, а человек благодарным, ибо «за труд под солнцем бывает и воздание», и «не следует ни недооценивать, ни переоценивать его размеров». [24, с. 69]

References:

1. Przheval'skiy N. M. Ot Kyakhty na istoki Zholtoy reki. Issledovaniye severnoy okrainy Tibeta i put' cherez Lob-Nor po basseynu Tarima [From Kyakhta to the sources of the Yellow River. Study of the northern outskirts of Tibet and the path through Lob-Nor through the Tarim basin]. St. Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva Publ., 1888. 560 p. (in Russian).
2. Bitov A.G. Puteshestvennik: Dubl' [Traveler: Double]. Moscow, Fortuna Limited Publ., 2004. 240 p. (in Russian).
3. Bitov A.G. Sobraniye sochineniy: v 3 t. T. 1. Povesti i rasskazy [Collected works: in 3 volumes. Vol.1. Novels and Stories]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1991. 575 p. (in Russian).
4. Bitov A.G. Puteshestvennik: Dubl' [Traveler: Double]. Moscow, Fortuna Limited Publ., 2004. 240 p. (in Russian).
5. Bitov A.G. Puteshestviye iz Rossii: Imperiya v chetyrokh izmereniyakh. Izmereniye III: povesti-puteshestviya [Traveling from Russia: Empire in four dimensions. Dimension III: travel stories]. Moscow, Astrel Publ., 2013. 505 p. (in Russian).
6. Bitov A.G. Puteshestviye iz Rossii: Imperiya v chetyrokh izmereniyakh. Izmereniye III: povesti-puteshestviya [Traveling from Russia: Empire in four dimensions. Dimension III: travel stories]. Moscow, Astrel Publ., 2013. 505 p. (in Russian).
7. Bitov A.G. BIRDS, or New information about a human, 1971, 1975. Available at: http://www.e-reading.club/chapter.php/6541/114/Bitov_-_Kniga_puteshestviii_po_Imperii.html (in Russian).
8. Bitov A.G. Bitva [Battle]. Moscow, ArsisBooks Publ., 2009. 120 p. (in Russian).
9. Berdyayev N. A. The Destiny of Russia. Available at: http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt_with-big-pictures.html (in Russian).
10. Anninskiy L. A. Strange wanderer. Available at: http://www.e-reading.club/chapter.php/6541/193/Bitov_-_Kniga_puteshestviii_po_Imperii.html (in Russian).
11. Bitov A.G. Oglashonnyye: Imperiya v chetyrokh izmereniyakh. Izmereniye IV [Announced: Empire in four dimensions. Dimension IV]. Kharkov, Folio Publ.; Moscow, TKO ACT publ., 1996. 1996. 319 p. (in Russian). 12 – 24. Ibidem.

Information about the author:

Elena A. Shuvaeva-Petrosyan (Moscow, Russia). *Postgraduate student of the Literary Institute after A. M. Gorky, member of the Writers' Union of Armenia, editor-in-chief of GORA Magazine. E-mail: lena478@mail.ru*

DOI: 10.24411/2470-1262-2018-10019

УДК (UDC) 82.02/09

Kuralay B. Urazayeva,
L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Zhanargul Azkenova,
L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan

For citation: Urazaeva K.B., Azkenova Zh., (2018). Reading of Literary characters as an element of a non-event in "Belkin's Tales" by A.S. Pushkin Cross-Cultural Studies: Education and Science. Vol.3, Issue II, pp. 70-79 (in USA)
Manuscript received: 04/18/ 2018
Accepted for publication: 06/13/2018
CC BY 4.0

ЧТЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ КАК ЭЛЕМЕНТ НЕ-СОБЫТИЯ В ЦИКЛЕ «ПОВЕСТИ БЕЛКИНА» А.С. ПУШКИНА

READING OF LITERARY CHARACTERS AS AN ELEMENT OF A NON-EVENT IN "BELKIN'S TALES" BY A.S. PUSHKIN

Abstract

The discourse (non-rhetorical) approach was anticipated in science by the notions of genre (M.M. Bakhtin), the communicative nature of the text (Iu.M. Lotman), the literary notion of "discourse" (V. Rudnev), and the methods of applying the discourse approach (V.I. Tiupa). The rationale for reading a literary character as a non-event (M. Stroganov) creates the prospect of studying "literary reading" as a way of creating text from the aspect of a rhetorical model.

The research hypothesis is to identify the role of reading as a non-event in the story system. The study of "Belkin's Tales" by A.S. Pushkin in the unity of three competencies of the text is justified as the basis for the syntagmatic and paradigmatic unity of the whole. The correspondence of discourse with the concepts of the object, purpose and situation of the utterance convinces one of the advantages of the discourse approach. Furthermore, the new view on the narrative nature of the text becomes obvious.

The methodology of the study is based on a discourse approach. The technique of analyzing a work of art from the aspect of three competences characterizes the rhetorical model of the text.

Analysis of "literary reading as a non-event" revealed differences of rhetorical behavior and rhetorical role of author and character, communicative interaction of a rhetoric person and his/her audience as active and passive subjects of reading.

The results obtained can be used in history and theory of literature, and in special courses on the use of modern techniques of text analysis.

Directions of future research are related to the classification of non-events forms in Pushkin's poetics from the standpoint of a communicative event, which makes it justified to clarify the genre nature of the works in the collection of tales.

Keywords: *discourse analysis, Puskhin, "Belkin's Tales", non-event, reading*

Введение

Опыт дискурсного прочтения цикла «Повести Белкина» А.С. Пушкина предпринят в аспекте проблемы «чтение литературного героя» и выявления роли чтения как не-события в системе сюжета. Изучение чтения героя как не-события предполагает рассмотрение произведения и цикла в целом в единстве трех компетенций текста (референтной, креативной и рецептивной), организующих системность синтагматического и парадигматического целого. В свою очередь современное толкование дискурса соотносимо с понятиями предмета, цели и ситуации высказывания. Преимущества дискурсного подхода заключаются и в обосновании нового взгляда на нарративную природу текста.

Теория

Дискурсный (неориторический) подход основан на представлении о коммуникативной природе текста, явившейся почвой для разработки одной из определяющих идей Ю.М. Лотмана. Описанный им акт взаимодействия в системе «читатель-текст» подразумевал активную роль адресата (или культуры-реципиента) в раскрытии семантического потенциала текста и роли текста в формировании читателя (культуры) [1, с. 219].

Понятие «дискурс», по наблюдениям В. Руднева, соответствует понятию жанра, применявшемуся М.М. Бахтиным в металингвистическом контексте. В. Руднев выделяет три составляющие жанра «как композиционно определенного целого»: тему, композицию, стиль – корреллирующими с предметом, целью и ситуацией высказывания как характеристиками дискурса [2].

Идея о сущности дискурсного (неориторического) анализа, разработанная В.И. Тюпой, основана на концепции художественного произведения как единого высказывания, или дискурса, иначе – «коммуникативного события между креативным (производящим) и рецептивным (воспринимающим) сознаниями [3, с. 273]. Изучение текста в синтезе трех его компетенций – референтной, креативной и рецептивной – очерчивает границы

дискурса. Исследователь обращает внимание на отличие неориторического (дискурсного) анализа от традиционного [3, с. 274].

Обоснование чтения литературного героя как не-события является предметом научных интересов М. Строганова. На примере драматургии Н.В. Гоголя ученый разработал концепцию не-события, классификацию и представление о феномене *пустоты* [4, с. 12]. Вместе с тем терминологические истоки понятия «не-событие» были предвосхищены Ю.М. Лотманом. Так, определение события включает известная теория искусства как вторичной моделирующей системы: «Событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля. Из этого вытекает, что ни одно описание некоторого факта или действия в их отношении к реальному денотату или семантической системе естественного языка не может быть определено как событие или несобытие до того, как не решен вопрос о месте его во вторичном структурном семантическом поле, определяемом типом культуры» [5, с. 147]. Значимо и уточнение о трансформации события в несобытие и наоборот [5, с. 147].

Новую перспективу дискурсного изучения художественного текста создает проблема «литературного чтения» как способа создания хронотопа, не линейной, а пространственной организации текста, о чем писал Ц. Тодоров: «… чтение – это своего рода путешествие в пространстве текста, – путешествие, маршрут которого не ограничивается последовательным перебором букв – слева направо и сверху вниз …, но, напротив, разъединяет соседние и объединяет далекие друг от друга отрезки текста» [6, с. 39-40].

В практике дискурсного подхода понятия традиционной поэтики: *автор* и *повествователь* сменяются понятиями *ритора и* читателя – *аудиторией*. Если в традиционной поэтике роль автора и повествователя авторитетна и, условно говоря, внедискурсивна, то в роли ритора может выступать литературный герой как субъект чтения, а его партнером (Тодоров упоминает термин narrataire – «адресат повествования»), «аудиторией», или подразумеваемым субъектом чтения (пассивным, в отличие от литературного героя) становится имплицитный читатель. Интересно соотнести с мнением Р. Фаулера о полифонической структуре, когда «the polyphonic structure, the multiplicity of voices, needs to be interpreted in terms of the author’s ideology. A plurality of voices does not in itself mean a non-authoritarian narrative stance» (множественность голосов, должны интерпретироваться относительно авторской идеологии. Множество голосов само по себе не означает неавторитарное начало в нарративной позиции) [7, с. 77].

Если «адресат повествования» (Тодоров), согласно Принсу, «представляет собой промежуточное звено между рассказчиком и читателем; помогает более четко прочертить рамку повествования и охарактеризовать рассказчика; способствует подчеркиванию некоторых элементов темы и развитию сюжета; может играть роль рупора морали, утверждаемой в произведении» [6, с. 78], то с позиций дискурсного подхода очевидна замена пассивного «адресата повествования» на активного литературного героя, принимающего на себя в акте чтения роль ритора. Важно заметить, что риторическую целостность повествователя создается «the unity of the narrator’s voice is safeguarded by the

heterogeneous, but highly individual style of the narrator» (гетерогенным, но вместе с тем индивидуальным стилем рассказчика), о чем пишет Е.А. Хаард [8, с.100].

Важно обратить внимание на то, что попытки прочтения гоголевского текста в риторической перспективе предпринимались в 90-е годы – в связи с открывшимися возможностями изучения влияния религии на литературу – В.А. Недзвецким, охарактеризовавшим поэму Гоголя «Мёртвые души» как художественную проповедь [9, с. 149-157]. Развивая мысль ученого, можно допустить, что не-событие в гоголевской драме расширяет гомилетическую (проповедническую) природу слова Гоголя-ритора и персонифицирует мораль как одну из форм не-события.

Чтение литературных героев – А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя – характеризуется определенными традициями изучения. Так, чтение пушкинских героев стало предметом работ Т. Алпатовой [10, с. 2-4]. В круге чтения героев повести «Барышня-крестьянка» ученым рассмотрена повесть Н. Карамзина «Наталья, боярская дочь». Причину исследователь видит в принадлежности к сентиментализму. Отсюда расширение сентименталистского ряда в «Станционном смотрителе» (судьба Дуни, «заблудшей овечки», коррелирует с судьбой карамзинской героини). Отмечает ученый доминирование этой же повести Карамзина в повести «Метель» при явном влиянии на поведение и идею побега Марьи Гавриловны французских романов. Такой подход позволяет Алпатовой обратить внимание на линии полемики и согласия Пушкина со стратегией Карамзина-сентименталиста. Оправданность такой позиции подтверждается толкованием дискурса как скрепляющего звена культуры, о котором пишет Джеймс Пауль Джи: «Discourses, through our words and deeds, carry on conversations with each other through history, and, in doing so, form human history» (Дискурсы, через наши слова и дела, ведут беседы друг с другом через историю, и при этом формируют человеческую историю) [11, с. 18].

Основание для диалога Пушкина с Карамзиным Алпатова находит во введении Пушкиным повести «Наталья, боярская дочь» как способа автора «говорить со своим читателем по-иному, может быть, попытка понять, что же всё-таки есть в этом открытии – “чувствительном повествовании”» [10, с. 2]. К такому художественному решению ученый применяет бахтинское представление о сущности текста как повествования о событии и способа рассказывания о событии [10, с. 3].

Один из актуальных контекстов прочтения гоголевского текста – *человек читающий.* Д. Чавдарова рассмотрела «чтение» с его коннотациями «познание», «духовность», имеющими особую ценность, определила знаковым для мира Гоголя отсутствие этой ценности, или ее травестирование, уточняемой как знаковость минуса [12].

Анализ литературного чтения гоголевского героя содержится в работах К.Б. Уразаевой. Ученым обоснован взгляд на гоголевский текст как источник культурологической концепции [13, с. 199-206]. Исследования типов имплицитного читателя и эксплицитных форм выражения стал основанием для оценки акта чтения как мифологического ключа к прочтению текста. Мифологема чтения рассмотрена как концепт, синтезирующий

типологию чтения и типологию читателя. Изучение доминирующих коннотаций гоголевского чтения способствовало анализу особенностей воспринимающего сознания. Полифония стиля, структурируемого смеховой поэтикой, отсылками и аллюзиями, отношением к литературной традиции и фольклорной поэтике, отражают разные виды текстовых стратегий и модификации имплицитного читателя в поэтике Гоголя.

Отмеченные подходы охватываются понятием дискурса, который используется, по мнению Т. Ван Дейка, «to refer to the accomplished or ongoing 'product' of the communicative act, namely, its written or auditory result as it is made socially available for recipients to interpret» (для обозначения завершенного «продукта» или того, который в процессе коммуникативного акта делает его социально доступным для интерпретирования реципиентами) [14, с. 194].

Данные и методы

Исследование повестей цикла в системе синтагматического и парадигматического целого позволяет разграничить бахтинское понимание высказывания как рассказа о событии и способ рассказывания и дифференцировать событие и не-событие как коммуникативные стратегии автора. Если референтная компетенция текста определяется событием, то креативная и рецептивная компетенции реализуются в зоне не-события, актуализированного эпиграфами и литературным чтением героев.

Референтное поле повести «Выстрел» (предмет высказывания как признак дискурса) определяется синтагматическим целым, включающим событие отложенной мести и жажды возмездия. Креативная компетенция позволяет установить связь между эпиграфом и литературным чтением героев, иллюстрируя способ повествования, подразумевающий тип адресата, сформированного беллетристическим кругом чтения. Пародирование романических и романтических клише – наиболее исследованный объект в пушкиноведении. Между тем взгляд на эпиграф как пассивное чтение и скрытый риторический аргумент, выполняющий функцию энтимемы реализует связь между событием и не-событием. «Стрелялись мы» Е. Баратынского и реплика из разговора на бивуаке создает событийный контекст института дуэли как компенсации оскорбленной чести и олитературенный образ жизни военных в провинциальных городках.

Трижды локализованы в повести образы пассивного чтения. Во-первых, у Сильвио «водились книги, большею частию военные, да романы. Он охотно давал их читать, никогда не требуя их назад; за то никогда не возвращал хозяину книги, им занятой» [15, с. 65]. Ироническая коннотация снижает статус чтения как недостойного внимания повествователя события. Чтение рассказчика, отставного полковника: «Малое число книг, найденных мною под шкафами и в кладовой, были вытвержены мною наизусть. Все сказки, которые только могла запомнить клюшница Кириловна, были мне пересказаны; песни баб наводили на меня тоску» [15, с. 71] – служит завязкой новой истории, знакомства повествователя с новыми соседями.

Описание кабинета графа, который «был убран со всевозможною роскошью; около стен стояли шкафы с книгами, и над каждым бронзовый бюст; над мраморным камином было широкое зеркало; пол обит был зеленым сукном и устлан коврами» [15, с. 72] – переводит чтение в разряд детали интерьера и показателя имущественного положения героев. Оценка чтения как сигнала сюжетного механизма выявляет не только креативную компетенцию текста (цель высказывания как признак дискурса), но обусловливает рецептивную компетенцию как ситуацию высказывания, придавая чтению роль фона события.

Эпиграф к «Метели» вводит в референтное поле повести святочный сюжет о мертвом женихе, отрефлектированный литературной балладой В.А. Жуковского и реализует вместе с тем креативную компетенцию как импульс к иронической полемике Пушкина с романтической традицией. Круг чтения Марьи Гавриловны может быть осмыслен как источник пародирования, реализующий основные элементы сюжета в событийном развитии. Приемы формирования художественного образа в его амбивалентности: конфликте романического и православного сознания героини, определяет роль чтения как не-события, определяющего финал ее судьбы. Формируя рецепцию читателя, Пушкин реализует полемику мистики романтической баллады и святочного сюжета для проповеди ценностей православия и патриархальных ценностей. Письма героини как вид пассивного чтения также вписаны в концепцию не-события и формируют культуру рецептивной компетенции.

Эпиграф к «Гробовщику»: «Не зрим ли каждый день гробов, / Седин дряхлеющей вселенной?» Г.Р. Державина становится способом перевода референтной компетенции (реминисценции с «веселыми гробовщиками» В. Шекспира и В. Скотта) в креативную, подготавливая фантасмагорию и поэтику сна Адриана Прохорова как не-событие, вытесняющее событие в контексте идеи повести и оттого обладающее большей силой воздействия на читателя. Рецептивная природа компетенции обусловлена жанровой сентименталистской сентенцией духовного преображения мизантропа в «веселого» гробовщика после его пробуждения.

Роль чтения в повести принимает на себя вывеска над воротами мастерской гробовщика [15, с. 89]: здесь стилистический контраст высокого (Амур) и просторечного («починяются») становится голосом повествователя в литературном диалоге автора с просвещенным читателем. «Просвещенный читатель ведает, что Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробокопателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей противоположностию сильнее поразить наше воображение. Из уважения к истине мы не можем следовать их примеру, и принуждены признаться, что нрав нашего гробовщика совершенно соответствовал мрачному его ремеслу. Адриан Прохоров обыкновенно был угрюм и задумчив» [15, с. 90] – такое признание повествователя в экспозиции повести определяет рецептивную компетенцию, характеризующую роль вывески как не-события и обособляющей место героя среди немецких ремесленников слободы.

Присутствие разговорного дискурса как прагматического индикатора реализует «результат, действие, ответ, а не «сообщения» в пропозициональном смысле», о чем пишет Уолтер Нэш: «a result, an action, a response, rather than a 'message' in the propositional sense» [16, с. 29].

Интересную роль выполняет эпиграф к повести «Станционный смотритель» в качестве литературного пассивного чтения. В период создания «Станционного смотрителя» Пушкиным были написаны стихотворение «Герой», посвященное Наполеону, и «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы». Их можно рассматривать в одном ряду с повестью «Станционный смотритель» с позиций переосмысления отношения к человеку.

Одним из важных контекстов прочтения повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» является проблема реминисценций, среди которых следует выделить литературные и библейские.

Анализ повести выявляет в роли не-события литературные реминисценции, или внетекстовый источник, который становится оценочным критерием, тезисом, сопровождающим антитезис, трансформируя его в иронический парафраз. Так, эпиграф кн. Вяземского как тезис опровергается антитезисом Пушкина: «Сущий мученик четырнадцатого класса», «люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые». Иронический ряд оценок иерархичен и социально парадоксален, объединяя «изверга», «разбойника», «диктатора».

Притча о блудном сыне соединяет событие и не-событие в качестве внесюжетного элемента повести «Станционный смотритель». Вместе с тем Притча о блудном сыне для Пушкина и активный субъект сюжета. Убедиться в этом помогает анализ «картинок» и создаваемый Пушкиным контекст, например, описание жилища Самсона Вырина. Анонимная концепция правды как креативная компетенция, с ее ветхозаветными истоками, – аллюзия на историю Дуняши, но исключительно в отцовском понимании. При второй встрече титулярного советника А.Г.Н. со станционным смотрителем покосившиеся «картинки» становятся сигналом к новому повороту сюжета.

Три встречи титулярного советника А.Г.Н. с Выриным образуют события внешнего конфликта. Внесюжетные же элементы: история блудного сына, слухи о похищении Дуни, рассказ смотрителя – становятся субъектами сюжета и образуют внутренний конфликт повести. Внешний сюжет повести организован историей Дуняши, внутренний – драмой Самсона Вырина. Два ряда повествования вскрывают систему антропологических представлений Пушкина через постоянные переклички, создающие языковые коннотации как проявление рецептивной компетенции.

Способом формирования рецептивной компетенции становится онтология личности: это судьба-злодейка в жизни Вырина и условно счастливый жребий для девушки с затерянной на российских просторах почтовой станции, рок в судьбе отца и случай в жизни дочери. В онтологии вещности – аскетизм обители Вырина и роскошь петербургского

жилища Дуняши. Экзистенциальная логика, конструирующая мир ценностей в концептах православного сознания: кладбище без единого деревца, «груда песка, в которую врыт был черный крест с медным образом» Вырина, с другой стороны – социального благополучия: барчата, кормилица и моська, карета в шесть лошадей – определяет композиционное кольцо как воплощение истории примирения.

Эпиграф к повести «Барышня-крестьянка»: «Во всех ты, Душенька, нарядах хороша» И.Ф. Богдановича также объединяет событие и не-событие, подразумевая намек на маскарадные роли Лизы Муромцевой, карнавальную атмосферу, решающую роль маски, травестирования в сюжетном исходе повести. Литературное чтение героев в данной повести представляет более разветвленную картину, в сравнении с другими произведениями цикла. Референтное поле повести определяется событием карнавала, в то время как креативная и рецептивная компетенции создают парадигматически расширенный контекст возможностью приравнивания каждого упоминания о литературном чтении как очередной разновидности не-события. Так, реплика: «… (Иван Петрович Берестов) ничего не читал, кроме Сенатских Ведомостей» [15, с. 109] выявляет роль газеты как авторитетного текста. Другой модификацией авторитетного слова является пословица, оценочная по отношению к событиям (способу ведения хозяйства Муромцевым): «Поля свои обрабатывал он по английской методе: Но на чужой манер хлеб русский не родится» [15, с. 110]. Письмо в его эпистолярной сущности как романический штамп отличается от «Метели» внесением пародийной аллюзии на тайну: «В самом деле, ходил по рукам список с адреса одного из его писем» [15, с. 110]. Упоминание модных литературных имен (Жан-Поля, Памелы, реплика молодого помещика Берестова «tout beau, Sbogar, ici...») как способов спасения от скуки *«в этой варварской России»* (реплика агличанки-гувернтантки) объясняет модели модного книжного поведения молодых дворян. Так, неслучайность того, что «Настя была в селе Прилучине лицом гораздо более значительным, нежели любая наперсница во французской трагедии» [15, с. 111] продолжает ряд мотивов клишированного поведения. Вопрос Лизы о молодом Берестове: «Что же? Каков он тебе показался? Печален, задумчив?» [15, с. 112] воспроизводит моду на романтического героя. Примеры старшего Муромцева человеческого долголетия, «почерпнутые из английских журналов», формирует оценку литературного чтения героев как авторитетного слова.

Галломании («фальшивые локоны, гораздо светлее собственных ее волос, взбиты были, как парик Людовика XIV; рукава à l'imbécile торчали как фижмы у Madame de Pompadour » [15, с. 120] противопоставлена активная роль русского исторического чтения: «…на третьем уроке Акулина разбирала уже по складам «Наталью боярскую дочь», прерывая чтение замечаниями, от которых Алексей истинно был в изумлении, и круглый лист измарала афоризмами, выбранными из той же повести» как показателя органического в человеке.

Полученные результаты

Итак, анализ «литературного чтения как не-события» с позиций изучения трех компетенций текста позволил решить следующие задачи. Во-первых, исследование

референтного и креативного поля взаимодействия выявило особенности риторического поведения и риторической роли автора и героя. Во-вторых, исследование коммуникативного взаимодействия ритора и его аудитории позволило дифференцировать активного и пассивного субъектов чтения, или установить креативную и рецептивную стратегии взаимодействия. В-третьих, выявление форм соотношения между формами пародирования сентименталистских штампов уточняет процесс реконструкции жанра, преобразующего жанр «веселой беседы» в повесть русского реализма.

Заключение

Проведение дискурсного анализа на материале пушкинского цикла позволяет расширить понятие культуры-реципиента в аспекте «литературного чтения» героев, показать его влияние на языковое поведение как тип «культурной» репрезентации личности. Предпринятый опыт классификации форм не-события в пушкинской поэтике с позиций коммуникативного события констатирует в жанровой природе цикла новые модификации.

References:

1. Lotman IU.M. (2000) Semiosfera [Semiosfera]. SPb.: Iskusstvo, 560.
2. Rudnev V.P. (2000) Proch’ ot realnosti: Issledovaniia po filosofii teksta [Away from reality: Research in Texst Philosophy]. M.: Izdatelstvo «Agraf», 432.
3. Tiupa V.I. (2009) Analiz khudozhestvennogo teksta [Analysis of artistic text]. M., 336.
4. Stroganov M. (2010) Sobytie ne-sobytiia v dramaturgii Gogolia [The event of a non-event in Gogol's dramaturgy] // Vechniiat Gogol. Sbornik s dokladi ot Iubileinata mezhdunarodna nauchna conferentsiia, provedena v Shumen na 6-7 oktomvri, 2009 g. Sofiia: Faber, 5-12.
5. Lotman Iu.M. (1998) Struktura khudozhesnvennogo teksta [Struktura of artistic text] // Ob iskusstve. SPb., 14-288.
6. Todorov Ts.(1975) Poetika [Poetika] // Strukturalizm: «za» i «protiv» (Sb. statei) Izd. «Progress». M. [Online]. Available: http://zar literature.ucoz.ru/magistratura/todorov_c-poehtika.pdf (January, 2018)
7. Fowler R. (2005) Polyphonic in hard times. // Language, Discourse and Literature: An Introductory Reader in Discourse Stylistics edited by Ronald Carter and Paul Simpson. – London: Taylor & Francis, 305.
8. Haard, Eric A. de (2006) On narration in «Voina i mir». — Russ. lit. — Amsterdam International Electronic Journal for Cultural Narratology. Vol. 7. N 11, 95-120. [Online] Available: http://cf.hum.uva.nl/narratology/a05_haard.html (April, 2018)
9. Nedzvedskii V.A. (1997) «Mertvye dushi» N.V. Gogolia kak khudozhestvennaia propoved’ [«Mertvye dushi» N.V. Gogolia as an artistic preaching] // Russkaia literatura XIX veka i khristianstvo. M.: izd-во MGU im. M.V. Lomonosova, 149-158.
10. Alpatova T. (2001) Chto chitaiut geroi «Povestei Belkina» [What the Heroes of «Belkin's tales» read] // Pervoe sentiabria. Literatura, № 7, 2-4.

11. Gee J.P. (1999) An Introduction to Discourse Analysis: theory and method. 2nd edition. London: Routledge, 176.
12. Chavdarova D. (1997) Antimir Gogolia i «chitaiushchii chelovek» [Gogol's antimir and the "reading person"] // Homo legens v russkoi literature XIX veka. Shumen: Aksios, 142.
13. Urazaeva K.B. (2009) Kul'turologiia zapada i vostoka kak tip modal'nosti v poetike N.V. Gogolia [Culturology of the West and the East as a type of modality in poetics Gogolya] // Sbornik materialov mezhdunarodnoi conferentsii «Vostok-Zapad v russkoi literature XI-XXI vekov». Stambul, 2009: Fatikh universitet, 199-206.
14. Teun A.van Dijk (1998) Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 366.
15. Pushkin A.S. Povesti Belkina [Belkin's tales]. [Online]. Available:: http://fb2bookdownload.ru/classic/900-povesti-belkina.html (October, 2017)
16. Nash W (2005) Changing the Guard at Elsinore. // Language, Discourse and Literature: An Introductory Reader in Discourse Stylistics edited by Ronald Carter and Paul Simpson. – London: Taylor & Francis, 2005, 305.

Information about the authors:

Kuralay Urazayeva (Astana, Kazakhstan) *– Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, e-mail:kuralay_uraz@mail.ru*
Address:2, Satpaev street, Astana, Kazakhstan)

Zhanargul Azkenova ((Astana, Kazakhstan) *– PhD student, Master of Philology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, e-mail:azkenova@mail.ru*
Address:2, Satpaev street, Astana, Kazakhstan)

Contemporary Philology

DOI: 10.24411/2470-1262-2018-10020

УДК (UDC) 811.161.1'373.4

Darya Khalyavina (Korobkova), Marina Droga,
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia

For citation: Khalyavina (Korobkova) D., Droga M., (2018).
Individual world creation of the poet Vasily Kamensky.
Cross-Cultural Studies: Education and Science.
Vol.3, Issue II, pp. 80-87 (in USA)
Manuscript received: 04/16/2018
Accepted for publication: 06/13/2018
CC BY 4.0

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО ПОЭТА ВАСИЛИЯ КАМЕНСКОГО

INDIVIDUAL WORD CREATION OF THE POET VASILY KAMENSKY

Abstract

The article presents a comprehensive description of individual author's words of the futurist poet Vasily Kamensky with due regard to the structural, semantic and functional-pragmatic approaches. Within the article the place of individual author's words are determined among other components of V. Kamensky idiolect; productive and non-productive derivational models of neoformations are identified. The methods of creation of the individual author's words, as well as distinctive features of the poet's idiolect are identified. Both general and specific features of lexical neoformations in poetic texts of V. Kamensky are analyzed. The main method is one of systemic scientific description. The most active derivational means, defining his poetic language, are suffixation and addition that is common for Russian word-formation. Suffixed nouns, complex adjectives, and summation of different words, observed in all important parts of speech, can be considered as expressive features of the idiolect of V. Kamensky. In general, in the creation of new words by V. Kamensky, words generated as the productive models of Russian word-formation prevail. Individual author's words of V. Kamensky are multifunctional: they perform both general functions, common for Russian word-formation in general (nominative, expressive, compressional, constructive), and special functions, among which stand out the feature of the

language game, the option to create an artistic image and signal function. The analysis of lexical neoformations of V. Kamensky not only shows the features of idiolect poet, but also deepens the idea of poetic language of the futurists. Words created by the author demonstrate morphological features of the Russian language and reveal certain trends in language development.

Keywords: *poetic language, futurism, individual author's words, occasionalisms, method of word formation, idiolect, features of the author's individual words in the text, the creation of new words*

Исследование индивидуально-авторских слов ведется в разных направлениях: словообразовательном, лексикологическом, лексикографическом, стилистическом, социолингвистическом, когнитивном, психолингвистическом и др. Непрерывное появление новых слов обусловливает постоянный и самый пристальный интерес к новым языковым фактам, требующим разноаспектного исследования, что отражено в работах русских исследователей: Т.И. Вендиной, Г.О. Винокура, В.П. Григорьева, В.П. Изотова, Л.И. Плотниковой, И.С. Улуханова [1-6]. Особая роль при этом отводится поэтическим текстам, в которых каждое созданное автором слово свидетельствует об особом креативном потенциале, об индивидуальном использовании языковых средств, воплощающем самобытность художника слова и особенности его миропонимания.

Многоаспектное исследование индивидуально-авторских слов и словотворчества как основной составляющей черты идиолекта В. Каменского выявляет художественно-эстетическую и функциональную нагрузку авторских новообразований и позволяет оценить их роль в структуре поэтического текста.

В статье используются разнообразные методы и приемы лингвистического исследования, связанные со специфическими особенностями исследуемого языкового материала – поэтического языка и индивидуально-авторских слов. Основным методом в работе является *метод системного научного описания*, предполагающий приемы сбора, анализа и разноаспектной систематизации индивидуально-авторских слов согласно задачам исследования; приемы наблюдения, сопоставления и теоретической интерпретации результатов анализа языкового материала; квантитативный метод, позволяющий выявить определенные тенденции процесса словотворчества В. Каменского. В качестве одного из ведущих выступает *экспериментальный метод*, позволяющий определить особенности создания, функционирования и художественно-эстетического назначения новообразований в конкретных поэтических текстах.

Слово – важнейший элемент художественного текста, поэтому поиск, выбор или создание необходимого слова для реализации мысли автора является весьма важной задачей в процессе поэтического творчества. Поэтический текст является одним из основных источников лингвокреативной деятельности художников слова, так как он ориентирован на создание индивидуально-авторских слов (окказионализмов), наиболее ярко выражающих особенности мировидения автора и его художественно-методологическую установку.

Индивидуально-авторские слова являются результатом творческого процесса, они позволяют достичь наибольшей выразительности, несут значительную идейно-смысловую нагрузку, нередко выполняя функцию ключевых слов художественного текста. В связи с этим изучение авторских слов всегда актуально, так как они говорят о творческой индивидуальности поэта, особенностях его художественного метода. «В полной мере языковая картина мира в авторском преломлении проявляется в авторских новообразованиях» [17]. Каждое из созданных слов можно считать особой формой выражения индивидуального смысла, который является результатом сложного процесса восприятия, анализа и отражения мира автором.

Важным этапом в развитии русской поэзии является начало XX века. Отличительной чертой этого периода считается экспериментаторство в словоупотреблении и словотворчестве, открывающее новые возможности постижения мира, его переустройства через структуру языка, через исследование языковых возможностей и преобразование языковых знаков. Именно в этот период отмечается возросшая активность обращения поэтов к индивидуальному словотворчеству.

Требование обновления поэтического слова стало самым популярным лозунгом указанного периода. Особый вклад в развитие и создание нового поэтического языка внесли футуристы. Слово для футуристов было «не нейтральным строительным материалом, а «музыкальной» единицей живой речи, как бы наэлектризованной стихийной энергией, скрывающей в себе заряд поэтичности. Оно было исходным моментом в развитии стиха или даже целой темой» [18]. Словесные эксперименты футуристов отражают, с одной стороны, активные словообразовательные процессы начала XX века и выявляют возможности русской словообразовательной системы, с другой стороны, позволяют выделить особенности мировосприятия поэтов-футуристов. Наиболее яркими представителями данного направления являются В. Маяковский, В. Хлебников, Д. Бурлюк, В. Каменский. Эти четыре фигуры составляли ядро кубофутуризма, который характеризуется установкой на соединение несоединимых предметов, отдельных частей, ассоциаций и словесных ценностей. Поэт в данном случае превращается в «языкотворца» и как бы заново «крестит» мир, давая имена реалиям жизни.

В связи с этим представляется интересным, необходимым и значимым исследование особенностей идиолекта и словотворчества поэта-футуриста Василия Каменского, художника необычного и самобытного дарования, одного из активных словотворцев начала XX века. Как поэт он стремился выйти за пределы традиционного поэтического словаря, обогатить его новыми выразительными средствами, новыми рифмами, новыми смыслами. Для этого В. Каменский активно использовал эксперимент в области слова, его звукового и графического облика, предоставляя читателю возможность взглянуть на его значение по-новому. Поэтический язык В. Каменского представляет собой любопытную картину борьбы и сочетания живой непосредственности и вычурной искусственности, непринужденной естественности и «головоломного эксперимента», словесной ясности и «зауми».

Отличительной чертой его идиолекта является использование многочисленных индивидуально-авторских слов. Его инновации не выглядят чем-то искусственным, они естественны. Н. Гумилёв так отзывался о творчестве В. Каменского: «все, что он говорит, выходит естественно, даже его бесчисленные неологизмы, подчас очень смелые, читатель понимает без труда и … уносит впечатление новизны, свежей и радостной» [19].

Проанализированный языковой материал (около 1000 индивидуально-авторских слов) позволяет говорить о том, что В. Каменский создает индивидуально-авторские слова, отличающиеся разнообразием структуры и значения, в рамках всех основных знаменательных частей речи. В количественном отношении они распределяются следующим образом: имена существительные 58% от общего числа индивидуально-авторских слов, имена прилагательные 22%, глаголы 13%, наречия 7%. Таким образом, можно утверждать, что самая многообразная и разнообразная область словопроизводства поэта – именная, причем преобладают имена существительные. Данный факт свидетельствует о том, что для поэта был важен предметный, а точнее природный, мир, который в поэтических произведениях Василия Каменского выходит на первый план.

К наиболее активным узуальным способам создания авторских слов в поэтическом языке В. Каменского относятся суффиксация и сложение, данный факт отражает общеязыковую тенденцию, причем наиболее продуктивным способом в создании индивидуально-авторских *существительных* является суффиксация (46% от общего числа индивидуально-авторских существительных), в создании *прилагательных* – сложение (58% от общего числа индивидуально-авторских прилагательных). В то же время префиксация, которая является продуктивным способом образования глаголов и именных слов в общем языке, в идиолекте В. Каменского наименее продуктивна (она составила лишь 7 % от общего числа индивидуально-авторских глаголов). К основным узуальным способам, с помощью которых созданы глагольные новообразования, можно отнести суффиксацию (23%) и суффиксально-постфиксальный способ (16%), что в общем отражает тенденции словообразования русского языка.

Наиболее продуктивными среди наречных новообразований являются суффиксальный способ (56%) и сложение (24%), наименее продуктивным – префиксальный способ (4%).

На фоне узуальных новообразований окказиональные слова не столь многочисленны, однако именно они характеризуют В. Каменского как креативную личность и как поэта с узнаваемой идиостилевой манерой. Основная часть окказионализмов создана способами междусловного наложения и контаминации, также представлены и другие способы: редеривация, креация, добавление морфем, аналогия, тмезис, трансрадиксация и графиксация. Активное использование окказиональных способов позволило поэту создать слова, отличающиеся высокой степенью поэтичности и эмоционально-экспрессивного наполнения. Именно они создают особую, индивидуальную образность, демонстрируют выбор автором из бесконечного множества вариантов и комбинаций деривационных средств именно тот, который в большей степени соответствует его внутренней системе представлений о мире.

Необходимо отметить, что В. Каменский создает не просто отдельные новообразования, а целые словообразовательные гнезда с лексическими доминантами, которые являются вершинами словообразовательных гнезд. Наивысшим потенциалом в поэтических текстах В. Каменского обладает лексическая доминанта *солнце* (36 индивидуально-авторских слов). К ключевым словам относятся также *небо, звезда, крыло, летать, весна* и некоторые другие. Выбирая то или иное ключевое слово в качестве доминанты, В. Каменский тем самым выделяет значимые для собственного поэтического мира элементы внеязыковой действительности.

Проведенное исследование языкового материала позволило также заключить, что индивидуально-авторские новообразования В. Каменского занимают, как правило, сильные позиции в поэтических текстах. Созданные поэтом слова довольно часто встречаются в качестве заголовков стихотворений, отмечены в эпиграфах, занимают позиции в начале и в конце текстов. В 70% случаев индивидуально-авторские слова употреблены в позиции рифмы. Данные положения позволяют сделать вывод о том, что сильная позиция индивидуально-авторских слов не случайна, она свидетельствует об их особой значимости и функциональной нагрузке в поэтическом тексте.

Анализ индивидуально-авторских слов В. Каменского с учетом особенностей контекстов их употребления позволил утверждать, что авторские слова выполняют общие функции, характерные для русского словообразования в целом: номинативную, конструктивную, компрессивную и экспрессивную. В пределах поэтического текста индивидуально-авторские слова могут называть новые реалии, заменять развернутые структуры компактными и семантически емкими единицами. Кроме того, лексические новообразования позволяют автору выражать свое отношение к тому или иному описываемому явлению.

Индивидуально-авторские слова выполняют и целый ряд частных функций. Исследование языкового материала в данном аспекте позволило выделить те функции новообразований, которые характерны для поэтических текстов В. Каменского. Среди них в первую очередь выделяется функция создания художественного образа, предполагающая, что индивидуально-авторские слова являются яркими изобразительно-выразительными средствами. При этом ведущая роль в стихотворениях В. Каменского принадлежит эпитету: это довольно широкий ряд сложных индивидуально-авторских новообразований, способствующих созданию ярких художественных образов. Отдельные из них выступают в роли художественных определений к авторским словам В. Каменского, что способствует созданию довольно сложных и многогранных образов и выявляет на вербальном уровне систему «закадровых» связей поэтического мира автора. Также индивидуально-авторские слова В. Каменского часто выступают в функции метафоры и олицетворения.

Особого внимания заслуживает функция языковой игры на словообразовательном уровне, демонстрирующая особенности экспериментаторства В. Каменского со словообразовательной структурой слова. Отдельные стихотворения автора полностью построены на словообразовательном эксперименте, демонстрирующем деривационные

возможности слов и словообразовательных средств. При этом созданные автором целые словообразовательные гнезда индивидуальных слов обеспечивают предельную целостность структурной и семантической организации поэтического текста. Наиболее ярко установки футуризма проявились у В. Каменского в игре с семантикой звука. На данном явлении построен целый ряд поэтических текстов, в которых сознательное нагнетание определенных звуков способствует созданию необходимого эмоционального настроя и служит объединяющим стержнем всего стихотворения.

Важной необходимо признать и сигнальную функцию новообразований В. Каменского, которая выражается в своеобразном облике слова. При этом проявляется шрифтовая, цветовая, пространственная или пунктуационная актуализация элемента, организующего новое слово.

Отличительной особенностью поэтических текстов В. Каменского является использование индивидуально-авторских слов в версификационной функции. Поэт создает необычные, новые и запоминающиеся рифмы, которых нет ни в одном словаре, что делает его поэзию неповторимой и привлекательной для читателя и слушателя. Эта особенность стихотворений В. Каменского позволила по праву считать его одним из создателей *русского слухового стиха.*

Анализ общих и частных функций авторских слов позволил сделать вывод о том, что индивидуально-авторские слова В. Каменского многофункциональны, они могут выполнять несколько функций одновременно, решая целый комплекс эстетических и художественных задач, организуя поэтический текст и его восприятие читателем.

Индивидуально-авторские слова – одна из наиболее ярких примет идиолекта В. Каменского, которую можно считать ядром индивидуального языка поэта. Они характеризуют умение поэта создавать наиболее яркое и уместное для определенного художественного замысла слово. С их помощью художник слова позволяет читателю увидеть безграничные возможности языка, побуждая его к участию в процессе словотворчества.

Разноаспектный анализ индивидуально-авторских слов В. Каменского, особенности их употребления в тексте позволяют утверждать, что словотворчество – одна из ярких составляющих идиолекта поэта, основа его индивидуального поэтического языка. Словотворчество для автора не самоцель, а попытка создать новые эмоциональные контексты, выразить языковыми средствами образы, в которые В. Каменский вкладывает свои мысли, впечатления и переживания, создавая собственный поэтический мир. Индивидуально-авторские слова предстают как результат творческого процесса, связанного с поиском единственно необходимого слова, которое способствует достижению наибольшей изобразительности в пределах поэтического контекста.

Разнообразие словообразовательных средств и способов деривации свидетельствует об особом творческом потенциале автора, об индивидуальном использовании языковых средств, в которых находят яркое воплощение его индивидуальный опыт, самобытность,

его особое миропонимание. Наиболее активными словообразовательными способами, определяющими его поэтический язык, являются суффиксация и сложение, что характерно для русского словообразования. Выразительными чертами идиолекта В. Каменского можно считать суффиксальные существительные, сложные прилагательные, а также разнословные сложения, отмеченные в составе всех знаменательных частей речи. В целом в словотворчестве В. Каменского преобладают слова, созданные по продуктивным моделям русского словообразования.

Индивидуально-авторские слова В. Каменского многофункциональны, выполняют как общие функции, характерные для русского словообразования в целом (номинативную, экспрессивную, компрессивную, конструктивную), так и частные, среди которых особо выделяются функция языковой игры, функция создания художественного образа и сигнальная функция.

В целом, анализ лексических новообразований В. Каменского не только показывает особенности идиолекта поэта, но и углубляет представление о поэтическом языке футуристов. «Отношение поэтов к творчеству определяется разными факторами: теоретическими установками литературного направления, жанровым каноном, типом языковой личности автора и его представлением о читателе» [10]. Созданные автором слова демонстрируют словообразовательные возможности русского языка и выявляют определенные тенденции языкового развития. Дальнейшее изучение других составляющих идиолекта В. Каменского, а также исследование языковых особенностей произведений ведущих представителей кубофутуризма позволит наиболее полно представить языковую картину мира поэтов одного из важных и значимых направлений русской литературы XX века.

References:

1. Vendina, T.I., 1998. Russkaya yazikovaya kartina mira skvoz’ prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm). M.: Indrik, pp: 240 (In Russian).
2. Vinokur, G.O., 1991. O yazike khudozhestvennoy literaturi. Moskva: Vissh. shk., pp: 448 (In Russian).
3. Grigoriev, V.P., 1986. Slovotvorchestvo i smezhniye problemi yazika poeta. M.: Nauka, pp: 256 (In Russian).
4. Izotov, V.P., 1998. Parametri opisaniya sistemi sposobov russkogo slovoobrazovaniya. Orel: Orlovsky gos. un-t, pp: 149 (In Russian).
5. Plotnikova, L.I., 2003. Slovotvorchestvo kak phenomen yazikovoy lichnosti. Belgorod: Izd-vo BelGU, pp: 332 (In Russian).
6. Uluhanov, I.S., 2001. Slovoobrazovatel’naya semantika v russkom yazike I printsipi eye opisaniya. 2-e izd. M.: Editorial URSS, pp: 256 (In Russian).
7. Becker, Thomas, 1993, Back-formation, cross-formation, and “bracketing paradoxes” in paradigmatic morphology, in Booij and van Marle (eds.), pp: 1-25.
8. Boase-Beier, J., 1987. Poetic Compounds: The Principles of Poetic Language in Modern English Moetry. Tübingen: Niemeyer, pp: 179.

9. Dalton-Puffer, Christiane and Ingo Plag, 2001. Categorywise, some compound-type morphemes seem to be rather suffix-like: on the status of -ful, -type, and –wise in Present Day English, Folia Linguistica XXXIV: 225-244.
10. Hudson, R.A., 1996. Sociolinguistics. Cambridge, pp: 279.
11. Kasack, Wolfgang, 1976. Lexikon der russischen Literatur ab 1917. Kroner; 1. Aufl edition, pp:457.
12. Labov, W., 1994. Principles of Linguistic Change. Vol.1.- Oxford: Blackwell, pp: 353.
13. Reinhart, T., 1976. Understanding Poetic Metaphor, Poetics 5, pp: 383–402.
14. Shen, Yeshayahu, 2007. Foregrounding in poetic discourse: between deviation and cognitive constraints // Language and Literature May 2007 vol. 16 no. 2, pp: 169-181.
15. Shklovsky, V., 1965. Art as Technique', in L. T. Lemon and M. J. Reis (eds) Russian Formalist Criticism, Lincoln, NE: Nebraska University Press, pp: 3–24.
16. Stubbs, M., 2000. Words and Phrases. Corpus Studies of Lexical Semantics. Blackwell Publ, pp: 287.
17. Namitokova, R.Y., 2009. Slova poeta: Opit slovarya avtorskih novoobrazovany Yevgeniya Yevtushenko. Maykop: OOO "Kachestvo", pp: 304 (In Russian).
18. Stepanov, N., 1966. Vasily Kamensky. Stihotvoreniya i poemi. M. – L.: Sovietsky pisatyel, pp: 5-48 (In Russian).
19. Gumilyev, N.S., 1990. Pis'ma o russkoy poezii. M.: Sovremennik, pp: 383 (In Russian).

Information about the authors:

Darya Khalyavina (Korobkova) (Belgorod, Russia) *– PhD of Philology, Senior lecturer, Belgorod State National Research University (Russia, 308015, Belgorod, Pobeda Street, 85; d.khalyavina@mail.ru), The Institute of Cross-cultural Communications and International Relations, Department of the Russian Language, Professional-Oral and Cross-Cultural Communication. Author of 30 scientific works. Research area: individual author's words, the creation of new words, Russian as a foreign language.*

Marina Droga (Belgorod, Russia) *– PhD of Philology, Senior lecturer, Belgorod State National Research University (Russia, 308015, Belgorod, Pobeda Street, 85; droga84@rambler.ru), The Institute of Cross-cultural Communications and International Relations, Department of the Russian Language, Professional-Oral and Cross-Cultural Communication. Author of more than 50 scientific works. Research area: neology, mass media texts, Russian as a foreign language.*

DOI: 10.24411/2470-1262-2018-10021

УДК (UDC) 81-2

Mitsushi Kitajo,
Kyoto Sangyo University,
Kyoto, Japan

For citation: Kitajo M., (2018).
Study aspects of verb and convers in works of 19th Century from the point of view of text linguistics.
Cross-Cultural Studies: Education and Science.
Vol.3, Issue II, pp. 88-97 (in USA)
Manuscript received: 05/10/ 2018
Accepted for publication: 06/13/2018
CC BY 4.0

ИССЛЕДОВАНИЕ ВИДОВ ГЛАГОЛА И ДЕЕПРИЧАСТИЯ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XIX ВЕКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА

STUDY OF ASPECTS OF VERB AND CONVERS IN WORKS OF 19th CENTURY FROM THE POINT OF VIEW OF TEXT LINGUISTICS

Abstract

Previous studies on the verbal aspect have not paid sufficient attention to the functional differences between the Russian perfective - imperfective verbs and converbs. The aim of the present paper is to investigate them in terms of the parameters of "foreground vs. background", which concerns e.g. the position of the direct speech construction (DSC) (foreground). The result of the research on the frequency of use of the two verbs and two converbs is as follows.

1) The perfective verbs (PV) and converbs (PC) often occupy certain places (PV occupy places, separated from DSC, and the PC occupy places, closed to DSC) in the first half of the 19th century. But in the second half of the 19th century PV and PC do not find favorite places concerning DSC. Temporary changes in relations between PV, PC and DSC remain unclear.

2) The imperfective verbs (IV) and converbs (IC) concentrate at specific places (they hold places, separated from DSC) in the first half of the 19th century, while in the second half of the

19th century IV hold places, separated from DSC, but IC hold places, closed to DSC. IC closer refer to DSC with time, but IV are constantly in distant relations.

Our study revealed that perfective aspect (PV, PC) and imperfective aspect (IC) are associated with both grounds (foreground and background) in works of 19th century.

Keywords: *foreground, background, textual function of aspect, the position of verbs, converbs and the direct speech construction*

Введение

Многие лингвисты (Р.О.Якобсон [16], В.В.Виноградов [12], J. Fontaine [4], Ю.С.Маслов [8], Г.А.Золотова [17], А.В.Бондарко [2], В.А.Плунгян [10] и др.) изучают текстовые функции вида и выделяют повествовательную функцию (фигуру) совершенного вида (далее СВ) и описательную функцию (фон) несовершенного вида (далее НСВ). Но прежние исследования не сопоставляют глагол с деепричастием с точки зрения текстовых функций вида. Наша цель состоит в том, чтобы рассмотреть текстовые функции видов глагола и деепричастия с учётом «фигуры-фона» (foreground-background). Мы предлагаем критерием анализа позиционное отношение к конструкции прямой речи (далее КПР).

1. «Фигура» и конструкция прямой речи

Развитие действия, сюжета проявляется в литературном произведении во взаимоотношениях героев, находящихся каждый раз в определённых ситуациях. В литературном произведении используются экспрессивные формы передачи чужой речи (прямая речь, несобственно-прямая речь, косвенная речь и др.). В отличии от других, прямая речь, наиболее близкая к живой речи форма передачи чужого высказывания. Как известно, диалог – наиболее естественная форма языка, он является основным способом передачи речи персонажей. Они вступают в разнообразные отношения друг с другом. В контактах персонажей диалог порождает разновидные речевые акты, в которых отражаются отношения персонажей: требование, побуждение, просьба, вопрос, соглашение и др. По мнению А.Н. Баранова и Г.Е. Крейдлина [1] «инвариантной особенностью всех типов диалогов является динамический характер речевого взаимодействия». Такое речевое взаимодействие часто создаёт сюжетное напряжение.

КПР выступает в изобразительной функции, рисуя облик героя, у которого своя манера речевого поведения, и оживляет литературное повествование. Многие исследователи изучали текстовые функции КПР, определяя её как: «театральность» (A.Wierzbicka [13]), «кульминационный пункт повествования» (N.Waltz [14], P.Witte [15]), «субъективирование повествования» (И.Б.Голуб [5]), «экспансивность» (H.H.Clark, R.J.Gerring [3]). В одной из предыдущих наших работ, посвященных русским деепричастиям (М.Китадзё [7]), было отмечено, что, по теории P.J.Hopper, S.A.Thompson [6], употребление КПР соответствует фигуре. Эту нащу идею мы продолжаем развивать в данной работе.

2. Расположение глагола, деепричастия и конструкций прямой речи

В литературном произведении КПР состоит из речи действующего лица и слов автора. Слова автора комментируют речь действующего лица, устанавливают связь между репликами диалога. По структуре КПР может быть простым предложением с однородными сказуемыми, выраженными глаголами речи; или же один из глаголов речи имеет в ней форму деепричастия.

Наше исследование выявило пять возможных позиций глагола (далее Г) и деепричаситя (далее Д) по отношению к КПР. Ниже по каждой позиции мы приводим примеры: глагол совершенного вида (далее ГСВ), глагол несовершенного вида (далее ГНСВ), деепричастие совершенного вида (далее ДСВ) и деепричасите несовершенного вида (далее ДНСВ):

I. Г, Д сливаются с КПР

ГКПР

(1) Что ты сделал, Сурин? – **спросил** (ГСВ) хозяин. (Пушкин)

(2) – Да вот она– **отвечал** (ГНСВ) ямщик. (Пушкин)

ДКПР

(3) – Дмитрием, – отвечал учитель, **покраснев** (ДСВ). (Герцен)

(4) – Мне очень приятно, – сказала Глафира Львовна, **прищуривая** (ДНСВ) немного глаза и с некоторой ужимкой. (Герцен)

II. Г, Д находятся в интерпозиции

КПР + Г + КПР

(5) – Не можете ли вы одолжить мне карандашика? – обратился Пигасов к Басистову.

Басистов не тотчас **понял** (ГСВ), что́ у него спрашивал Пигасов.

– Зачем вам карандаш? – проговорил он наконец. (Тургенев)

(6) – Я люблю вас, – повторил он, – и как я мог так долго обманываться, как я давно не догадался, что люблю вас!.. А вы?.. Наталья Алексеевна, скажите, вы?..

Наталья едва **переводила** (ГНСВ) дух.

– Вы видите, я пришла сюда, – проговорила она наконец. (Тургенев)

КПР + Д + КПР

(7) – Княгиня Варвара Ильинишна, – доложил один из двух огромных лакеев, ездивших за каретой бабушки.

Бабушка, **задумавшись** (ДСВ), смотрела на портрет, вделанный в черепаховую табакерку, и ничего не отвечала.

– Прикажете просить, ваше сиятельство? – повторил лакей. (Толстой)

(8) – Сколько ни делай добра людям, как ни будь привязан, видно, благодарности нельзя ожидать, Николай? – говорил Карл Иваныч с чувством.

Николай, **сидя** (ДНСВ) у окна за сапожной работой, утвердительно кивнул головой.

– Я двенадцать лет живу в этом доме и могу сказать перед Богом, Николай, – продолжал Карл Иваныч. (Толстой)

III. Г, Д находятся непосредственно перед КПР

Г + КПР

(9) Наконец он **кашлянул** (ГСВ).

– Что ты? – спросил Илья Ильич. (Гончаров)

(10) Но вот опять **звонят** (ГНСВ).

– Что это сегодня за раут у меня? – сказал Обломов. (Гончаров)

Д + КПР

(11) Она пошла к сенным дверям, чтобы притворить их, и вдруг вскрикнула, **увидев** (ДСВ) на самом пороге стоящего на коленках мужа.

– А! – закричала она в исступлении, – воротился! Колодник! Изверг!.. А где деньги? (Достоевский)

(12) Раскольников быстро привстал на диване и смотрел на него, как будто **силясь** (ДНСВ) что-то припомнить.

– А, не спишь, ну вот и я! Настасья, тащи сюда узел! – крикнул Разумихин вниз. (Достоевский)

IV. Г, Д находятся непосредственно после КПР

КПР + Г

(13) — Оставьте меня, — сказала она едва внятно.

Я **пожал** (ГСВ) плечами, повернулся и ушёл. (Лермонтов)

(14) — Послушай! — сказал твердым голосом Азамат, — видишь, я на все решаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Как она пляшет! как поет! а вышивает золотом — чудо! Не бывало такой жены и у турецкого падишаха... Хочешь, дождись меня завтра ночью там в ущелье, где бежит поток: я пойду с нею мимо в соседний аул, — и она твоя. Неужели не стоит Бэла твоего скакуна?

Долго, долго **молчал** (ГНСВ) Казбич. (Лермонтов)

КПР + Д

(15) – Настоящий мордаш, – продолжал Ноздрев, – я, признаюсь, давно острил зубы на мордаша. На, Порфирий, отнеси его!

Порфирий, **взявши** (ДСВ) щенка под брюхо, унёс его в бричку. (Гоголь)

(16) – Помилуйте, не только одеваться, но можете совершать при мне все, что угодно вашему превосходительству, – сказал Чичиков.

Генерал стал умываться, **брызгаясь** (ДНСВ) и **фыркая** (ДНСВ), как утка. (Гоголь)

V. Г, Д находятся на расстоянии более чем одного предложения от КПР

Г + более 1 пр. + КПР, КПР + более 1 пр. + Г

(17) Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Река еще не замерзала, и ее свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними простирались киргизские степи. Я **погрузился** (ГСВ) в размышления, большею частью печальные. Гарнизонная жизнь мало имела для меня привлекательности. Я старался вообразить себе капитана Миронова, моего будущего начальника, и представлял его строгим, сердитым стариком, не знающим ничего,

кроме своей службы, и готовым за всякую безделицу сажать меня под арест на хлеб и на воду. (Пушкин)

(18) В ту же ночь приехал я в Симбирск, где должен был пробыть сутки для закупки нужных вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился в трактире. Савельич с утра отправился по лавкам. Соскучав глядеть из окна на грязный переулок, я пошел бродить по всем комнатам. Вошел в биллиардную, увидел я высокого барина, лет тридцати пяти, с длинными черными усами, в халате, с кием в руке и с трубкой в зубах. Он играл с маркером, который при выигрыше **выпивал** (ГНСВ) рюмку водки, а при проигрыше должен был лезть под биллиард на четверинках. Я стал смотреть на их игру. Чем долее она продолжалась, тем прогулки на четверинках становились чаще, пока наконец маркер остался под биллиардом. Барин произнес над ним несколько сильных выражений в виде надгробного слова, и предложил мне сыграть партию. Я отказался по неумению. Это показалось ему, невидимому, странным. (Пушкин)

Д + более 1 пр. + КПР, КПР + более 1 пр. + Д

(19) Обломов не знал, с какими глазами покажется он Ольге, что будет говорить она, что будет говорить он,… Сказать ей о глупых толках людей он не хотел, чтоб не тревожить её злом неисправимым, а не говорить тоже было мудрено; притвориться с ней он не сумеет: она непременно добудет из него всё, что бы он ни затаил в самых глубоких пропастях души. **Остановившись** (ДСВ) на этом решении, он уже немного успокоился и написал в деревню к соседу, своему поверенному, другое письмо, убедительно прося его поспешить ответом, по возможности удовлетворительным. (Гончаров)

(20) Она только затруднилась тем, что много понадобилось написать, и попросила братца заставить лучше Ванюшу, что «он-де бойко стал писать», а она, пожалуй, что-нибудь напутает. Но братец настоятельно потребовали, и она подписала криво, косо и крупно. Больше об этом уж никогда и речи не было. Обломов, **подписывая** (ДНСВ), утешался отчасти тем, что деньги эти пойдут на сирот, а потом, на другой день, когда голова у него была свежа, он со стыдом вспомнил об этом деле и старался забыть, избегал встречи с братцем, и если Тарантьев заговаривал о том, он грозил немедленно съехать с квартиры и уехать в деревню. Потом, когда он получил деньги из деревни, братец пришли к нему и объявили, что ему, Илье Ильичу, легче будет начать уплату немедленно из дохода; что года в три претензия будет покрыта, между тем как с наступлением срока, когда документ будет подан ко взысканию, деревня должна будет поступить в публичную продажу, так как суммы в наличности у Обломова не имеется и не предвидится. (Гончаров)

Пять типов расположения Г, Д и КПР разделяются на три группы: во-первых, ГКПР и ДКПР означает позиция в конструкции прямой речи, во-вторых, КПР + Г, Д + КПР, Г, Д + КПР, КПР + Г, Д – очень близкое расположение глагола и деепричастия к конструкции прямой речи, в-третьих, Г, Д + более 1 пр. + КПР, КПР + более 1 пр. + Г, Д – сравнительно отделённое расположение глагола и деепричастия от конструкции прямой речи.

Первая и вторая группы входят в близкую к КПР группу, а третья – в отделённую от КПР группу. Учтя данные группы, мы рассмотрим частотность расположения ГСВ, ГНСВ, ДСВ, ДНСВ и КПР в произведениях XIX века, разделяя их на два периода (первую и вторую половины).

Нами взяты 10231 ГСВ, 9066 ГНСВ, 1447 ДСВ и 1834 ДНСВ из 8 литературных произведений: 1) произведения первой половины XIX в.: «Капитанская дочка (А.С.Пушкин)», «Герой нашего времени (М.Ю.Лермонтов)», «Мёртвые души (т.1) (Н.В.Гоголь)», «Кто виноват? (А.И.Герцен)», 2) произведения второй половины XIX в.: «Обломов (ч.1) (И.А.Гончаров)», «Рудин (И.С.Тургенев)», «Преступление и наказание (ч.1-2) (Ф. М. Достоевский)», «Воскресение (ч.1) (Л.Н.Толстой)».

3. Расположение глагола и конструкций прямой речи

Все расположения глагола и конструкции прямой речи в произведениях XIX века сведены в таблицу 1 и в таблицу 2. («а» означает «ГКПР», «б» – «КПР + Г + КПР / Г + КПР / КПР + Г» и «в» – «Г + более одного предложения+ КПР / КПР + более одного предложения+ Г». Высокая частота показана жирным.)

Таблица 1.

Частотность употребления ГСВ, ГНСВ и КПР в произведениях первой половины XIX в.

	ГСВ			ГНСВ		
	(а)	(б)	(в)	(а)	(б)	(в)
Капитанская дочка	300	353	**812**	163	132	**925**
Герой нашего времени	253	186	**790**	140	113	**843**
Мёртвые души (т.1)	438	113	**830**	220	60	**1295**
Кто виноват?	96	86	**576**	71	85	**903**
Итого	1087	738	3008	594	390	3966

χ^2=440.5870. ν=15. p<0.005

Таблица 2.

Частотность употребления ГСВ, ГНСВ и КПР в произведениях второй половины XIX в.

	ГСВ			ГНСВ		
	(а)	(б)	(в)	(а)	(б)	(в)
Обломов (ч.1)	**491**	**153**	199	174	60	**493**
Рудин	**396**	**256**	306	48	70	**374**
Преступление и наказание (ч.1-2)	242	308	**1032**	128	174	**1612**
Воскресение (ч.1)	294	163	**1558**	45	62	**921**
Итого	1423	880	3095	350	366	3400

χ^2=1846.8821. ν=15. p<0.005

По группировке расположения Г и КПР все частотности расположения ГСВ, ГНСВ и КПР резюмированы в таблице 3. («ОК» означает высокую частоту.)

Таблица 3.

Расположение, которое показывает высокую частотность употребления ГСВ, ГНСВ и КПР в произведениях XIX в.

		п.п.19 в.	в.п.19 в.
ГСВ	близкое к КПР (а, б)		ОК
	отделённое от КПР (в)	ОК	ОК
ГНСВ	близкое к КПР (а, б)		
	отделённое от КПР (в)	ОК	ОК

Как видно из таблицы, в первой половине XIX века ГСВ часто занимает место, отделённое от КПР, а во второй половине XIX века – часто используется в близости от КПР и далеко от КПР. В отлитие от ГСВ, ГНСВ в первой половине и во второй половине XIX века постоянно имеет заметную ориентированность на место, отделённое от КПР.

4. Расположение деепричастия и конструкций прямой речи

Все расположения деепричастия и конструкции прямой речи в произведениях XIX века сведены в таблицу 4 и в таблицу 5. («а» означает «ГКПР», «б» – «КПР + Д + КПР / Д + КПР / КПР + Д» и «в» – «Д + более одного предложения + КПР / КПР + более одного предложения + Д». Высокая частота показана жирным.)

Таблица 4.

Частотность употребления ДСВ, ДНСВ и КПР в произведениях первой половины XIX в.

	ДСВ			ДНСВ		
	(а)	(б)	(в)	(а)	(б)	(в)
Капитанская дочка	**58**	**23**	62	79	17	**130**
Герой нашего времени	**63**	**22**	48	35	14	**94**
Мёртвые души (т.1)	**136**	**48**	136	89	13	**114**
Кто виноват?	42	20	**73**	47	16	**107**
Итого	299	113	319	250	60	445

χ^2=65.2222. ν=15. p<0.005

Таблица 5.

Частотность употребления ДСВ, ДНСВ и КПР в произведениях второй половины XIX в.

	ДСВ			ДНСВ		
	(а)	(б)	(в)	(а)	(б)	(в)
Обломов (ч.1)	**75**	**5**	11	**162**	**25**	56
Рудин	**48**	**5**	33	**48**	**7**	49
Преступление и наказание (ч.1-2)	46	10	**106**	**110**	**34**	**142**
Воскресение (ч.1)	78	43	**259**	24	37	**385**
Итого	247	63	406	344	103	632

χ^2=499.0336. ν=15. p<0.005

По группировке расположения Д и КПР все частотности расположения ДСВ, ДНСВ и КПР резюмированы в таблице 6. («ОК» означает высокую частоту. / «?» – возможность высокой частоты.)

Таблица 6.
Расположение, которое показывает высокую частотность употребления ДСВ, ДНСВ и КПР в произведениях XIX в.

		п.п. 19 в.	в.п.19 в.
ДСВ	близкое к КПР (а, б)	ОК	ОК
	отделённое от КПР (в)	?	ОК
ДНСВ	близкое к КПР (а, б)		ОК
	отделённое от КПР (в)	ОК	?

Благодаря этой таблице мы можем наблюдать следующее:

В первой половине XIX века ДСВ часто занимает близкое к КПР место, но частотность употребления колеблется, а во второй половине XIX века – часто используется в близости от КПР и далеко от КПР. Тогда как ДНСВ часто занимает отделённое от КПР место в первой половине XIX века, а во второй половине XIX века – часто используется в близости от КПР, но частотность употребления колеблется.

Заключение

XIX век – один из наиболее блестящих периодов в истории русской литературы. В это время были созданы величайшие творения русской классической литературы. «Многие русские писатели XIX века не только сыграли важную роль в становлении, развитии и утверждении литературного языка, но и непосредственно выступали с лингвистическими концепциями и языковыми программами» [9, с 3]. Отношения между Г, Д и КПР входят в динамические процессы, происходящие в русских литературных произведениях XIX века.

На основе данных из русских литературных произведений XIX века нами рассмотрено употребление ГСВ, ГНСВ, ДСВ, ДНСВ и КПР с точки зрения текстовых функций видов, анализируя позиционное отношение к КПР (соответствующей фигуре). Сделаны следующие выводы.

По поводу СВ: В первой половине XIX века Г и Д часто занимают постоянные места (Г – отделённое от КПР место, а Д – близкое к КПР место), тогда как во второй половине XIX века Г и Д не находят себе места по отношению к КПР. Временное изменения отношений между ГСВ, ДСВ и КПР остаётся неясным.

По поводу НСВ: В первой половине и во второй половине XIX века Г и Д имеют заметную ориентированность на место: Г и Д – отделённое от КПР место в первой половине, между тем как во второй половине XIX века Г – отделённое от КПР место, а Д – близкое к КПР место. ДНСВ в течением времени ближе относится к КПР, а ГНСВ постоянно находится в далёких отношениях.

В художественном тексте фигурированные ситуации в сумме составляют своего рода семантико-прагматический скелет текста, который автор текста хочет выделить на общем фоне повествования. Ю.С.Маслов [8], А.В. Бондарко [2] и другие отмечают, что СВ относится к фигурированным ситуациям, а НСВ – к фону в повествовании. В результате же нашего исследования удалось выяснить, что СВ (ГСВ и ДСВ), НСВ (ДНСВ) принимают участие в фигуре и в фоне.

References:

1. Baranov A.N., Klejdlin G.E. (1992) Struktura dialogicheskogo teksta: leksicheskie pokazateli minimal'nykh dialogov [Structure of the dialogical text: lexical parameters of the minimal dialogues] Voprosy jazykoznanija 3, 84-93
2. Bondarko A.V. (1998) Problemy invariantnosti / variantnosti i markirovannosti / nemarkirovannosti v sfere aspektologii [Problems of invariant nature / variation and markedness / unmarkedness within a range of aspectology] V kn.: Tipologija vida: problemy, poiski, reshenija. Moskva. 64-80.
3. Clark, H.H., Gerring, R.J. (1990) Quotations as demonstrations. Language 66-4, 764-805.
4. *Fontaine J.* Grammaire du texte et aspect du verbe en russe contemporain. Paris. 1983.
5. Golub I.B. (1989) Grammaticheskaja stilistika sovremennogo russkogo jazyka [Grammatical stylistics of modern Russian language] Moskva.
6. Hopper P. J., Thompson S. A. (1980) Transitivity in grammar and discourse. Language 5-6. 251-299.
7. Kitajo M. (2014) Vidovye sinonimichnye formy russkikh deeprichactij i prichastij v khudozhestvennom tekste [Certain aspectually synonymous forms of Russian converbs and participles in literary texts] V kn.: Tipologija vida / aspekta: problemy, poiski, reshenija. Simferopol'. 30-48.
8. Maslov Ju. S. (1984) Ocherki po aspektologii [Studies in aspectology] Leningrad.
9. Nikolina N.A. (2014) Risskie pisateli XVIII – XIX vekov o jazyke. Khrestomatija [Russian writers of the 18th and 19th centuries about the language. Reader]. Tom 1. Moskva.
10. Plungjan V.A. (2000) Obshaja morfologija [General morphology]. Moskva.
11. Rasudova O.P. (1982) Upotreblenie vidov glagola v sovremennom russkom jazykom [The use of verbal aspects in modern Russian language] Moskva.
12. Vinigradov V.V. (1980) Stil' "Pikovoj damy" [The style "Queen of Spades"] // Izobrannye Trudy. O jazyke khudozhestvennoj prozy. Moskva.
13. Wierzbicka, A. (1974) The semantics of direct and indirect discourse. Papers in linguistics 7, 3-4, 267-307.
14. Waltz, N. (1976) Discourse functions of Guanano sentence and paragraph. Discourse grammar 1, 21-145.
15. Witte, P. (1976) Function of the Andoke copulative in discourse and sentence structure. Discourse grammar 1, 253-288.
16. Jakobson R.O. (1972) Shiftery, glagol'nye kategorii i russkij glagol [Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb] // Printsipy tipologicheskogo analiza jazykov razlichnogo stroja. Moskva.

17. Zootova G.A. (1995) Glagol'nyj vid s tochki zrenija teksta [The verbal aspect from the point of view of text] // Semantika I struktura slavjanskogo vida. I. Kraków.

Information about author:

Kitajo Mitsushi (Kyoto, Japan) *– Ph.D. The owner of the Medal of Pushkin (Russian Federation National Award), Professor, Head of the department of European languages, Faculty of foreign studies, Kyoto Sangyo University,*
e-mail: kitajo@cc.kyoto-su.ac.jp

DOI: 10.24411/2470-1262-2018-10022

УДК (UDK) 811.19

Gurgen Khachaturyan,
Vanadzor State University after H. Toumanyan,
RA NAS Institute of Language after H. Acharyan,
Vanadzor, Armenia.
Silva Muradyan,
Vanadzor State University after H. Toumanyan,
Vanadzor, Armenia.

For citation: Khachaturyan G., Muradyan S., (2018).
The valency of Transitive verbs according to object- adjunction in modern Armenia.
Cross-Cultural Studies: Education and Science.
Vol.3, Issue I, pp. 98-106 (in USA)
Manuscript received: 04/26/ 2018
Accepted for publication: 13/06/2018
CC BY 4.0

ВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ С ДОПОЛНЕНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

THE VALENCY OF TRANSITIVE VERBS ACCORDING TO OBJECT-ADJUNCTION IN MODERN ARMENIAN

Abstract

The article is devoted to the main characteristics of verb valency in terms of object – adjunction. Connection with objects is one of the main characteristic features of valency. The paper analyses the verb-dependent complements (only objects) in clauses or sentences. It focuses on verb valency both in syntactic and semantic categories of principal and subordinate members. Three types of transitive verbs (monovalent, divalent, trivalent verbs) have been investigated in the research according to the number of objects that a verb can govern. The paper emphasizes the awareness of possible types of verb complementation which is significant and useful in the studies of languages since it enables a learner to produce well-articulated speech with grammatical clauses fully conveying the intended meaning.

Valency is typical for all major parts of speech (verb, noun, adjective, postposition). However, it is the verb that shows the most diverse and interesting valency patterns. In this article, we will deal exclusively with verbal valency of Armenian transitive verbs.

Keywords: *semantic and syntactic valency, government, transitive verbs, principal and subordinate members, subject-adjunction, monovalent, divalent and trivalent verbs*

Introduction

The theory of valency has held a special place in linguistics since the middle of the 20th century. Significant contributions have been made in the theoretical and practical examination of the valency in American, Russian, European, and Armenian linguistics, numerous works dedicated to the development of theoretical and practical issues of the valency features of different parts of speech have been published.

The linguistic meaning of valency derives from the definition of valency in chemistry. The scientific metaphor is due to Lucien Tesnière, who developed verb valency in his grammatical theory of dependency. The notion of valency first appeared in Tesnière's posthumously published book *Éléments de syntaxe structural* (Elements of Structural Syntax). According to Tesnière, valency is the number of actants of a verbal valency carrier. According to the number of units connected with the verb, he differentiates avalent, monovalent, divalent, trivalent verbs [10, p. 250].

During the course of linguistic history, the observations about the valency have mostly been based on Tesnière's analysis. Research studies show that further development of valency theory has been carried out by different linguists from different perspectives.

Theory

S. Katsnelson was the first linguist that describes the concept of valency as a capability of general connections of words in Russian linguistics. Emphasizing the role of the verb, he notes that preposition may also be valency carrier [9].

Valency theory, as outlined by Tesniere, was primarily a syntactic theory. The representative of the Moscow School of Semantics Yu. Apresyan also highlights the semantic aspect of valency. He states that semantic and syntactic actants of the verb are in mutual correspondence [7, p. 15].

In *Dependency Grammar and Valency Theory* devoted to the image of the dependency grammar and valency theory, presenting the syntactic theory of Lucien Tesnière, the authors (Vilmos Agel, Klaus Fischer) note: ″Valency theory is based on the very simple idea or observation that words pre-determine their synactic and semantic environment″ [15, p. 236].

A group of linguists (T. Herbst, K. Götz-Votteler, G. Rickheit, L. Sichelschmidt, J. Fillmore) describe and examine the valency in the relationship of semantics and syntax in the volume of studies and monographs - *Valency: Theoretical, Descriptive and Cognitive Issues* [14, p. 27, 37, 129, 145, 166].

Moreover, A. Jensen presents the differences between the semantic and syntactic valency by an example of the avalent verb *rain*. In the clause ***It is raining*** the subject ***it*** is an empty place

holder which, by the syntactic rules of English, has to occupy the subject position. ***It*** is a formal subject and does not carry a semantic role [13].

Ed. Atayan was the first Armenian linguist that referred to the idea of valency. Following Tesnière, he describes the valency as a connecting capacity not only typical for verbs but also other parts of speech – nouns, adjectives, adverbs [8, p. 220].

The issues of modern Armenian valency are comparatively broadly examined by G. Jahukyan. According to the number of units connected with the verb, valency can act as subject-adjunction, predicate-adjunction, object-adjunction, adverbial-adjunction [4, 466].

Armenian linguists H. Harutyunyan, S. Gyulbudaghyan, M. Asatryan, R. Ishkhanyan have implemented their own grammatical studies of the mentioned phenomenon, following on Jahukyan's definition of valency. H. Harutyunyan and S. Gyulbudaghyan also mention that nouns, adjectives, adverbs, and prepositions can also have the grammatical category of valency [3, p. 21, 2, p. 23]. H. Harutyunyan examines government and valency together, suggesting that the classification of verbs in terms of valency is in essence the study of verbs in terms of government [3, p. 50].

All the valency studies mentioned refer to the examination of contemporary languages. G. Khachatryan has examined the expression of valency in the context of the Old Armenian (Grabar), presenting the valency of analytical verbs [5]. G. Khachatryan was the first linguist to add vocative-adjunction to the valency cases listed above [5, p. 26]. One of the characteristic features of valency is the ability to connect with the vocative, which is typical only to the verb. The connection between the predicate and the vocative is realized by the personal forms of the verbs possessing unlimited categories of person through their number concord. The connection with the vocative directly depends on the lexico-semantic category of the vocative, which usually indicates the person [6].

The delimitation between obligatory and optional complements is considered to be the most fundamental issue to the development of valency theory. In *Dependency Grammar and Valency Theory* Agel and Fischer note several solutions, attempted in reflecting the nature of the complement/adjunct difference, on various basis, such as: a morphosyntactic (complements are formally determined by the verbs; Eisenberg 2006), distributional (complements are specific to subclasses of verbs; Engel 1988), and semantic basis (verb and complements constitute a minimal proposition; Fischer 1999). However, they think that none proved wholly satisfactory the construal of complement/adjunct transition [15, p. 239].

Among the criteria in the distinction between complements and adjuncts T. Herbst suggested that adjuncts can be deleted without making the sentence ungrammatical. Furthermore, adjuncts tend to be less fixed than complements with respect to the position in which they occur in the sentence: *At intervals* St. Anthony lighthouse flashed… *At intervals* St Anthony lighthouse flashed *to his left. To his left* St Anthony lighthouse flashed… [12, p. 3-4].

G. Khachatryan links the existence of each valency unit, combined with the verb, with semantic and/or grammatical peculiarities of the verb [5, p. 278]. It is important to consider the priority of those verbal complements that are derived from strong and obligatory government.

In this paper, we deal with changes in the structure of valency for transitive verbs in terms of object-adjunction valency in Modern Eastern Armenian.

Results

In linguistics, valency refers to the complements controlled by a principal member. It is related, though not identical, to verb transitivity, which counts only object complements of the verbal predicate. Verb valency, on the other hand, covers all arguments, including the subject, vocative, object, predicative and adverbial. Verb valency can be defined as the general and specific linking ability of the verb, through which it can get into dependency relations, often mutual, with other linguistic elements – subject, vocative, predicative, object, adverbial. The concept of verb valency corresponds to the characteristics and behavior of verbs in syntactic and semantic structures.

The valency of a lexical item is its inherent capacity to govern a specific number and type of complements. Transitive verbs can be divided into the following classes based on their object-adjunction valency, i.e. how many arguments or ″valents″ they can take: monovalent, divalent, trivalent. The verb dictates the number of required arguments.

All transitive verbs are at least monovalent due to verbal grammatical category of voice, that is to say, they necessarily demand a direct object. The direct object is one of the main syntactic functions of transitive verbs in active clauses. The main monovalent verbs are: *սիրել* sirel ″love″, *հավանել* havanel ″to like″, *ատել* atel ″to hate″, *համբուրել* hamburel ″to kiss″, *տեսնել* tesnel ″to see″, *հանդիպել* handipel ″to meet″, *գովել* govel ″to praise″, *ուտել* utel ″to eat″, *խմել* xmel ″to drink″, *կատարել* katarel ″to fulfil″, *կարդալ* kardal ″to read″, etc.

Active clauses with monovalent verbs are characterized as a valency pattern where transitive verb requires an obligatory direct object, expressed with accusative case, as in:

1) *Արամը համբուրեց իր որդուն: Aram* ***kissed*** *his* ***son.***
2) *Անին* ***սիրում է խնձոր****: Ani* ***likes [the/an] apple****.*

In the sentences above, the verbs *kiss* and *like* are followed by a direct object (son, apple). In these sentences, the compliment is realized with the grammatical function of direct object.

There are verbs that govern two direct objects; they are called double-direct object, such as *անվանել* anvanel*, կոչել* koč‘el ″to name″, *հռչակել* hrč‘akel ″to declare″, *համարել* hamarel ″to consider″, *պատրաստել* patrastel ″to make″, etc. ***Մայրաքաղաքն*** *անվանեցին* ***Երևան****: They called the* ***capital Yerevan****.*

The valency of lexical items in different languages may or may not coincide. Languages, however, vary as to the way in which verbs are connected to their complements. In traditional

Armenian grammars, verbs require that their complement(s) be used in a certain case, taking a particular form, with or without a preposition/postposition.

A number of transitive verbs require one or two indirect objects besides the direct object, due to their lexicogrammatical properties. Grammatical behavior of obligatory indirect objects is determined to a great extent by the lexicogrammatical properties of the verb that govern them. A single valency structure corresponds to a single meaning of verb.

The classification of indirect objects is characterized by semantic qualities of the verb. Consequently, though divalent transitive verbs are the same in demanding one indirect object, they differ, however, in that indirect objects are variable, expressed with appropriate morphological cases. Compare the government of the verbs *տալ* "to give" and *վերցնել* "to take" in the following sentences. Both verbs in the respective examples require an obligatory indirect object, but in different cases (dative and ablative).

1) *Արամը տվեց* ***գրիչը Արմենին****: Aram gave the* ***pen to Armen****.*
2) *Արմենը վերցրեց* ***գրիչը Արամից****: Armen took the* ***pen from Aram****.*

In the sentence 1 in order for the giving-event to be possible, two complements have to be involved, something given (direct object) and someone or something receiving what is given (dative indirect object). Similarly, in the sentence 2 in order for the taking-event to be complete, two complements have to be involved, something taken (direct object) and someone or something from whom/which taking the object (ablative indirect object).

The Armenian dative, ablative, and instrumental cases have no equivalents in English. While English expresses these meanings by prepositions, Armenian achieves the same effect by adding the respective marker to nouns and pronouns.Thus, apart from direct object, divalent verbs require in addition an indirect object. Here we have the following pattern: *transitive verb - direct object - indirect object,* where the direct object is stable, and the indirect object is variable both in content and expression plan, respectively:

1. transitive verb - direct object – dative object, where the latter is expressed with dative case or postpositional phrases with the postpositions *հետ* het "with", *դեմ* dem "against", *համար* hamar "for". The primary function of the dative object is to indicate the recipient of an action. The main verbs are: *տալ* tal "give", *նվիրել* nvirel "to present, to donate", *մատնել* matnel "to betray", *վճարել* včarel "to pay", *կտակել* ktakel "to will", *վաճառել* vačaṙel "to sell", *վարձատրել* varjatrel "to pay", կիսել *kisel* "to share", etc. The verbs of utterance and communication are especially active in this pattern, such as *ասել* asel "to say", *հաղորդել* hałordel "to report", *թելադրել* tʻeladrel "to dictate", *պատասխանել* patasxanel "to answer", *խոստովանել* xostovanel "to confess", *պատմել* patmel "to tell", *բացատրել* bacʻatrel "to explain", *հարցնել* harcʻnel "to ask", etc.

a)*Արամը փողը վճարեց* ***խանութպանին****:*
Aram paid the money ***to the shopkeeper.***
b) *Մայրը հեքիաթ է պատմում* ***երեխաներին համար****:*
The mother tells a fairytale ***for/to the children****.*

2. Transitive verb - direct object - object of separation/origin, where the latter is expressed with ablative case. The complement of separation essentially indicates the division of a person/object or indicates a person/object from whom/which an action originates. The main verbs are: *անջատել* anǰatel "disconnect", *բաժանել* bažanel "to divide", *ստանալ* stanal "to get", *ջնջել* ǰnǰel, "to delete", *զատել* zatel "to separate", *տարբերել* tarberel "to distinguish", etc.

*a) Մայրը նվեր ստացավ **որդուց**:*
*The mother received a gift **from** her **son**.*

3. Transitive verb - direct object - object of instrument/means, where the latter is expressed with the instrumental case or postpositional phrases with the postposition *միջոցով* miǰocʻov "by means of". This object essentially indicates the person/object by whom/which the action is carried out. The main verbs are: *կապել* kapel "tie", *շարժել* šaržel "to move", *կտրել* ktrel "to cut", *զբաղել* gravel "to occupy", *լցնել* lcʻnel "to fill", *ուղարկել* ułarkel "to send", etc.

a) *Տղան կապեց ոտքը **վիրակապով**:*
*The boy tied his leg **with a bandage**.*

4. Transitive verb - direct object - object of relation, where the latter is expressed with the ablative case or postpositional phrases with the postpositions մասին *masin* "about", վերաբերյալ *veraberyal* "referring to, regarding", նկատմամբ *nkatmamb* "with respect to", etc. This object denotes the person/object to whom/which the action relates. The object of relation is especially assigned by verbs of utterance and cognition, such as *խոսել* xosel "to speak", *պատմել* patmel "to tell", զրուցել zruc'el "to talk", *բամբասել* bambasel "to gossip", *մտածել* mtacel "to think", *դատել* datel "to judge", etc.

a) *Տատը թոռներին պատմում է դեպքեր իր **կյանքից**:*
*The grandmother tells her grandchildren events **from** her **life**.*
b) *Ուսանողները զրուցում են **քննությունների մասին**:*
*The students talk **about the exams**.*

5. Transitive verb - direct object - object of limitation, where the latter is expressed with the ablative, instrumental, and locative cases or postpositional phrases with the postposition *մեջ* meǰ "in". This object denotes the person/object by whom/which the action of the subject is limited or particularized. The object of limitation can be assigned by these verbs: *գրավել* gravel "attract", *մեղադրել* meładrel "to blame", *հանձնել* hanjnel "to pass", etc.

*a) Ուսանողը քննություն հանձնեց **անգլերենից:***
*The student passed the exam **in English.***
*b) Այդ կինը ինձ գրավեց իր **գեղեցկությամբ**:*
*That woman attracted me **by** her **beauty**.*
*c) Արամին մեղադրեցին **անազնվության մեջ:***
*They blamed Aram **of/for dishonesty .***

A number of transitive verbs require two indirect objects due to their lexicogrammatical properties. They are called tri-valent verbs. Here we have the following pattern: *transitive verb -*

direct object – two indirect objects, where the direct object is stable, indirect objects are variable both in content and expression plan, respectively:

1. *transitive verb - direct object - dative object - object of separation/origin.* The main verbs are: *փոխանցել* p‘oxanc‘el ″to transfer″, *հանձնել* hanjnel ″to hand″, etc.

a) *Նա սանձը* իր աջ ***ձեռքից*** *փոխանցեց* ***ձախին***.

He transferred the brace ***from*** *his right* ***hand to*** *the left* ***one.***

2. *Transitive verb - direct object – dative object - object of instrument/means.* The main verbs are: *մատուցել* matuc‘el ″to serve″, *զարկել* zarkel ″to bump″, etc.

a) Մատուցողը նրանց սուրճ մատուցեց ***սկուտեղով****:*

The waiter served ***them*** *coffee* ***with/on a tray****.*

3. *Transitive verb - direct object – object of separation/origin - object of instrument/means.* The main verbs are: *տարբերել* tarberel ″to distinguish″, *պաշտպանել* paštpanel ″to protect″, etc.

a) Մարսը մյուս ***աստղերից*** *կարելի է տարբերել նրա կարմրավուն* ***գույնով:***

One can distinguish Mars ***from*** *other* ***stars by*** *its reddish* ***colour****.*

Conclusion

Research studies show that a transitive verb may be monovalent, divalent, trivalent due to the number of obligatory objects required by the verb. The direct object is an obligatory compliment for all transitive verbs, and the indirect objects depend on the semantics of the verbs which assign various expressions to its complements. The fact that the grammatical function is the same for all divalent verbs does not entail that the semantic roles that the verbs assign to their respective complements (indirect object) are also the same. The grammatical functions of indirect objects are determined by the nature of the verb. Namely, the quantitative aspect of divalent and trivalent verbs is determined by their qualitative aspect.

While the roots of valency concept lie in Tesnière’s works, further development of the theory of valency has been carried out by different linguists from different perspectives. Some linguists attribute valency to verbs only, whereas others regard valency as the linking ability of any linguistic element; they investigate the valency of other word classes, especially of adjectives, adverbs, and nouns. What is remarkable is that valency can be described in terms of both quantitative and qualitative characteristics at the morphosyntactic and logico-semantic levels.

References:

1. Asatryan M.E. *Modern Armenian, Syntax* Yerevan, 1987:
2. Gyulbudaghyan S.V. *Syntax of Modern Armenian* Yerevan, 1988:
3. Harutyunyan H. A. *Government in Modern Armenian* Yerevan, 1983:
4. Jahukyan G.B. *The Basics of Modern Armenian Theory* Yerevan, 1974:
5. Khachatryan G.K. *The Valency of Analytical Verbs in Grabar* Yerevan, 2000:

6. Khachatryan G.K. *Connection with Vocative as an Expression of Verb Valency in Modern Armenian* Language and linguistics (№ 1) pp. 5-17. ISSN 1829-0183 Yerevan, 2016.
7. Apresjan Ju. D. *Tipy sootvetstvija semanticheskih i sintaksicheskih aktantov*. Problemy tipologii i obschej lingvistiki, Mezhdunarodnaja konferencija, posvjaschennaja 100-letiju so dnja rozhdenija prof. A. A. Holodovicha. (Types of Concordances of Semantic and Syntactic Actants. Problems of Typology and General Linguistics. An International Conference on the Occasion of the Centenary of Prof. A.A. Holodovich). Sankt-Peterburg, 2006. **(Accessed: 05.09.2016) https://iling.spb.ru/typo/materials/SPb2006_Abstracts.pdf**
8. Atajan Je. R. *Predmet i osnovnye ponjatija struktural'nogo sintaksisa.* (The Subject and Major Perspectives of Structural Syntax) Erevan, 1968.
9. Kacnel'son S. D. *K ponjatiju tipov valentnosti* Voprosy jazykoznanija (Toward an Understanding of Types of Valency, Issues of Linguistics) (№ 3) pp. 20-32. ISSN 0373-658X Moskva, 1987. (**Accessed: 12.05.2016)** *http://www.ruslang.ru/doc/voprosy/voprosy1987-3.pdf*
10. Ten'er L. *Osnovy struktural'nogo sintaksisa* (Fundamentals of Strucural Syntax) Moskva, 1959.
11. Fillmore J. *Valency issues in FrameNet, Valency: Theoretical, Descriptive and Cognitive Issues, Trends in Linguistics* Studies and Monographs 187, Berlin·New York, 2007**.**
12. Herbst T. *The valency approach to argument structure constructions, Trends in Linguistics* Studies and Monographs 282, Constructions-Collocations-Patterns, Berlin/Boston, 2014. (**Accessed: 12.05.2016)** *http://www.anglistik.phil.uni-erlangen.de/institut/personen/englinguistics/herbst/pub/Valency_approach-preliminary_version.pdf*
13. Jensen Per A. *Verb Valency, Grammatical functions and Semantic Roles* Grammar in Expert Communication, 2013. (**Accessed:15.09.2017)** *http://openarchive.cbs.dk/bitstream/handle/10398/8673/Per%20Anker%20Jensen_Lecture%20Notes%2001.pdf?sequence=1*
14. *Valency: Theoretical, Descriptive and Cognitive Issues, Trends in Linguistics* Studies and Monographs 187, Berlin New York, 2007. T. Herbst *Valency complements or valency patterns* p. 27. K. Götz-Votteler *Describing semantic valency* p. 37. G. Rickheit and L. Sichelschmidt, *Valency and cognition - a notion in transition,* p. 166. J. Fillmore *Valency issues in FrameNet* pp.129, 145.
15. Vilmos Agel, Klaus Fischer *Dependency Grammar and Valency Theory*. The Oxford Handbook of Linguistic analyses. Oxford, University Press**.** (**Accessed: 09.01.2018)** ***https://www.uni-kassel.de/fb02/fileadmin/datas/fb02/Institut_f%C3%BCr_Germanistik/Bilder/Dependency_Grammar_and_Valency_Theory_2010.pdf***

Information about the authors:

Khachatryan Gurgen (Vanadzor, Armenia) *- Doctor of Philological Sciences, Professor. Rector of Vanadzor State University after H. Toumanyan. Professional Council of RA Ministry of Education and Science NAS Institute of Language after H. Acharyan.*

Muradyan Silva (Vanadzor, Armenia) – *PhD student of the Chair of Armenian Language of Vanadzor State University after H. Toumanyan.*

Contemporary Issues of Linguistics and Translation

DOI: 10.24411/2470-1262-2018-10023

УДК (UDC) 82.091

Kuralay B. Urazayeva,
L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Aigul Yessentemirova,
L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Kazkhstan

For citation: Urazayeva K.B., Yessentemirova A., (2018). Discourse model of literary translation. S.Marshak and E.Bagritskii- translators of R.Brusov' ballad "John Barleycorn". Cross-Cultural Studies: Education and Science. Vol.3, Issue II, pp. 107-115 (in USA)
Manuscript received: 05/03/ 2018
Accepted for publication: 06/13/2018
CC BY 4.0

ДИСКУРСНАЯ МОДЕЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА. С. МАРШАК и Э. БАГРИЦКИЙ – ПЕРЕВОДЧИКИ БАЛЛАДЫ Р. БЕРНСА «ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО»

DISCOURSE MODEL OF LITERARY TRANSLATION. S. MARSHAK AND E. BAGRITSKII – TRANSLATORS OF R. BURNS' BALLAD "JOHN BARLEYCORN"

Abstract

Marshak translations of R. Burns receives the possibility of a new evaluation with growing interest of literature studies towards a discourse approach. The study of literary translation from the point of view of rhetoric as understanding and perception of the literary text as well as its research from the standpoint of rhetorical communication made it possible to develop a model of the rhetorical analysis of translation on the material of the interpretations of R. Burns Ballad "John Barleycorn" by S. Marshak and E. Bagritskii.

The methodology of the conducted research represents the application of the discourse approach to the authenticity of literary translation.

The method of analysis of literary translation in the aspect of three competencies characterizes the rhetorical competence of the author - the translator - the reader and reveals communication effectiveness factors.

The results obtained can be used in translation studies, history and theory of literature, comparativistics, and special courses on the use of modern text analysis techniques.

The directions of future research are related to the creation of the history of the Russian translation of English poetry in the aspect of the forms of the author's consciousness.

Keywords: *literary translation, discourse analysis, ballad, Burns, Marshak, Bagritskii, second reality poetics*

Введение

В современной науке, в связи с интересом к риторическому описанию дискурсивных практик, в отличие от традиционной поэтики, наблюдается распространение неориторического (дискурсного) подхода к вопросам языка и литературы.

Литературоведение в аспекте влияния теории и практики коммуникации проявляет внимание к коммуникативной модели риторики и возможности выработки неориторического (дискурсного) подхода к изучению художественного текста. Современное переводоведение базируется на представлении о художественном переводе как части литературного процесса и получает возможность нового исследования факторов аутентичного перевода и выработки дискурсной модели художественного перевода.

Актуальность такого подхода заключается в решении задачи, не становившейся до настоящего времени предметом исследования, а именно: изучении художественного перевода с точки зрения риторики – как понимания и восприятия художественного текста, исследования художественного перевода с позиций риторической коммуникации в цепи «автор – переводчик – читатель».

Теория

История русских переводов поэзии Роберта Бернса восходит к первой половине XIX в. К переводам шотландского поэта обратились не только признанные и известные русские писатели – В. А. Жуковский, И. И. Козлов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.А. Полевой, но и второстепенные литераторы – П.А. Драгоманов, М.А. Демидов. Первым русским переводам Р. Бернса посвящена работа Д.Н. Жаткина «У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса» [1, с. 104-118]. Исследователь отмечает, что в течение первой половины XIX в. произведения Бернса на русском языке имели как правило характер прозаических подстрочников, переложений, отличавшихся «нарочитой русификацией», тяготели к вольным романтическим трактовкам. Ученый называет первый русский перевод Бернса, опубликованный на страницах сентименталистского журнала «Иппокрена, или Утехи любословия» (1800 г.). Это было прозаическое переложение неизвестного переводчика «Обращение к тени Томсона» («Address to the Shade of Thomson»). Жаткин, ссылаясь на работу Ю.Д. Левина, посвященную влиянию английской поэзии на русский сентиментализм, усматривает в этом переводе оригинал не Бернса, а «Времен года» У. Томпсона.

Научная история русской рецепции поэзии Роберта Бернса насчитывает в литературоведении несколько стадий. Прежде всего, это советский период литературоведения, представленный именами С.А. Орлова, Е.С. Белашовой, Ю.Д. Левина. Бытует мнение, что изучение русских переводов шотландского поэта, как и сами переводы советского времени носят печать литературной идеологии. Конец так называемого «маршаковского» этапа русской рецепции Бернса пришелся на 90-е гг., когда ревизии были подвернуты переводы В. Шекспира, выполненные С.Я. Маршаком [2, с. 389-409]. Появление таких переводчиков Р. Бернса, как Е.Д. Фельдман, С. А. Александровский, М.Я. Бородицкая, Е.В. Витковский и обнаружение новых фактов и материалов, обозначивших проблему бернсовского влияния на В. А. Жуковского, автора стихотворения «Исповедь батистового платка» и т.д. привели к появлению новых исследований. Это упоминавшаяся выше работа Д.Н. Жаткина «У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса» [1, с. 104-118].

Анализ аутентичности переводов Р. Бернса предполагает выявление форм подражания шотландского поэта классической балладе. Одним из ученых, рассматривающих эту проблему, является Д.Н. Жаткин. В одной из статей он называет такую отличительную черту шотландской баллады, как «сосредоточенность на каком-то одном событии, как правило, трагическом и кровавом» [1, с. 104-118]. Исследователь охарактеризовал типологию сюжета классической баллады и сюжета баллады Бернса, проявившуюся в аллюзии на причины трагического события, поэтике таинственности.

Увлечение поэта старинным фольклором, в частности, книгой Роберта Фергюссона, писавшего стихи на шотландском диалекте, оказали влияние на стиль Бернса. Собирание старинных песен и баллад, участие в создании многотомного «Музыкального музея», восстановление устных вариантов текстов, не подвергшихся сильным искажениям, сочинение новых слов на старинные мелодии характеризуют роль поэта в возрождении шотландского фольклора. Исследователь установил связь между собирательской деятельностью Бернса и формами переработки им старинных песен, которые заключались в применении им сюжета, мелодии, ритма, размера старинных стихов. Отличие заключалось в социальной остроте поднимаемых вопросов и придании содержанию реальных примет истории.

В настоящей работе предпринят опыт изучения переводов баллады Р. Бернса «Джон Ячменное Зерно» С. Маршаком и Э. Багрицким, с точки зрения дискурсного подхода. Авторами ставится задача установления связи между способами выстраивания Другого и идентичностью в аспекте трех компетенций художественного текста – референтной, креативной, рецептивной. Такой подход делает возможным выявление признаков художественного перевода как эффективной риторической коммуникации и изучение механизма иллокутивного воздействия на адресата перевода.

Данные и методы

Идея бессмертия в балладе Бернса реализуется в мифологической форменной поэтике, когда возраст человека воплощается в метафоре времени года и природные циклы

символизируют бессмертие Джона. Весна как символ зарождения жизни и возрождения героя, осень как залог будущей жизни, зима как время бессилия природы транспонируются на жанровую идею баллады.

III.
But the chearful Spring came kindly on, Но наступила весна веселая (пришла благоприятно)[84]*,*
And show'rs began to fall; И ливни начали идти;
John Barleycorn got up again, И возродился Джон Ячменное Зерно,
And sore surpris'd them all. И (горько) удивил их всех.

IV.
The sultry suns of Summer came, Знойное солнце лета взошло,
And he grew thick and strong, И он вырос крепким и сильным,
His head weel arm'd wi' pointed spears, На шлеме Его заостренные копья ,
That no one should him wrong. Чтобы никто не причинил ему зло.

V.
The sober Autumn enter'd mild, Мягко пришла спокойная осень,
When he grew wan and pale; Стал он тогда белесым и бледным;
His bending joints and drooping head Склонив колено и наклонив голову,
Show'd he began to fail. он начал падать.

VI.
His colour sicken'd more and more, Он седел все больше и больше,
He faded into age; Он состарился,
And then his enemies began а враги стали показывать (ему)
To show their deadly rage [3, с. 36-37]. смертельную ярость.

О национальных истоках фольклорной поэтики баллады Р. Бернса, сближавших ее с классической балладой писал Роберт Влач. Так, ученый подчеркивает: "John Barleycorn belongs among Burn's masterpieces; it is based on folkloric conceptions but is interwoven with themes of immortality of life and work and revolutionary pathos of the invincibility of the national spirit" (Баллада «Джон Ячменное зерно» является шедевром Бернса, основана на фольклорных концепциях, переплетенные темой бессмертия жизни и работы, и революционным пафосом непобедимости национального духа) [4, с. 152].

Во второй части баллады идея бессмертия трансформируется в мысль о наслаждении земными радостями. Важным жанровым признаком баллады Бернса является психологический параллелизм: если первая часть является аллегорией на пытки Джона королями, то вторая часть – аллегория на «пытки» ячменя в процессе изготовления пива. Гедонистическая, вакхическая интонация прославления земных удовольствий и радостей

[84] Подстрочник баллады Р. Бернса составлен А. Есентемировой.

жизни объясняет метафорическую природу физиологических образов мозга и крови как символов жизни. Так, композиция становится основой лиро-эпического содержания баллады: соединение 2-х планов: с одной стороны, жизнь и смерть как вечная борьба добра со злом, с другой стороны – прославление жизни, продолжения рода как смысла человеческого существования. Если лирическое начало создается эпикурейскими мотивами, то эпическое содержит аллюзию на историческое противостояние Англии и Шотландии.

Синтез реального и фантастического как жанровый признак баллады мотивирует включение пейзажа и аллегорической битвы Джона Ячменное Зерно с врагами. Жизнеутверждающее начало баллады структурируется рефреном

XIII

John Barleycorn was a hero bold, Джон Ячменное Зерно был героем смелым,
Of noble enterprise. Знатного происхождения.
For if you do but taste his blood, И, тот, кто вкусит его крови,
'Twill make your courage rise. Становится смелым.

XIV

'Twill make a man forget his woe; Она заставит человека забыть несчастье;
'Twill heighten all his joy: Она усилит его радость:
'Twill make the widow's heart to sing, Она заставить сердце вдовы петь,
Tho' the tear were in her eye. Хотя в глазу ее слеза.

XV

Then let us toast John Barleycorn, Давайте скажем тост за Джона Ячменное Зерно,
Each man a glass in hand; Каждый человек со стаканом в руке;
And may his great posterity И пусть его великое потомство
Ne'er fail in old Scotland! [3, с. 40]. Никогда не переводится в старой Шотландии!

Социальная направленность баллады Бернса заключается в художественном воплощении идеи народной силы. Джон Ячменное Зерно – символ Шотландии – становится романтическим защитником любого человека из народа, вселяя в их сердца радость, ликование и надежды.

Композиционная симметрия противопоставления Англии и Шотландии, королей и народа художественно интерпретирована Бернса в ритмических традициях веселой плясовой песни. Целостность композиции организована ритмом, обусловленным природой веселящего напитка, и номинацией – прозрачной аллюзией имени Джона Ячменного Зерна.

Сопоставительный анализ русских переводов баллады показывает обусловленность референтной компетенции перевода жанровыми признаками классической и литературной баллады. Так, и Маршак, и Багрицкий соблюдают соотношение эпического и лирического, характерного и для классической, и литературной баллады. Отсюда фабула пыток Джона и его бессмертия, аллюзивно представленная в параллельных картинах жизни и бессмертия –

литературного героя и персонифицированного им ячменного зерна. То, что и жизнь героя, и зерно становятся источниками силы и бессмертия для народа и вселяют, помимо надежды и уверенности, веселье и упоение, эйфорию и наслаждение, определяют референтную компетенцию как почву типологии оригинала и рассматриваемых переводов.

Неориторический (дискурсный) подход интересен сопоставлением креативной компетенции русских переводчиков, оказывающих влияние на формирование рецептивной компетенции читателя. Способы трансформации *Другого* в своего создают пути отхода от риторической аргументации автора оригинала. Вместе с тем введенное Ю.Н. Тыняновым понятие фабулярного стихотворения [5] получает историко-литературное подтверждение.

Креативная компетенция Маршака-переводчика, структурирующая поэтику вторичной выразительности, реализуется по линии жанра веселой застольной песни с использованием приемов русской фольклорной поэтики, сфокусированной на перекрестке романтического предания (легенды) и плясовой песни. Фабула баллады Бернса интерпретирована Маршаком в приемах бытовой сюжетной картинки, лишенной черт исторической аллюзии оригинала. Для читателя 30-х годов внимание к социальной конкретике обладает значением эстетически возвышенного, романтического стиля. Поэтому Маршак отказывается от сакрализации в духе фантастического. Близость перевода Маршака к оригиналу заключается в воссоздании поэтики застольной песни. Вместе с тем четырехстопный ямб, образы веселья – вдовы, преодолевающей горе (*За кружкой сердце у вдовы / От радости поет*), мельника, перемалывающего ячмень в муку (*А сердце мельник меж камней / Безжалостно растер*), пивной кружки (*Вскипает в кружках на столе / И души веселит*), мотивов наслаждения жизнью (*Недаром был покойный Джон / При жизни молодец, – Отвагу подымает он / Со дна людских сердец*) [6, с. 186] – создают философию гедонизма простолюдина, крестьянина в традициях русской обрядовой ритуальной культуры.

В выражении идеи бессмертия Джона для Маршака-переводчика значимо сочетание гедонистических мотивов с иронией и гиперболой. Отсюда персонификация лирического героя как буйного, упрямого старика. Старость как символ устойчивости, несогбенного умудренного жизнью человека – такая аллегория, которую можно назвать принципом обратного порядка, ведь традиционно аллегоризм басни сопряжен с персонификацией черт характера человека в образах животных, птиц, насекомых, растений и т.д., другими словами, органического мира.

Семантически обусловленной оказывается ритмика повторов. С одной стороны, повторы – жанровый признак баллады, типологически общий для Бернса и русских переводчиков. С другой стороны, здесь очевидна природа номинации имени Джона – пива, бодрящего, вызывающего веру в силы, отчуждающего от безысходности.

Рецептивная компетенция структурируется переводчиком делегируемыми ему приемами постижения *Другого.* Важно учитывать социокультурный контекст создания баллады. Маршак не был прямым апологетом идеологии и нормативной поэтики социалистического реализма, источники создания шотландской баллады он находит в

смеховой зрелищной карнавальной культуре. Старость как пора мудрости (*старый Джон*), вдова как архетип матери, мельник, чей труд связан с основами жизни человека, пивная кружка и бочонок, где «клокочет Джон», – символы веселья, чередующегося с борьбой и горем, времена года как циклический закон круговорота жизни – становятся в балладе Маршака узнаваемыми для чужой культуры образами.

Интересно отметить, что при соблюдении в целом семантики образов и последовательности развития образов Маршак не воспроизвел в переводе 10-ю строфу оригинала. На эту особенность русской версии обращает внимание и дает толкование. Янг Де Ю (Yang De-you) замечает: “The original tenth stanza is omitted in the Russian version. The reason for the omission lies presumably in the similarity of both the imagery and language of this and the eighth stanza. Marshak might think this stanza superfluous, useless in the description of John's character (Оригинальная десятая строфа в русской версии пропущена. Причиной, по-видимому, является сходство как образов, так и языка десятой и восьмой строфы. Маршак мог бы считать эту строфу лишней, бесполезной в описании характера Джона)” [7].

Читатель эпохи 30-х гг., когда романтизация была эстетикой веры и надежды в успехи социалистического строительства, освященной лозунгами социального равенства и победы над сильными мира сего, получает картину, сложенную экзотизмами (сказочные короли, имя лирического героя) и романтикой недавнего гражданского прошлого (боец лихой), координатами крестьянского труда (ток, дубасить), волшебными образами испытаний стихиями (огонь и вода).

Баллада Э. Багрицкого в референтном поле текста также вписывается в понятие фабулярности баллады, поскольку реконструирует признаки классической шотландской баллады: диалог с Джоном; романтический стиль перевода (параллелизм сюжетного метафорического плана, антитеза, метонимия). Багрицкий имитирует сказочный зачин, у него детализирована система повторов – сюжетных, мотивных, композиционных (*Три короля из трех сторон /Решили заодно; Ты должен сгинуть, юный Джон / Ячменное Зерно*!) [8, с. 58]. Фольклоризация стиля создается сочетанием книжной лексики с просторечной («*В апрельском гуле гроз»* и «*И по ветру мотает Джон / Усатой головой»).* Риторические восклицания и преимущественно повелительная форма наклонения глаголов (*Погибни,* Джон, – в дыму, в пыли, / *Твоя судьба темна*! / *Готовьте* благородный сок!) [8, с. 58] создают динамику стиха.

Рецептивная компетенция усиливает поэтику вторичной выразительности перевода Багрицкого апелляцией к адресату, который является человеком, жившим в эпоху, овеянную романтикой будней, героикой труда, верой в преодолимость любых препятствий.

Интересна общая для двух русских переводов разговорная стихия, указывающая на адресата высказывания. Данный дискурс принимает характер самостоятельного высказывания в тексте баллады. В. Нэш (Walter Nash) пишет: «We know that the framing of propositions and the conveying of ‘messages’ is far from being the sole function of language, and that discourse, particularly spoken discourse, operates to a very great extent through verbal acts

which are tokens of social relationship, ritual performances, conversational signposts, pragmatic indicators pointing to a result, an action, a response, rather than a ‘message’ in the propositional sense (разговорный дискурс, действует в значительной степени за счет словесных актов, которые являются признаками социальных отношений, ритуальных представлений, разговорных указателей, прагматических индикаторов, указывающих на результат, действие, ответ, а не «сообщения» в пропозициональном смысле) [9. с. 29].

Полученные результаты

Таким образом, риторическая компетенция автора оригинала, сосредоточенная в референтном поле текста и в основном имитирующая жанровые стратегии классической баллады, решает проблему *Другого / своего* в социально проблематизированной зоне. Креативная и рецептивная компетенции литературной баллады, актуализирующие коммуникативные стратегии, социально и тематически детерминированы. Сопоставление риторической компетенции авторов двух русских переводов выявляет расхождения креативной и рецептивной компетенций как поля парадигматических смыслов, являющих разные способы толкования оригинала. Так, появляется возможность обоснования понятия «поэтика вторичной выразительности».

Риторическая компетенция автора – переводчика – читателя, обеспечивающая эффективность коммуникации, возникает в фокусе трех компетенций реконструирования *Другого*: узнавания – выстраивания – трансформации в своего. Так, понятие референтной компетенции связано с узнаванием *себя / своего* в *Другом.* Понятие креативной компетенции связано с выстраиванием идентичности *Другого* в художественном переводе и трансформации его в *своего.* Понятие рецептивной компетенции связано с приемами постижения *Другого.*

Различия поэтики вторичной выразительности Маршака и Багрицкого проявляются в креативной компетенции и обусловленной ею рецептивной компетенции.

Заключение

Итак, сущность дискурсного (неориторического) анализа заключается в исследовании художественного перевода в поле трех компетенций – референтной, креативной и рецептивной. Типология референтного поля текста обусловлена фабулой баллады Бернса, обеспечивающим синтагматическое целое текста, в то время как парадигматика являет синтез креативной и рецептивной компетенций, обозначающих не только своеобразие переводческой стратегии Маршака и Бернса, но и поэтику вторичной выразительности.

Применение дискурсных техник анализа художественного текста, в том числе переводного позволяет выработать новую модель художественного перевода. Такой подход способствует уточнению понятия аутентичности перевода в аспекте идентичности *Другого* и трансформации его в *своего.*

References:

1. Zhatkin D.N. (2015) U istokov russkoi retseptsii poezii Roberta Bernsa. [At the origins of the Russian Reception of the Poetry by Robert Burns] // Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki. [The Journal of higher education institution. Povolzhsky region. Human sciences], 3 (35), 104–118.
2. Gasparov M.L., Avtonomova N.S. (2001) Sonety Shekspira – perevody Marshaka. [Shakespear Sonnets – translation by Marshak] // Gasparov M.L. O russkoi poezii [About Russian poetry]. SPb.: Azbuka, 389-409.
3. Berns R. (1982) Stikhotvoreniia. [Poems] // Sbornik Sost. I. M. Levidova. Na angl, I russk.iaz. [Collection by I.M. Levidova. In English and Russian]. M.: Raduga, p. 705.
4. Vlach R. (1964) Robert Burns Through Russian Eyes, // Studies in Scottish Literature: [Online]. Available: [http://scholarcommons.sc.edu/ssl/vol2/iss3/3] (2, 152-162).
5. Pivkina E. V. (2014) Zhanr ballady v sovremennoii poezii: problema transformatsii zhanrovykh form. [Ballad genre in modern poetry: the problem of transformation of genre froms] // [Ogarev-online]. Available: [http://journal.mrsu.ru/arts/-ballady-v-sovremennojj-poehzii-problema-transformacii-zhanrovykh-form]
6. Marshak S.IY. (1957) Sochineniia. [Writings] T.III. M.: Goslitizdat, p. 186.
7. De-you Ya. (1987) On Marshak's Russian Translation of Robert Burns // Studies in Scottish Literature: Vol. 22: Iss. 1. [Online]. Available: [http://scholarcommons.sc.edu/ssl/vol22/iss1/4]
8. Bagritskii E. G. (1964) Stikhotvoreniia i poemy [Poetry and Poems]. L.: Sovetskii pisatel`, 58-59.
9. Walter Nash (2005) Changing the Guard at Elsinore. // Language, Discourse and Literature: An Introductory Reader in Discourse Stylistics edited by Ronald Carter and Paul Simpson. London: Taylor & Francis, 305

Information about the authors:

Kuralay Urazayeva (Astana, Kazakhstan) *– Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, L.N. Gumilyov ENU, kuralay_uraz@mail.ru*
(2, Satpaev street, Astana, Kazakhstan)

Aigul Yessentemirova (Astana, Kazakhstan) – PhD student, *master of Philology, L.N. Gumilyov ENU, aigul.yessentemirova@mail.ru*
(2, Satpaev street, Astana, Kazakhstan)

Intercultural Pedagogy: Theory and Practice

DOI: 10.24411/2470-1262-2018-10024

УДК (UDC) 372.881.1

Svetlana A. Asanova,
Dankook University,
Seoul, South Korea

For citation: Asanova Svetlana A., (2018).
Innovative Technologies at an early stage of Teaching a foreign language.
Cross-Cultural Studies: Education and Science.
Vol.3, Issue II, pp. 116-124 (in USA)
Manuscript received: 05/03/ 2018
Accepted for publication: 06/13/2018
CC BY 4.0

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА РАННЕЙ СТАДИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

INNOVATIVE TECHNOLOGIES AT AN EARLY STAGE OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

Abstract

In this article, the author highlights modern trends that have emerged recently in pedagogy, aimed at the use of electronic textbooks at the initial stage and the importance of transition in the entire learning process. It proposes the use of innovative technologies, not only as auxiliary materials, but also as basic tools for teaching phonetics and speech repetition. The author shares ethno-methodical aspects of her teaching Asian students (Chinese, Korean, etc.) and gives clear recommendations on how to work with these groups of students. It has been proven that the process of teaching language achieves its effectiveness when substantive methodical correction is carried out taking into account the ethno-cultural, educational, ethno-psychological, communicative and cognitive features of foreigners studying the Russian language. For this purpose, the interaction of Russian and Korean, and Chinese languages — and ethnic groups, the national and educational traditions of Russia, Korea, and China, the intergenerational transmission of Russian and Korean languages -— have been studied. The article analyzes from a comparative-methodological aspect the difficulty of teaching to Chinese and Korean students Russian phonetics, vocabulary, grammar, speech interaction. It examines the causes of difficulties and suggests ways to overcome them.

This work is addressed to all interested in the theoretical and practical aspects of teaching in a non-native language in a new socio-cultural environment.

Keywords: *innovative technologies, digital textbooks, teaching foreign languages*

"…Today we want to highlight the main lesson..: that technology always moves on, that there is always resistance to its adoption, but that overall, the trend is always to better, easier and more effective tools. Students learn more, and they learn faster, when the right technology is applied in the right way."[7]

Accelerated informatization of all professional spheres of our life demands that we transform the learning process. In universities, much attention is paid to the creation and use of information technology and progressive techniques for teaching foreign languages.

The world scientific community is looking for new technologies that can be effectively used in modern informatized society with the goal of formulating on their basis new laws of social development, as well as managing the global community, where the language occupies a central position.

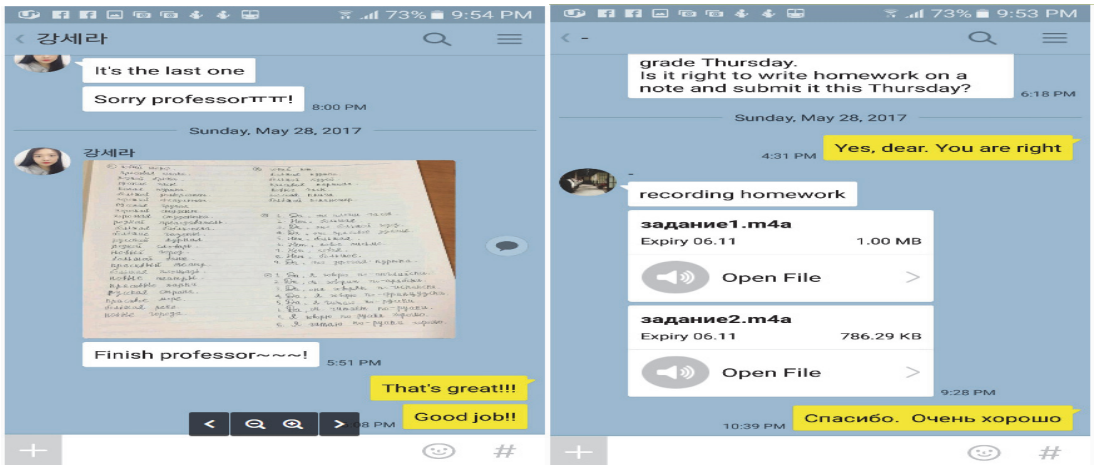
Given the ethno-methodical aspect of teaching students about different nationalities, we propose to use modern means of teaching and want to share our methodological developments with teachers working mainly with Asian students (China, Korea, etc.).[1]

Taking into account the computer literacy of students, who for the most part "absorb" information in electronic format; the use only handouts slows down the process of obtaining information and learning in general. Electronic devices have become the most necessary personal assistants in our lives. Consequently, installing a suitable software application or training program on a mobile device is able to speed up the learning process and, accordingly, improve it.

To accelerate the learning process, we suggest, first, that the modern teacher needs to change, to transform herself and the way she thinks, moving from pen on paper to the digitized way of thinking. Secondly, we must change the form of the presentation of the training material. Third, we should minimize one's own time costs for organizing the teaching process itself: for example, students' notebooks can be checked by using mobile applications, such as Kakao Talk[85].

This application not only helps speed up the verification of written assignments, but also extends the range of the homework. For example, students can record their own speech patterns and get authentic samples offered by the teacher. This allows students not to wait for the next lesson, but receive immediate feedback on the assignments, to become acquainted with the errors, and correct them.

[85] The software application developed by South Korean programmers has a wide range of applications.



Pic.1. The app: KakaoTalk. The submitted home assignment. On the left the photo file. On the right the audio file.

In the university practice, native speakers are not limited to teaching grammar and reading, but mainly conduct classes in speaking and writing. Given this fact, there is a need for voice-recording applications to permit students listen to authentic speech or electronic audio samples in a digital textbook, and also offer students the means to record their own speech patterns and send them to the teacher.

In this case, the foreign students quickly master the phonetics of the new language imitating these patterns and receiving recommendations for correcting the pronunciation. Regular listening of the text of the native speaker and simultaneous reading of it, allow the students to develop improved listening skills. Performing similar tasks helps to memorize the text, new vocabulary, better adapt to the Russian syntactic system, improve speech mechanics, etc.

Taking into account, that in the university practice, there has been a regular reduction of the class contact hours, checking the homework online (not deferred control) helps to save the classroom time.

In addition to self-produced materials, the Internet web presence of many Russian and foreign universities offer a variety of educational programs and games that allow beginners to learn Russian.

One such is the "Program of Promoting the Russian Language and Education in Russian" at the State Pushkin Institute of Russian Language: the Internet portal "Education in Russian". This is intended to develop distance education (studying the Russian language and teaching in Russian) in virtual space: www.pushkininstitute.ru.

The program offers:

- a system of open distance education, where materials for 6 levels of Russian language are offered, from A1 to C2;
- online testing to determine the level of Russian language proficiency;
- training in Russian under the GEF programs of basic general education;

- preparation for the passing of the certification examination according to the TRCI model,
- a refresher courses and professional retraining programs for teachers in the direction "Russian as a Foreign Language".

The test materials include a socio-cultural component: checking the knowledge of verbal etiquette, folklore (proverbs, riddles, and tales), poetry, and painting. Level B1 includes a separate subtest "Russian Civilization". Serious attention is paid to the verification of systemic links in the student's vocabulary. The state of a student's vocabulary is examined not only in a quantitative but also in a qualitative aspect, which is characterized by the presence of a variety of links between lexical units, beginning with word-building ones.

In each subtest "Writing," starting with the A1 level, there are tasks on spelling and punctuation. The existence of such tasks seems to be necessary for the following reasons. Some students have already formed certain language and speech skills, they easily understand and understand fluent "reduced" oral speech in situations of everyday communication.

In addition to testing tasks, a page was created entitled "Russian Language for Our Children". This section of the site is devoted to pedagogy, the content and methodological materials for supporting bilingual educational activities in Russian.[6] (http://rus4chld.pushkininstitute.ru/#/bilingvtest)[86]

The system proposed by the Pushkin Institute is a multi-centric model where the main components of the system are formed under the influence of many linguistic and extra-linguistic factors, while maintaining clear coordination with the main parameters of the European scale of language proficiency levels.

For students of the initial period of training, the rubric "Alphabet" was created. Each letter is illustrated with words with pictures and audio, which helps to additionally use the visual and auditory channels of the memory of the individual, thereby facilitating the memorization of new words.

It should be noted that the Internet space is "crowded" with Russian language courses, both paid and free. Electronic applications offer entertaining materials for speaking, writing, and reading. One of our key responsibilities as educators is to evaluate the quality of such sites and guide our students to the most useful ones.

The site http://www.russianlessons.net/ presents materials for the sequential study of Russian grammar, vocabulary; an audio book with a DEMO lesson is included. Lessons are built on texts for reading with translation and comments in English. Working with this electronic textbook helps the first-year students master the Russian alphabet and phonetics faster and better. The interactive alphabet-vocabulary is composed with soundtracks, which greatly facilitates phonetic work in the classroom, and the correct perception of the Russian alphabet, speeds up its memorization.

[86] http://rus4chld.pushkininstitute.ru/#/bilingvtest/

Fig.3. The Representation of the Russian Alphabet. The Audio Presentation of the Letter "Я."[5]

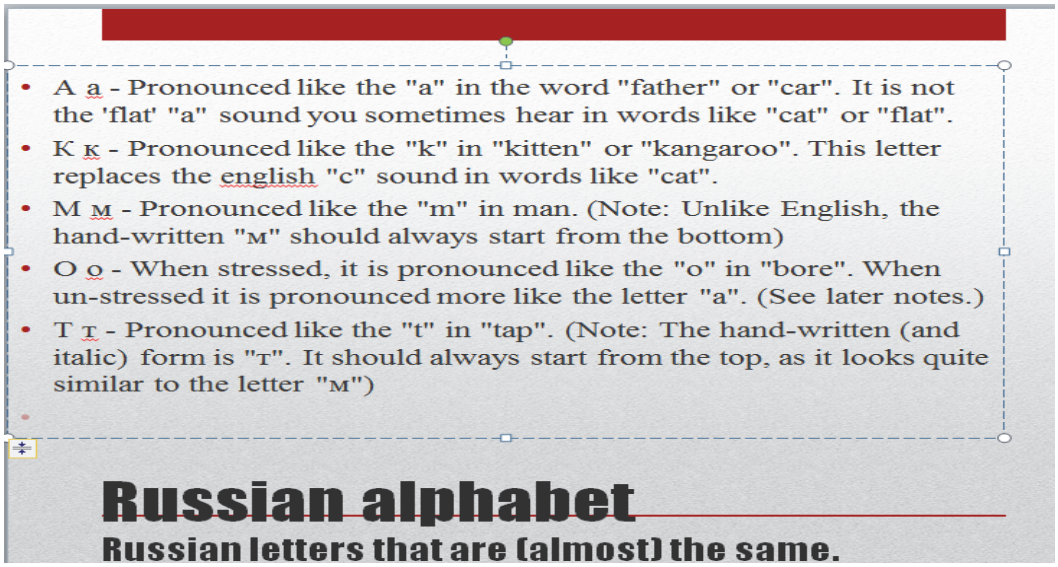


Fig.4. Lesson 1. Russian Alphabet. By pointing the cursor at the letter, you should get an audio output.

One important factor worth noting when teaching at the initial stage is that in many countries the teaching of English begins with early childhood. The vast majority of young people who have reached the student age, communicate freely in English. Consequently, English can serve as a language of mediation between the teacher and the student, and leads to increase in the effectiveness of teaching.

The time spent listening is one of the most valuable resource of the learning process; therefore, many types of training aimed at memorization can be transferred to the technique. This frees instructor and students in the lesson itself to perform more creative tasks, conduct a conversation in the foreign language for this is the only opportunity for the student to engage in authentic language speech.

There is an interesting smart-phone app ***HelloTalk*** (https://www.hellotalk.com/) that lets you make free calls or send text messages to language-learning partners from all over the world. This

platform combines language learning and practicing into a single process. You can talk to native speakers of over 100 languages. There is the ability to search for partners based on the language and city of residence. Since there are users who live in different time zones, one can find someone to connect with at any time of the day or night.

The voice-to-text feature enables you to speak and allow *HelloTalk* to translate your words into text. There is also a text-to-voice feature, which helps you practice proper pronunciation. The platform also supports transliteration and translation.[8]

Another similar platform, ***Italki*** (https://www.italki.com/home), is a website that does not offer lessons, but still give you the ability to master a language and help you get directly to the main point: communicating with people. We should note that *Italki* is not a free service.

The application is responsible for connecting the user with online teachers across the globe to provide one on one lessons in a wide variety of languages. A student gets a custom lesson plan which encourages her or him to practice speech on day one with the supervision of a native speaker. There is also an option to exchange in your native language with someone else who started to study your language. [10]

While working with grammatical and lexical materials, it is necessary to note the digital textbook: http://learnrussian.rt.com/lessons/. This tutorial has multiple exercises for honing grammar and phonetic skills, as well as listening. To help the teacher, the textbook contains test materials after every 5 lessons. A well-organized thematic dictionary, topics and grammatical tasks are attached to each block of training materials.[8]

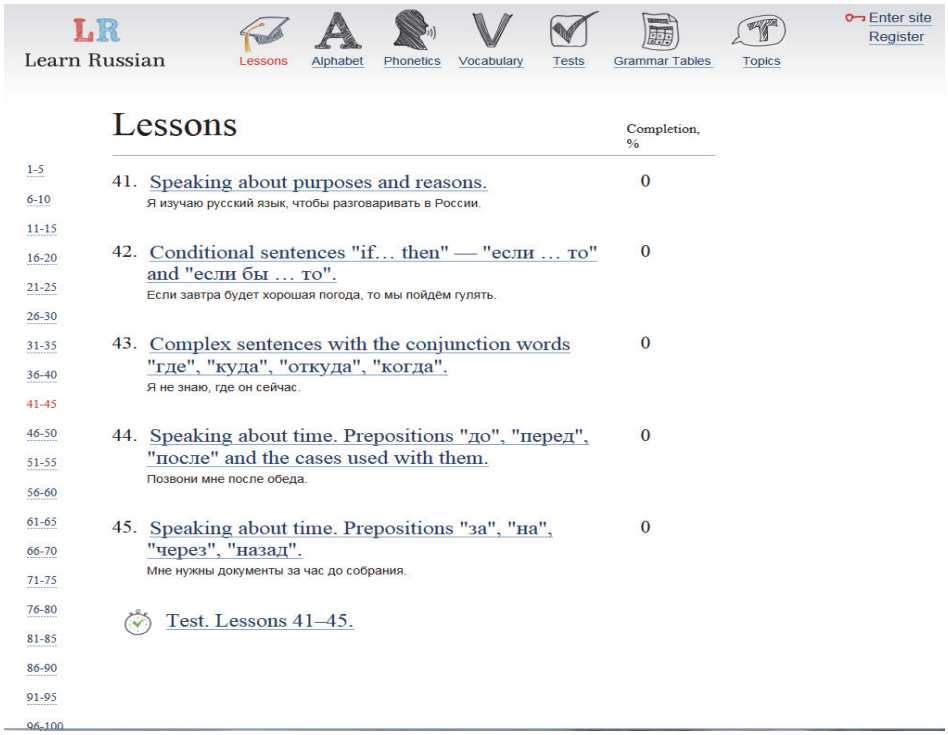


Fig.5. Digital tutorial *Learn Russian*. This textbook can be used at the initial stage of training to basic. (A1-B2)

How to teach Asian students…

Based on the above and on personal experience gained, one issue that has not been raised between Korean and Russian colleagues should be discussed, but it is important enough for teachers who is still working with Korean audiences.

What does preparation for the lesson mean for us? Few if any of the Russian or Western colleagues will have the same cultural experience with the homework before and after the lesson. In a recent conversation with a Korean colleague, it it became apparent that for Korean students homework is primarily for independent prior preparation of the material to be covered in the lesson

At all stages of education, starting from the primary school, all Korean students "learn" ahead of time in order to directly, with the teacher, to consolidate and understand, something new that has been studied independently. Knowing these subtleties, for example, you can provide initial coverage of the chapter from a digital textbook or some other materials, as homework.

Classwork is a repetition and consolidation of the homework assignments given prior. Westernized systems work in opposition to the learning styles of most Korean students.

For students to familiarize themselves with the new vocabulary, then most often, in all textbooks there are native speech examples, and if not, the correct pronunciation can be found using the electronic dictionary ***Google translate***. In addition, to correct pronunciation, students can the often multiple varieties of translation, synonymous expressions and the usage of a certain new word in the context of the sentence, which also helps the expansion of a student's vocabulary. Such pedagogical findings facilitate the presentation of new material, making its acquisition and mastery better and faster.

The ***Kakao talk*** app helps a teacher to present new material in the group chat. The teacher offers students two files, words with translation, and the same words, with audio sample. Features of the program allow you to record both audio and video formats.

Without transitioning to another software, students are able to get the transcript in audio and text formats. In the process of learning words, the student accustoms her- or himself to perceive by hearing the authentic narrated speech by the native speaker. This generates a native like understanding of the phonetics and listening skills. Thus, multiple listening not only helps to memorize the word and its meaning, but it teaches how to detect the proper native speech.

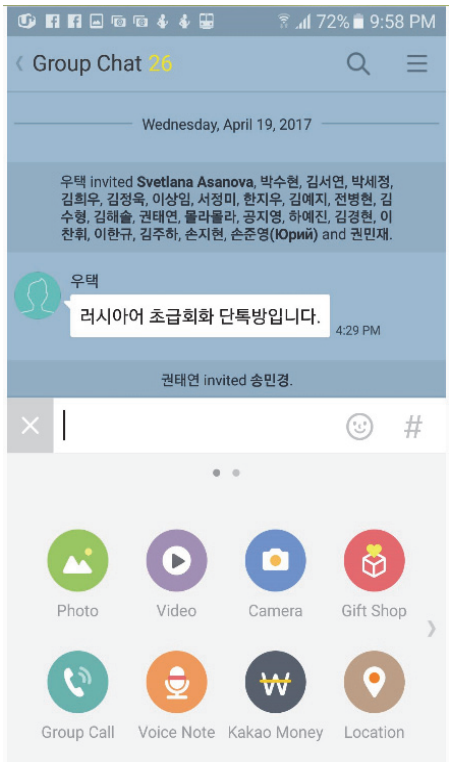


Fig.5. Software application KakaoTalk. The Group Chat. Functions of the program: photo file, video recording, camera, gift shop, group chat, audio recording, credit card, location. This software application works as a virtual classroom, helping to stay in touch with students in a 24-hour mode.

In conclusion, available online educational resources already can help to organize the learning process in a new style. But the use of electronic technologies, at an ever increasing acceleration of change, requires the teacher to have a new look at the learning process and its modernization.

Additionally, after teaching Asian students more than 20 years, I have realized two specifically ethno-methodical aspects. First, ***why are the students so quiet during class time?*** Based on Asian philosophy of life, the student must come to the class with a clear mind, just like an empty glass and fill it with knowledge. This is why the students keep quiet and stay still due to the Asian culture of education. For them, the teacher is perceived in the image of God or the father. Students view the teacher as a father figure and may not disobey or confront her/him because the image of God and may not be ridiculed or argued against. Therefore, the knowledge must be accepted then quoted each phrase by heart with great devotion and responsibility. Consequently, students don't question the teacher. In this elevated positon of authority and responsibility, a teacher must not voice the frustration publicly if one is to expect the student's progress. Confrontation is better voiced in private to get the intended result. Second, students prefer to get the homework assignments prior to class so they can get acquainted with the material. Greater mastery is possible if they can compare the prior information with that given during the class.

References:

1. Asanova Svetlana *Innovative Electronic Technologies in Teaching Russian as Foreign Language (Ethno-Methodic Aspect)*), Dissertation Theses. RUDN, Moscow, 2015.Pp.3-5;

2. Antonio Tooley *3 Tech Platforms for Students to Practice Speaking Foreign Languages.* https://www.emergingedtech.com/2015/09/tech-platforms-for-students-to-practice-speaking-foreign-languages/
3. Balykhina Tatiyana, Zhao Yujiang. *From Methodology to Ethno-Methodic. Teaching Chinese to the Russian Language: Problems and Ways to Overcome Them.* Monograph. - 2nd ed. - Moscow: RUDN, 2010. - 344 p. ISBN 978-5-209-03404-9
4. https://www.busuu.com/en/ru/?b_source=adwords&b_campaign=row_en_web_learn_russian&b_group=row_en_web_learn_russian_free_e&b_subnetwork=SN&b_term=learn%20russian%20online%20free&b_placement=&utm_nooverride=1&gclid=CjwKEAjw86e4BRCnzuWGlpjLoUcSJACaHG55VcJISh2Yh3J9quTCia4HUKC9KrJOvXbxvb-RVqXm6hoCgAbw_wcB
5. http://www.russianlessons.net/
6. http://rus4chld.pushkininstitute.ru/#/bilingvtest
7. www.pushkininstitute.ru.
8. http://learnrussian.rt.com/lessons/
9. https://www.hellotalk.com
10. https://www.italki.com/home
11. Susana Perez Castillejo *100 Years of "New Technologies": Teaching a Foreign Language with Technology from 1918 to 2018*. https://extemporeapp.com/2018/02/15/100-years-new-technologies-teaching-foreign-language-technology-1918-2018/

Information about the author:

Svetlana A. Asanova, Ph.D., works as the Assistant Professor at the College of Foreign Studies, Department of Russian Language in Dankook University. –

-Graduated from PH.D. Course of Theory and Methods of teaching and Upbringing Russian as a Foreign Language at the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow in 2015.

Field of research: Development of innovative technologies for language studies; bilingual education; ethno-methodic aspects of teaching the foreign language, TEFL; TORFL**.**

Published 25 science works (in the fields of Innovative Lingua-Didactic and Pedagogy; Teaching Russian as Foreign Language,)

Among them one textbook "Russian for Koreans" and 1monography "Lingua-Methodic Simulator in the E-Educational System for Teaching Russian as Foreign Language" (coming soon, 2018), one book: Digest of articles. "Innovative Methodic of Teaching Russian as Foreign Language" (2015, ISBN: 978-3-659-68439-5)

DOI: 10.24411/2470-1262-2018-10025

УДК (UDC) 811.581

Oxana A. Bejenari, the University of Milan, Italy,
Natalya V. Pomortseva, Peoples' Friendship University of Russia,
Russian Federation

For citation: Bejenari O.A., Pomortseva N.V., (2018). Russian and Italian non-verbal communication during lessons of Russian language as a foreign language: methodological aspect. Cross-Cultural Studies: Education and Science. Vol.3, Issue I, pp. 125-134 (in USA)
Manuscript received: 05/10/ 2018
Accepted for publication: 06/13/2018
CC BY 4.0

РУССКАЯ И ИТАЛЬЯНСКАЯ НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ КАК ИНОСТРАННОМУ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

RUSSIAN AND ITALIANA NON-VERBAL COMMUNICATION DURING LESSONS OF RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGEN LANGUAGE: METHOGOLOGICAL ASPECT

Abstract

The article discusses the methods to develop socio-cultural competences in students learning Russian as a foreign language; attention is particularly focused on comparing Italian and Russian speakers' communication etiquette. The different meaning of gestures, poses, different kinds of sound (for example sighs), can lead at best to misunderstandings, at worst to serious conflicts. Based on the above, the question arises: is it necessary to conduct classes to familiarize with non-verbal communication means like gestures. This article takes into consideration the opinions of practical and methodologist teachers on the availability of similar topics in classrooms.

The article provides and analyzes examples of mismatches between Italian and Russian gestures, that have been combined in a common list-dictionary. The article describes ways to work with this dictionary.

In Italian classrooms, the relevance of the topic is due to the presence of profound differences in the system of non-verbal means between communications in Russian and Italian communicative

culture. To avoid that a misunderstood gesture leads to communication failure, it is necessary to give this aspect the due methodological attention at the initial language learning stage (A1-2). Students have to understand that during the Russian language course they are expected not only to get acquainted with grammar basics, but also with those facts that can be very useful, and even essential, in real communication with Russian language speakers.

The result of the research showed the effectiveness of this learning experience in the process of forming a socio-cultural competence.

Keywords: *Russian as a foreign language, kinesics, gesticulating, gestures, sociocultural competence, Italian-speaking students*

Введение

В процессе общения значительная часть информации осуществляется с помощью невербальных средств. «Невербальными средствами передается более 65 % информации, в то время как вербальными – около 35 % (Гойхман, Надеина, 2001). Согласно другому источнику, с помощью невербальных средств передается до 55% информации (Пиз, 1992)» [2;138]. Эти данные заставляют задуматься над вопросом, достаточно ли для полноценного общения только лингвистической компетенции, и не стоит ли учащимся овладеть экстралингвистической компетенцией, то есть тем комплексом кодов, которые используются параллельно речевому общению, а иногда и заменяют отдельные слова или целые сообщения.

Мы остановимся на одном из средств невербальной коммуникации – жестах. «Наблюдения ученых – специалистов языкознания, этнографии, антропологии и педагогики в разных странах показали, что жест является необходимым элементом общения в странах Латинской Америки, в Италии, Испании». [3;141].

Материалом для нашего исследования послужил опрос италоговорящих граждан — преподавателей и учащихся итальянских университетов и языковых школ. Мы провели интервьюирование учащихся и преподавателей-коллег, в результате которого мы сделали следующий вывод: эта важнейшая для обучения коммуникации тема на занятиях преподавателей иностранных языков практически всегда «выносится за скобки», не обсуждается, что представляется нам значительным упущением. Ведь если не знать национальной специфики жеста, можно прочесть его неверно: извлечь иной, вплоть до противоположного, смысл или просто потерять информацию, которую хочет донести до собеседника говорящий. Несовпадение значений жестов, поз, разного рода звуков (например, вздохи) может привести в лучшем случае к непониманию, в худшем – к серьезному конфликту.

Приведём примеры. В русской культуре глубокий вздох означает желание перевести дух, «отдышаться», а в итальянской – ужасную, нестерпимую скуку. Поэтому нетрудно предвидеть крайне негативную реакцию директора языковой школы, по национальности итальянца, когда во время собрания русский преподаватель непроизвольно вздохнула.

Результатом подобного рода инцидентов становятся непоправимо испорченные отношения. А вот другой случай: есть в Италии жест, используемый мужчинами, который имеет смысл «чтобы не сглазили»: прикосновение к своей паховой зоне поверх одежды. Жест используется довольно часто, но исключительно в неформальной обстановке, в кругу самых близких друзей. Один из наших взрослых учеников – архитектор, позволил себе повторить этот жест во время разговора о тяжелой болезни на корпоративе в компании русских коллег, с которыми у него были официальные отношения. Не заставил себя ждать момент, когда он узнал, что о нем ходят весьма неприятные слухи, что он крайне невоспитанный человек. Наконец, ещё один пример. Молодой итальянец после поездки в Россию рассказал: в гостях у новых русских друзей он покрутил кукишем перед носом пятилетней дочери хозяев дома (в некоторых зонах Италии так заигрывают с ребенком – большой палец при этом символизирует носик). По реакции окружающих он сразу понял, что сделал что-то не так: родители явно напряглись, а во взгляде девочки можно было прочитать недоумение.

И таких ситуаций бывает множество. Поэтому мы полагаем, что в иностранной аудитории вообще, а в работе с итальянцами в особенности, эта тема имеет большое значение и должна быть представлена на уроке русского как иностранного.

Теория

Тема о невербальном коммуникативном поведении получила широкое освещение в методической литературе. Так, А.Н. Щукин в книге «Методика обучения речевому общению на иностранном языке» в главе «Обучение социокультурным средствам общения» отводит теме жестов целый раздел под названием «Невербальные средства общения». Л. Броснахан в исследовании «Русская и английская невербальная коммуникация» по определенной системе сопоставляет невербальные компоненты русского и английского коммуникативного поведения. Большой вклад в исследование темы внесли И.А. Стернин и М.А. Стернина в «Очерках о коммуникативном поведении». Много небезынтересной информации можно найти в работах М.Е. Крейдлина. Исследования по данной теме А.А. Акишиной и Х. Кано систематизированы ими в «Словаре жестов и мимики». Глубокие наблюдения Е.А. Петровой над употреблением разными нациями тех или иных жестов в быту также заслуживают внимания. Неоценим вклад в науку о коммуникативном поведении таких исследователей как Ю.Е. Прохоров и И.А. Стернин, которые в своем труде «Русские: коммуникативное поведение» предлагают методологию описания данной темы, определяют, какое место такого рода информация должна занять в методике преподавания русского языка как иностранного.

Затрагивая тему о невербальных средствах коммуникации Анатолий Николаевич Щукин отмечает, что «Наиболее значимыми для общения считаются кинесические невербальные средства общения – зрительно воспринимаемые движения человека, проявляемые в виде рукопожатия, жеста, позы, выражения лица» [2;138]. Действительно, трудно себе представить человека, который общается и говорит, не жестикулируя и не меняя выражение лица или позу.

Паоло Бальбони – известный итальянский специалист в преподавании иностранных языков – добавляет к этому списку запахи и шумы, издаваемые телом [4;122]. Он говорит о необходимости формирования у учащихся кинесической компетенции: умения понимать жесты, мимику, позы и владеть навыками их использования в коммуникации.

В научной методической литературе употребляется термин ***кинесика***. Одни ученые считают, что это наука о языке тела и его частей. Другие склоняются к более узкому пониманию кинесики, считая ее учением о жестах, прежде всего – жестах рук [5;167]. В словаре Э.Г. Азимова и А.Н. Щукина говорится, что слово ***жест*** образовалось «... от французского geste – деяние. Выразительные движения рук, пальцев. Служат для передачи эмоций, психических состояний, желаний. Жесты используются как дополнительный (невербальный) способ общения людей» [2;69]. В «Словаре лингвистических терминов» дается несколько иное определение жестов: «Жесты – это система различного рода телодвижений, особенно движений рук, как часть коммуникативного акта и как предмет кинесики» [9;59].

Метод

Перейдем к вопросу о том, следует ли включать информацию о жестах в содержание занятий по русскому языку и в каком объеме. Ответ очевиден: это целиком и полностью зависит от того, с каким контингентом учащихся работает преподаватель, каковы цели, которые ставят перед собой учащиеся, занимающиеся иностранным языком. Два примера. Если мы готовим группу бизнесменов для работы в России, имеет смысл затронуть вопрос о том, например, что в России «жест нахмуренные брови указывает не только на отрицательное эмоциональное состояние жестикулирующего, но и на возможный с его стороны мыслительный акт (сосредоточенное размышление над какой-то проблемой)» [5;177]. Это поможет избежать недоразумений, когда нахмуренные брови коллег будут расцениваться как знак крайнего неудовольствия и будут вызывать необоснованные страхи. Если же перед нами студенты университета, им стоит рассказать о том, как русские используют свои пальцы при счете. Или рассказать, что, протягивая руку и предлагая что-либо взять произносят – «На!» в значении «возьми то, что я тебе сейчас протягиваю». На начальном этапе такие предельно простые, но нужные для общения слова вызывают радость и энтузиазм у учащихся, так как они начинают понимать, что многое можно выразить самыми примитивными словесными средствами.

При знакомстве с невербальными средствами общения А.Н. Щукин советует рассказать студентам, «...что наиболее употребительными у россиян жестами являются утвердительный кивок и отрицательный поворот головы, русские часто указывают на что-то или кого-то головой, <...> а также то, что русские заменяют реплику «не знаю» пожатием плеч или разведением рук. Русские часто как бы слегка кланяются в момент встречи, как бы дополняя слова приветствия или прощания. <...> В целом русские жесты имеют несколько бóльшую амплитуду, чем западноевропейские, и занимают бóльшее пространство. <...> У русских много жестов, включающих касание рук или плеча

собеседника» [2;140]. Разговор о жестах А. Н. Щукин советует завершить демонстрацией некоторых самых распространенных среди россиян жестах.

Работая с италоязычной аудиторией и прожив много лет в италоговорящей среде, мы можем констатировать следующее: в целом значения итальянских мимики и поз совпадает с русскими. Итальянцы и русские одинаково (или почти одинаково) демонстрируют такие частотные в общении жесты как ***приветствие, прощание, вежливость, учтивость, отказ, просьбу, пробуждение, восторг, горе, расположение к кому-либо или чему-либо, одобрение, враждебность***. Но, если проводить более глубокий анализ, можно увидеть в жестах и некоторые несовпадения. Мы изучили эти несовпадения и собрали их в общий список-словарик. Во время работы со словарем на занятиях студентам предлагается дополнить его своими наблюдениями и аргументировать желание внести какую-то новую информацию.

В словарике мы отразили классификацию основных часто используемых жестов и представили эти жесты по группам:

- Синонимические жесты (одинаковые или очень похожие формы несут в разных культурах один и тот же смысл).
- Омонимические жесты (одинаковые или очень похожие друг формы имеют в разных культурах разные смыслы).
- Значимые жесты итальянского языка, не имеющие значения в русской культуре.
- Значимые жесты русского языка, не имеющие значения в итальянской культуре.
- Жесты по значению (например, «возьми», «математический счет» и др.)

В левой колонке – примеры жестов, принятых в русской среде, в правой – итальянские жесты.

Синонимические жесты

Показать большой палец	
Отлично!	Хорошо, очень хорошо!
Поднести палец к губам	
Прошу тишины! Тсс! (произносится не очень громко)	Прошу тишины! Ш-ш-ш! (произносится очень громко)
Показать на воображаемые часы на запястье	
Пора!	Пора!
Тянуть кого-либо за уши	
Поздравляем с днем рождения! [8:163]	Поздравляем с днем рождения!
Крутить пальцем у виска	

Ненормальный!	Ненормальный!
Два человека бьют друг друга ладонью о ладонь	
1.Мы молодцы, мы победили [8:164]! (Заимствованный жест) 2.С детьми (Дай мне пять)	1. Мы молодцы, мы победили! 2. С детьми «dammi il cinque!» (Дай мне пять)
Знак V из указательного и среднего пальцев	
Победа! (Заимствованный жест)	1. Победа! 2. Можно в туалет?
Выставление среднего пальца в вертикальное положение	
Оскорбительный жест (заимствованный жест)	Оскорбительный жест

Омонимические жесты

Касаться несколько раз уха	
1.Снимать воображаемую лапшу со своих ушей. 2. Я тебя раскусил, не говори мне неправду!	Ты гомосексуалист! [9:43]
Поднимать указательный палец	
Начальство, власть [9:163]	Внимание! [9]
Аплодировать в середине выступления	
Кончай(те) выступать!	Очень верная мысль! [9]
Показывать козу	
В России форма «вытянутые вперед пальцы» принадлежит детскому игровому жесту коза, однако рука при воспроизведении жеста коза не статична, как в Италии и Франции, а движется определенным образом в направлении ребенка — адресата жеста (кроме того, "козу", то есть вытянутые вперед пальцы, могут изображать также указательный и средний пальцы) [5:213]	1.За спиной – жест против сглаза. 2.Направленный на человек – обидный жест: «Ты рогоносец!» [8]
Кукиш	
Категорический отказ [8:163] (вульг.)	1. Заигрывание с ребенком. 2. Запрещенный жест (если большой палец между средним и безымянным).

Сжать ладони обеих рук	
Солидарность	Поздравляю! (на дистанции)

Значимые жесты итальянского языка, не имеющие значения в русской культуре.

Пиноккио (Буратино) Сложенной в локте рукой удлинить свой нос до воображаемого длинного носа Буратино	
Изображение длинного носа у русских может вызывать ассоциацию с длинным носом, который суют куда не следует.	Ты меня обманываешь! [9]. Смотри: у тебя вырастет такой же длинный нос.
На левой ладони писать правой рукой	
—	Запишите, пожалуйста! [9]
Бить пальцем одной руки по открытой ладони другой	
—	Я настаиваю на этом! [9]
Повести быстро несколько раз плотно прижатыми пальцами с тыльной стороны ладони от шеи к подбородку	
—	Меня не интересует! [9]
Показывать мизинец	
—	Худой как палочка! [9]
Отвести от себя ладонь с раздвинутыми пальцами и быстро повернуть её несколько раз	
—	- Как жизнь? - Так себе! [9]
Пальцы обеих рук, сложенные щепоткой, направлены друг к другу	
	Полно людей

Значимые жесты русского языка, не имеющие значения в итальянской культуре.

Провести один раз указательным пальцем под носом по направлению к кончику	
Не вешай нос	—
Плевать три раза через левое плечо	
Жест – суеверие, чтобы избежать неприятностей, или чтобы не сглазить.	—

Жесты по значению

Возьми

Протягивая руку, русские говорят: «На!»	Протягивая руку, итальянцы говорят: «То!».
Тюрьма, арест	
Скрещенные в форме решетки пальцы двух рук [8:163]	Скрещенные руки, в воображаемых наручниках. [9]
Кончай выступать	
Немотивированные аплодисменты в середине выступления	Изображать указательным и средним пальцами ножницы.
Счет на пальцах	
Пальцы загибают к ладони, ладонь развернута к себе. Пальцы могут загибаться самостоятельно или при помощи большого пальца той же руки, или при помощи указательного пальца другой руки. Окончив счет на одной руке, продолжают на другой.	С любой руки, начиная с большого пальца. Может сопровождаться устным счетом. Используется при счете, может использоваться в игре при командах «Считаю до трех!», «1, 2, 3 — беги!». [9:185]
Чтобы не сглазить	
Стучат по дереву три раза.	1. Трогают железо, или чаще всего при озвучивании планов на будущее, произносят фразу «трогая железо, надеемся, что...». 2. Скрещивают указательный и средний пальцы.

Как известно, теоретические знания не могут автоматически сформировать умения правильно использовать эти знания на практике. Навыки вырабатываются только упражнениями. Поэтому слушателей уровня А1-2 на основе принципа доступности содержания обучения можно познакомить с такой элементарной для них информацией, как с помощью каких жестов русские считают. При этом преследуется культурно-ознакомительная цель: сравнить различные способы счета с точки зрения жестов в России и в Италии, поговорить о том, как задействованы руки для математического счета в разных культурах. Наиболее подходящая форма работы для этого упражнения — в парах. Один из студентов показывает определенное число «на русский манер», другой переводит жест в слова. Длительность упражнения – около 5-7 минут.

На продвинутом уровне мы предлагаем более сложные упражнения: просматриваем отрывки видеофильмов с выключенным звуком, чтобы потренировать в умении читать язык жестов. Потом просим разыграть сценки: «К вам пришли нежданные гости»; «У вас украли кошелек»; «Вы хотите поблагодарить человека, который находится далеко от вас»; «Вы находитесь в поезде и хотите срочно передать какую-то важную информацию

находящемуся на перроне» и др. Несколько интересных идей такого рода сценок можно почерпнуть в книге А.А. Акишиной «Эмоции и мнения» [10].

Полученные результаты

Работа над усвоением основных русских жестов в итальянской аудитории способствует тому, что речь учащихся становится гораздо более живой и эмоциональной. Работа со словариком помогает выявить в родной культуре необычное для иностранцев, помогает найти общее и особенное в сфере жестов. Мы многократно замечали, что наличие схожих элементов культуры в Италии и России радует учащихся больше, чем элементы различных. Все это, безусловно, способствует углублению взаимопонимания между итальянцами и русскими.

Заключение

Подведем итог сказанному. Бесспорно, на занятиях невозможно «объять необъятное» и за ограниченное время урока познакомить студентов со всеми национально-культурными особенностями социального и речевого поведения носителей языка. Выход из ситуации находит Паоло Бальбони, предлагая учителю научить студентов наблюдать «si può insegnare ad osservarla» [4:137], отмечать, находить общее и различное, откладывать полученную информацию в свою «базу данных-копилочку». Что касается нашего опыта, то, на наш взгляд, главное — говорить о значащих жестах итальянского языка, не имеющих значения в русской культуре.

Нам представляется, что главное — ***направить внимание*** учащихся на существование сходств и различий в области жестов у разных наций. После осознания этого серьезного фактора взаимодействия в процессе речевого общения студенты сами начнут более внимательно относиться к этой проблеме и при просмотре фильмов, телевизионных передач, видеоматериалов Интернета будут замечать то, чему ранее не придавали никакого значения. Это будет еще одним шагом в освоении другой культуры, другого менталитета и образа жизни.

References:

1. Bejenari O.A Etnoorientirovannaya model obucheniya russkomu yazyiku italoyazyichnyih uchaschihsya vne yazyikovoy sredy: dissertatsiya na soiskanie uchyonoy stepeni kandidata pedagogicheskih nauk: 13.00.02 – M., 2018. – 292.
2. Schukin A. N. Metodika obucheniya rechevomu obscheniyu na inostrannom yazyike. M., Ikar, 2011. 454.
3. Akishina A.A., Kano H., Akishina T.N. Zhestyi i mimika v russkoy rechi. Lingvostranovedcheskiy slovar. Russkiy yazyik. M., 1991. 144.
4. Balboni P.E. Le sfide di Babele. Utet 2015, 250.
5. Grigoreva S.A., Grigorev N.V., Kreydlin G.E. Slovar yazyika russkih zhestov Moskva-Vena , 2000. 256.

6. Azimov E. G., Schukin A. N. Novyiy slovar metodicheskih terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazyikam) M., Ikar, 2009. 446.
7. Tihonov A. N., Hashimov R. I. Entsiklopedicheskiy slovar- spravochnik lingvisticheskih terminov i ponyatiy. Tom1. M.Flinta, 2014. 816.
8. Prohorov Yu. E., Sternin I. A. Russkie. Kommunikativnoe povedenie. Flinta. Nauka. M., 2007. 328.
9. Caon F. Dizionario dei gesti degli italiani. Guerra edizioni, 2010. 224.
10. Akishina A. A., Akishina T. E. Emotsii i mneniya. Russkiy yazyik. Kursyi. M., 2009. 168.
11. Munari B. Il dizionario dei gesti. Adnkronos. Libri, 1994. 160.
12. Pomortseva N.V. Adaptatsiya neverbalnogo kommunikativnogo povedeniya inostrannyih studentov v protsesse izucheniya russkogo yazyika v usloviyah yazyikovoy sredyi // Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Pedagogicheskie nauki. – 2009. – 8. – S. 182-188.

Information about the authors:

Bejenari Oxana Anatol'jevna (Milan, UItaly) *– Teacher of Russian as a foreign language at the* ***University of Milan*** *(UNIMI Univeristà degli studi di Milano), via Pertini, 2 Bareggio (Milano) 20010 ITALIA. E-mail: oxana.bejenari@unimi.it*

Pomortseva Natalya Vladimirovna (Moscow, Russian Federation) *– Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, dean of the Russian language and General Educational Disciplines Faculty of Peoples' Friendship University of Russia, 117198, Moscow, str. Mikluho-Maklay, d. 10, K. 3 RUDN, the Russian language and General Educational Disciplines Faculty. E-mail: pomortseva_nv@rudn.university*

DOI: 10.24411/2470-1262-2018-10026

УДК (UDC) 378.147.88

Irina Pak, Haiyun Yan,
Tianjin normal university,
Tianjin, China

For citation: Pak Irina, Yan Haiyun, (2018). Research activity of postgraduate students in Chinese universities (Russian language faculty). Cross-Cultural Studies: Education and Science. Vol.3, Issue II, pp. 135-142 (in USA)
Manuscript received: 04/19/ 2018
Accepted for publication: 06/13/2018
CC BY 4.0

О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ МАГИСТРАТУРЫ В КИТАЙСКИХ ВУЗАХ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ «РУССКИЙ ЯЗЫК»)

RESEARCH ACTIVITY OF POSTGRADUATE STUDENTS IN CHINESE UNIVERSITIES (RUSSIAN LANGUAGE FACULTY)

Abstract

The article shows the problem of organization of research activity for postgraduate students of the Russian Language Faculties in Chinese universities. The authors describe the current state of the higher education system in China based on language faculties and analyse the model of teaching students of Russian Language majors. Such problems of postgraduate students as a lack of knowledge of scientific style, an inability to conduct scientific discussion, impossibility of independent choice of research subject are revealed. Ways to improve the quality of education, to achieve the advance level of language, to obtain skills necessary for the perception of authentic texts, to conduct scientific discussions, as well as to create their own scientific texts taking into account stylistic norms of the Russian language are proposed. Among them are introduction of courses, developing skills of reading and writing, organization of scientific conferences, joint work on writing articles, etc.

Keywords: *Chinese higher education; liberal education in China, Russian as a foreign language, research activity*

Введение

Подготовка высококвалифицированных специалистов, способных с успехом решать профессиональные задачи, остается одним из приоритетных направлений для вузов, претендующих занять лидирующие позиции. Образование и наука тесно связаны, и получение знаний, основанных на новейших достижениях науки, возможно только при условии правильной организации научно-исследовательской деятельности.

Но в начале 21 века мировая система образования оказалась в кризисной ситуации. Всё большее количество университетов в разных странах, руководствуясь прагматическими целями, превращается в предпринимательские структуры, выпускающие узких специалистов. Это приводит к тому, что студенты, будущая интеллектуальная элита общества, перестают творчески мыслить, теряют способности к критическому осмыслению проблем и самостоятельному научному анализу.

В связи с этим актуальными становятся вопросы, связанные с организацией научной деятельности в современных вузах и формированием научно-исследовательских компетенций.

Рассмотрим данную проблему на примере китайских студентов магистратуры по специальности «Русский язык». Чтобы осуществлять научную деятельность на неродном языке, им необходимо достичь языкового уровня продвинутого этапа, овладеть навыками и умениями, позволяющими воспринимать аутентичные тексты, вести научные дискуссии, а также создавать собственные научные тексты с учетом стилистических норм русского языка.

Теория

Научно-исследовательской деятельности учащихся посвящены работы В.А. Андриеш, Э.А. Биштовой, И.Ю. Даниловой, Л.П. Клобуковой, М.В. Корчагиной, И.А. Кудровой, Н.М. Паньковой и др. По мнению Н.М. Паньковой, подготовка специалистов, способных к исследовательской деятельности, является приоритетной задачей университета как профессионального, культурного и исследовательского центра [13]; И.А. Кудрова указывает на необходимость формирования представлений учащихся о современной научной картине мира [9]; в других работах подчеркивается важность овладения навыками научного исследования (Э.А. Биштова [3], М.В. Корчагина [8]), разрабатываются методы и способы привлечения студентов в науку (Ю.Д. Данилова [4]).

Некоторые исследователи рассматривают особенности работы с иностранными учащимися вузов. В частности, Л.П. Клобукова выявляет причины неумения вести научные дискуссии, в числе которых ограниченное количество аудиторных часов, недостаточный уровень языковой подготовки и др. Автор видит решение во введении дополнительного спецкурса по риторике на завершающем этапе [7]. И.И. Бакланова, анализируя научные работы российских и иностранных студентов, приходит к выводу, что главная проблема для учащихся – в смешении стилей: учащиеся имитируют хорошо знакомый учебно-научный

стиль, в то время как диссертации должны быть оформлены в соответствии с собственно-научным стилем [2].

С бурным развитием общества и ростом потребности специалистов по русскому языку в последние годы многие китайские учёные уделяют особое внимание вопросам, связанным с развитием магистерского образования по специальности «Русский язык и литература». С разных точек зрения они анализировали данную проблему в вузах Китая, выявляли недостатки и их причины, рассматривали модели подготовки магистрантов к научно-исследовательской деятельности, описывали методы и пути дальнейшего развития. Чжао Айго изложил факторы, влияющие на развитие магистерского образования [16]. Ма Вэйхун изучила модели подготовки учащихся, систему дисциплин, методы контроля обучения, а также возможность совместного научного руководства, когда у магистранта есть два руководителя по разным направлениям и др. [12]. Профессор Го Юйци подчеркнул необходимость создания такого курса, как «Россиеведение», при многопрофильной, междисциплинарной и комплексной подготовке русскоязычных кадров, также ученый отметил важность обновления системы дисциплин [5]. Известный учёный Ван Минюй подробно исследовал процесс развития магистерского образования по специальности «Русский язык и литература» в вузах Китая, анализируя проблемы, с которым сталкиваются студенты и преподаватели [14]. Что касается трансформации модели подготовки магистрантов, то теперь модель совместного китайско-российского обучения в вузах КНР находится в центре внимания, этому вопросу посвящена статья Лю Фана [11]. О состоянии китайской системы образования и положении дел на факультетах русского языка говорится в статье Ли Лэйжуна [10]. По его словам, школьная система государственного тестирования, тяжелая нагрузка при подготовке, конкуренция на всех уровнях образовательной системы привели к тому, что учащиеся «утратили умение решать практические задачи и самостоятельно мыслить, творческий потенциал и интерес к учебе» [10, с. 74].

Несмотря на большое количество работ, недостаточно изученной остается проблема организации научно-исследовательской деятельности китайских русистов (студентов магистратуры).

Цель и задачи исследования.

Цель данной статьи – описать существующую модель научно-исследовательской деятельности в китайских вузах на примере студентов магистратуры факультетов русского языка, выявить трудности, возникающие при обучении, а также представить пути решения проблемы.

Основной материал исследования.

Современная китайская модель исследовательского университета ориентирована на западную систему образовательного пространства. Китайские вузы стремительно набирают популярность в мире, все больше иностранных студентов прибывает в страну для получения дипломов бакалавра, магистра или доктора наук. В рейтинге лучших вузов мира последних

лет – Университет Цинхуа, Пекинский университет, Нанкинский университет, Университет науки и технологии Китая, Фуданьский университет и др. Вузы тратят средства на строительство загородных кампусов, техническое оснащение аудиторий, привлекают ведущих зарубежных профессоров, возвращают китайских специалистов высокого уровня для работы в стране. Эти факторы способствуют повышению качества образования. Вместе с тем остаются вопросы, которые еще предстоит решить. Один из них – подготовка учащихся к полноценной научно-исследовательской работе на языковых факультетах. Развитие гуманитарного образования, по мнению Цзянь Юго, находится в Китае на начальной стадии, хотя интерес к нему в последние годы возрастает. Лекционные занятия и заучивание наизусть не способствуют самостоятельному мышлению студентов и развитию креативности [6]. Лидирующие позиции по-прежнему сохраняют учебные заведения технического профиля, где происходит активное включение студентов в науку уже на первых этапах обучения.

Русский язык изучают в школах (в основном в провинциях Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин), но их число небольшое, также в колледжах (государственных и частных) и университетах. Программа бакалавриата предлагается в некоторых колледжах и во всех вузах (4 года), магистерские программы (2-3 года в зависимости от специальности) и докторские (PhD, около 3 лет) – только в вузах. Есть государственные программы, финансирующие зарубежные стажировки и исследовательскую деятельность. В настоящее время более чем 140 вузов Китая имеют кафедры, где преподают русский язык, количество студентов растет с каждым годом, их число уже достигает 30 000.

В университетах обычно русский язык изучается «с нуля». Менее четверти поступивших выбирали эту специальность в качестве приоритетной. Как правило, на факультетах русского языка обучаются те, кто не смог поступить на другие факультеты. Трудно представить, что в таких обстоятельствах у студентов будет внутренняя мотивация к изучению предмета и через несколько лет они смогут написать настоящую диссертацию. Выпускная квалификационная работа бакалавра не всегда связана с собственным научным исследованием. В некоторых вузах предлагается перевод произведения (художественная, историческая, философская литература) с русского языка на китайский, в других – создают научные тексты из переработанного ранее материала других исследователей, что предопределяет реферативный характер изложения.

Причины поступления в магистратуру или докторантуру разные: найти лучшую работу за счет степени магистра или доктора, не всегда по специальности; посвятить себя педагогической деятельности, получить возможность зарубежной стажировки и др. Лишь небольшой процент студентов продолжение обучения связывает со стремлением заниматься исследовательской деятельностью. На начальном этапе обучения в магистратуре они не подготовлены «ментально» к серьезной исследовательской работе.

Студенты магистратуры часто выбирают темы диссертаций на втором году обучения. Предлагаются такие направления, как литературоведение, лингвистика, переводоведение и др. Большинство работ пишется по лингвокультурологии с использованием сопоставительного метода. В первый и второй годы обучения студенты посещают лекции

(«Основной курс», «Введение в языкознание», «История русской культуры», «Современная литература», «Стилистика» и др.), есть небольшое количество семинарских занятий. Подготовка к защите проходит на третьем году обучения. Требования к квалификационной работе в вузах разные. В некоторых университетах диссертацию можно писать на китайском языке, на русском пишется только аннотация. Нет жестких требований по публикациям в научных журналах.

Безусловно, все эти факторы приводят к тому, что студенты испытывают объективные трудности при обучении в университете и написании квалификационной работы. Что мешает успешному научному исследованию даже в тех случаях, когда есть желание?

Во-первых, студенты магистратуры определяются с темой на второй или третий год обучения. За год-полтора им предстоит ознакомиться с соответствующей литературой, изучить методы и приемы исследования, собрать анализируемый материал. Безусловно, этого времени недостаточно.

Во-вторых, у них не развиты навыки чтения научной литературы на иностранном языке. Неполноценное восприятие научного текста ведет к тому, что студенты часто не могут выделить ключевые идеи прочитанной статьи, отметить речевые обороты и выражения, характерные для этого стиля.

В-третьих, одной из главных проблем является написание научного текста. Смешение стилей приводит к таким казусам, когда в научном тексте используются междометия, лозунги, грубая разговорная лексика. Происходит хаотичное перебрасывание знакомых слов в чужеродную среду. В попытках создать интеллектуальный фон речи студенты «нагружают» свой текст сложными синтаксическими конструкциями и терминами, значение которых они до конца не понимают. Также известны ошибки, обусловленные некоторыми национально-психологическими особенностями китайских учащихся. В практике применяется термин «китайский русский», когда происходит своеобразное наложение двух языков, и студент осуществляет перевод языковых конструкций, оставаясь в рамках родного языка – его структуры, семантических связей, культурных фонов [15, с. 294].

В большинстве случаев студенты магистратуры создают не собственные, а вторичные тексты реферативного типа в связи с неразвитыми терминологическими и профессионально стилевыми навыками. Кроме того, возникают трудности при разграничении жанров письменной и устной научной речи, отличающихся композицией, структурой, синтаксисом.

Защита диссертации обычно проходит на русском языке, и не всегда учащиеся готовы описать свое исследование и ответить на вопросы оппонентов в соответствующем объеме по причине несформированности исследовательской компетенции.

Полученные результаты

На наш взгляд, необходимы следующие меры, способствующие успешному осуществлению научно-исследовательской деятельности.

1. Вводить дополнительные спецкурсы «Стилистика», «Научный стиль речи», «Письменная речь», «Чтение научной литературы» и др., формирующие навыки разграничения стилей и их языковых средств. Разрабатывать национально-ориентированные комплексы упражнений по развитию навыков чтения и написания научного текста. Задания должны быть направлены на практическое овладение жанрами научной речи.
2. Учитывать индивидуальные предпочтения учащихся, расширять круг научных интересов, читать статьи, связанные с разными областями научного знания, предоставить студентам возможность самостоятельно выбирать тему.
3. Создавать небольшие тексты реферативного содержания на начальном этапе, в которых задана определенная научная проблема и осуществляется поиск ее решения. Подбирать тексты по специальности, составлять свой список научной литературы, а также «научный словарь», включающий слова и выражения по данной теме. Должно происходить постепенное накопление словарного запаса.
4. Организовывать научно-практические конференции для молодых ученых, где студенты магистратуры получали бы возможность развивать навыки устной научной речи, участвовать в дискуссиях, аргументировать свою точку зрения, представлять результаты собственного научного исследования.
5. Работать над написанием статей в соавторстве с научным руководителем, публиковать их в научных журналах, сборниках конференций.
6. Проводить практические занятия, в ходе которых предлагать разные виды заданий: выразить согласие/несогласие, доказать свою точку зрения, задать вопрос, опровергнуть гипотезу, выразить противоположное мнение.
7. Использовать современные средства обучения. Насыщенное информационное пространство открывает большие возможности для научной деятельности (многие журналы имеют онлайн-версии, в разных точках мира проходят интернет-конференции, существует возможность пройти дистанционные курсы ведущих университетов, проконсультироваться с опытными преподавателями).

Выводы

Безусловно, подготовка высококвалифицированных специалистов-переводчиков является первоочередной задачей университета, реагирующего на социальные изменения. Но вместе с тем воспитание творческой личности, способной вести научно-исследовательскую деятельность, также является одной из важнейших задач образования. Какими качествами должна обладать личность учащегося? Прежде всего, способностью к самообразованию, критичностью, умением анализировать и сопоставлять факты, гибкостью мышления и желанием развиваться.

References:

1. Andriesh V.A. (2009) Pedagogicheskoe testirovanie kak sredstvo povysheniya kachestva professional'noj podgotovki studentov v vuze (na materiale podgotovki pedagogicheskih kadrov): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08 [Pedagogical testing as a method of

improving the quality of professional training of students in the university (on the material of training of pedagogical staff): Annotation of Dis. ... Ass. Prof. Of Ped. Sciences] / Andriesh Valentina Aleksandrovna; GOU VPO «Orlovskij gosudarstvennyj universitet», Orel, 24.

2. Baklanova I.I. (2010) Obraz adresata nauchnogo teksta i yazykovoe oformlenie uchebno-issledovatel'skih rabot studentov [The image of the addresse of a scientific text and the speech structure of student's training research paper] // Russkij yazyk za rubezhom [Russian Language Abroad], № 5, 49-58.
3. Bishtova E.A. (2008) Nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' kak faktor professional'nogo razvitiya studenta [Research activity as a factor of professional development of a student] // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science], №49, 253-257.
4. Danilova I.Y. (2010) Mnogourovnevaya model' organizacii nauchno-issledovatel'skoj raboty studentov kak sredstvo obespecheniya kachestva obrazovaniya v vuze: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08 [Multilevel model of students' research work organization as a method of ensuring quality of education in university: Annotation of Dis. ... Ass. Prof. of Ped. Sciences] / Danilova Irina Yur'evna; Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij (g. Ryazan'), M., 20.
5. Guo Yuqi. (2005) Cultivation of Interdisciplinary Talents and Curriculum Reform of Russian Teaching. Teaching Russian in China, №4, 12-15.
6. Jang You Gou. (2012) Liberal Arts Education in the Chinese Perspective // International higher education, №68, 25-26.
7. Klobukova L.P. (1998) Nauchnaya diskussiya kak akt kommunikacii (lingvometodicheskij aspekt) [Scientific discussion as an act of communication] // Yazyk, soznanie, kommunikaciya [Language – Mind – Communication], M.: «Filologiya», №3, 5-20.
8. Korchagina M.V. (2010) Model' formirovaniya gotovnosti k nauchno-issledovatel'skoj deyatel'nosti budushchih pedagogov professional'nogo obucheniya [A model of developing preparedness for research activities of pre-service teachers of professional training] // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena [Izvestia: Herzen University Journal Of Humanities & Science], № 121, 120-124.
9. Kudrova I.A. (2007) Formirovanie predstavlenij o sovremennoj nauchnoj kartine mira v processe issledovatel'skoj deyatel'nosti uchashchihsya: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 [Creating ideas of the modern scientific picture of the world in the process of students' research activities: Annotation of Dis. ... Ass. Prof. of Ped. Sciences] / Kudrova Irina Arkad'evna; GNU Institut soderzhaniya i metodov obucheniya Rossijskoj akademii obrazovaniya, M., 23.
10. Li Leirong. (2011) Metody i puti povysheniya kachestva podgotovki kitajskih studentov-rusistov [Methods and ways to improve the quality of training of chinese students of Russian language and literature] // Russkij yazyk za rubezhom [Russian Language Abroad], № 4, 71-75.
11. Liu Fang. (2015) A Tentative Study of the Sino-Russia Cooperative Teaching Model in Chinese Universities. Teaching Russian in China, №2, 51-54.

12. Ma Weihong. (2006) A Study of the Cultivation Model of Russian-major Postgraduate in China: Reform and Rethink. Journal of Shenyang Normal University (Social Science Edition), №6, 116-118.
13. Pan'kova N.M. (2007) Ideya universiteta v sovremennoj obrazovatel'noj paradigme [The idea of university in modern educational paradigm] // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], T. 311, №7, 163-165.
14. Wang Mingyu, Li Wen'ge. (2009) On the Development of Russian-major Postgraduate Education. Teaching Russian in China, №1, 10-15.
15. Yang Fang. (2014) Teaching Russian Language Writing To Chinese Students // Procedia – social and behavioral science, №154, 292-296.
16. Zhao Aiguo. (2006) Sustainable Development Issues about Russian-major Postgraduate Education.Teaching Russian in China, №3, 11-14.

Information about the authors:

Irina Pak (Tianjin, China) *– PhD, Visiting Professor. Russian department, Tianjin normal university. Address: Binshuixidao str.393, 16-601, 300384, Tianjin, China, e-mail: ira3822@yandex.ru.*

Yan Haiyun (Tianjin, China) *– PhD, Professor. Russian department, Tianjin normal university.*
Address: Binshuixidao str.393, Li Jiao A, 119, 300384, Tianjin, China,
e-mail: tjnu_yhaiyun@163.com

Статья выполнена по гранту Тяньцзинского педагогического университета «Исследование модели подготовки кадров в области русского языка с точки зрения межкультурной коммуникации на фоне идеи «Один пояс, один путь», JGZD01217001.

DOI: 10.24411/2470-1262-2018-10027

УДК (UDC) 811.161.1’243378.147.091.33(075.8)

Svetlana V. Varava,
V. N. Karazin Kharkov National University,
Kharkov, Ukraine

For citation: Varava S.V., (2018).
The role of the profile-training manual in technology of Professionally oriented Linguistic competence formation.
Cross-Cultural Studies: Education and Science.
Vol.3, Issue II, pp. 143-157 (in USA)
Manuscript received: 04/20/ 2018
Accepted for publication: 06/13/2018
CC BY 4.0

РОЛЬ ПРОФИЛЬНОГО УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ В ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

THE ROLE OF THE PROFILE TRAINING MANUAL IN THE TECHNOLOGY OF PROFESSIONALLY ORIENTED LINGUISTIC COMPETENCE FORMATION

Abstract

The paper deals with the role of a profile-training manual in the technology of professionally oriented linguistic competence formation.

A short excurse into the history of the development of the methodology of teaching Russian as a foreign language has been made and it is shown that many years ago great attention to the future specialty of students was paid. However, later the number of training profiles was subsequently reduced to a minimum, and students of narrow specialties cannot receive now high quality professional-oriented training.

The author of the paper analyzes the training of foreign students at the initial stage with the help of existing programs and manuals and shows that the attention to the narrow profile of foreign students at the initial stage is necessary. She analyzed the existing situation and describes

programs created by her and manuals for the narrow profile of students specialized in fine arts and design.

To prove the hypothesis, the author carried out an experiment, the content and results of which are described in the paper.

The theoretical significance of the work and scientific novelty consist in the justification of the need to expand the traditionally established profiles of foreigners' training and to describe the methodology for the formation of professionally oriented linguistic competence among foreigners through the use of narrow-profile teaching materials.

The proposed methodology for the formation of professionally oriented linguistic competence and the model for the creation of profile-oriented teaching materials can also be used while creating programs and manuals for the formation of linguistic competence among foreign students of the preparatory faculties specialized in musical culture and art, history and law, philology, etc.

Keywords: *foreign students, initial stage of training, technology of professionally oriented linguistic competence formation, narrow-profile teaching, profile training manual*

Введение

Формирование лингвистической компетентности для общения иностранцев в учебно-научной сфере, то есть обучение иностранцев языку специальности в связи с необходимостью учета профиля обучения студентов в условиях подготовительных факультетов вузов, постоянно находилось в фокусе внимания на протяжении становления и развития методики РКИ, начиная с 50-ых г. г. XX века. Ученые и методисты не только теоретически обосновывали необходимость учета специальности студентов, но и разрабатывали специальные программы и учебные пособия, что способствало качественному профильно ориентированному обучению [24, с. 143; 33, с. 23; 38, с. 20-21; 29, с. 26; 31, с. 20; 33, с. 23; 35; 29, с.28; 1; 17; 11; 20; 21 и др.].

Уже в то время все большее число методистов и преподавателей-практиков приходило к выводу о том, что успешно обучать иностранцев русскому языку можно только на базе научного отбора лексики и синтаксических конструкций с учетом будущей специальности студентов. Под «специальностью» понимался комплекс профильных дисциплин, изучаемых студентами конкретного вуза на подготовительном факультете, а также на I и II курсах. Соответственно, под «языком специальности» понимали все разновидности научного стиля изучаемых дисциплин, а, говоря об «учете специальности», имели в виду оказание реальной помощи студентам в овладении языком специальности в широком смысле, исходя из возможностей, которыми располагал преподаватель русского языка [27, с. 8].

Преподаватели-практики и методисты уже тогда отмечали, что общеупотребительную (общелитературную, разговорную) речь иностранные студенты усваивали не только во время аудиторных занятий и при выполнении домашних заданий по русскому языку, но и в процессе постоянного речевого общения с носителями русского языка в жизни, в быту. В

то же время научная речь (язык конкретной специальности, изучаемой дисциплины) обладала большей замкнутостью, употребительность ее была ограничена сравнительно узким кругом людей одной или смежных специальностей.

Методисты отмечали, что разновидности научной речи часто существенно отличались друг от друга на лексическом уровне. С этой лексикой иностранные студенты сталкивались непосредственно в ходе овладения будущей специальностью на лекциях, практических занятиях, при чтении учебной литературы, при подготовке к занятиям и экзаменам. В связи с этим отмечалось, что эта сфера языкового общения являлась для иностранцев более узкой, но все же практически самой важной для них, т. к. целью изучения русского языка в конечном итоге было получение образования по избранной специальности, а сам язык являлся средством овладения будущей профессией.

Таким образом, к концу 60-ых г. г. – началу 70-ых г. г. учет специальности в процессе обучения русскому языку иностранных студентов был признан одним из ведущих методических принципов [24, с. 143; 3, с. 5; 2, с. 86; 38, с. 23; 35, с. 37-39; 32, с. 88; 12, с. 63-64; 16, с. 147 и др.]; было разработано достаточно большое количество учебников, учебных пособий (в том числе, и для формирования профессионально ориентированной лингвистической компетентности), частотных словарей, сборников упражнений, текстов для чтения и т. п. на ведущих подготовительных факультетах в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, перечень и описание которых можно найти в публикациях тех лет, в частности в [34; 10; 25; 23; 18; 20].

В конце 70-ых – начале 80-ых г. г. прошла дискуссия «Каким должен быть учебник русского языка для нефилологов [14; 39; 28; 22; 30; 19]. Итоги этой дискуссии подвели В. Г. Костомаров и О. Д. Митрофанова в [13], где они отметили, что обмен мнениями, прошедший на страницах журнала в ходе дискуссии, показал, что многие участники дискуссии разделяли идеи типизации и комплексности учебных материалов. Абсолютное большинство из них (Р. Л. Эрнандес, Э. Ю. Сосенко, И. Пал и др.) выступило против создания и использования узкоспециальных учебников и одобрило идею создания типовых учебных комплексов профильного характера.

Эта дискуссия значительно повлияла на формирование профилей обучения студентов на подготовительных факультетах, список которых с тех времен практически не изменился: экономический, медико-биологический, инженерно-технический и гуманитарный. Современные условия, сложившиеся в конце XX-начале XXI веков, выдвинули новые проблемы. Изменился социальный заказ, приоритеты студентов в выборе специальности, что, бесспорно, должно было найти свое отражение в пересмотре профилей обучения иностранных граждан на подготовительных факультетах вузов. В то же время анализ литературы показывает, что в последние годы не выходили значимые работы, посвященные обучению НСР на подготовительных факультетах вузов, кроме [15]; вопросы обучения языку специальности были рассмотрены в [36; 37].

Теория

Современный этап обучения иностранцев на подготовительных факультетах вузов Украины выдвигает новые проблемы, не все из которых, к сожалению, получают адекватное решение в настоящее время: в частности, это касается различных вопросов, связанных с учетом специальности студентов, профилем обучения и, соответственно, с формированием профессионально ориентированной лингвистической компетентности. Актуальность данной проблемы подтверждают дискуссии, неизменно возникавшие на конгрессах и симпозиумах МАПРЯЛ и различных научно-практических и научно-методических конференциях, проходивших в последнее десятилетие, а также большое количество публикаций ученых, методистов и преподавателей-практиков, посвященных данной проблематике.

Среди главных проблем, на которые ученые-методисты и преподаватели-практики Украины и России на современном этапе не дают однозначных ответов, можно выделить:

- вопрос о количестве и перечне профилей (направлений) подготовки, с чем тесно связано создание новых учебных планов, программ и пособий, а также методическая проблема характера отбираемого текстового и лексико-грамматического материала;
- возвращение к детально разработанным принципам межпредметной координации.

Суть первой и тесно связанной с ней второй из обозначенных проблем заключается в том, что в последние годы, как уже было отмечено, изменился перечень специальностей, по которым иностранные граждане выражают желание получить образование в Украине. До 90-ых г. г. интерес большинства иностранцев был в основном сосредоточен в области получения образования по медико-биологическим, инженерно-техническим и естественнонаучным специальностям. В последнее время количество желающих обучаться по естественнонаучным специальностям (математика, физика, химия, биология) существенно сократилось, по инженерным – уменьшилось. В то же время увеличилось количество иностранных студентов, желающих получить образование по гуманитарным, социальным и творческим специальностям: изобразительное искусство, дизайн; театральное искусство, кино-, телеискусство; хореография, музыкальное искусство; филология, журналистика; психология; международные отношения, право, история; социология. После окончания подготовительного факультета иностранные студенты в дальнейшем получают образование в вузах Украины по следующим направлениям: филология, журналистика; история, право, правоведение; изобразительное искусство, реставрация произведений искусства, дизайн, декоративно-прикладное искусство, архитектура; театральное искусство, хореография, музыкальное искусство) [5; 6; 7; 8]. Согласно Типовым учебным планам для довузовской подготовки иностранцев, утвержденным Министерством образования и науки Украины в 1999 г. [26], студенты, получающие образование по гуманитарным, социальным и творческим специальностям, должны быть объединены в один профиль, называемый «гуманитарные специальности», и обучаться по общему учебному плану, что препятствует качественной подготовке по указанным направлениям.

Также необходимо отметить, что, в соответствии с постановлением Кабинета министров Украины от 13. 12. 2006 г. № 1719 «О перечне направлений, по которым осуществляется подготовка специалистов в высших учебных заведениях Украины …», к гуманитарным специальностям относятся только «Философия», «История» и «Филология», а остальные вышеназванные – к направлениям «Искусство», «Право» и др. [5].

Для всех студентов так называемого «гуманитарного профиля» Типовой учебный план предусматривает изучение дисциплин «Основы украинской и зарубежной литературы», «История», «Экономическая и социальная география мира». На изучение, например, литературы планом отводится 164 часа аудиторного времени. Но во время обучения на продвинутом этапе в вузах Украины продолжают изучать литературу только студенты филологических факультетов, факультетов журналистики и иностранных языков, а географию, на изучение которой на подготовительном факультете отведено 120 ауд. часов, студенты гуманитарных, социальных и творческих специальностей в дальнейшем не изучают вовсе.

Анализ соотношения профильных и непрофильных дисциплин для различных специальностей студентов (см. таблицу 1.1), показывает, что в существующих учебных планах удельный вес профильных дисциплин для будущих медиков, инженеров, экономистов, а также студентов естественнонаучных специальностей (математика, механика; физика; химия) составляет в среднем 40 %. Таким образом, формирование терминологической базы языка специальности для перечисленных направлений подготовки студентов имеет хорошую основу.

Таблица 1.1

Соотношение профильных и непрофильных дисциплин
для различных направлений довузовской подготовки
иностранных студентов в существующих Типовых учебных планах
–

Специальности	Количество аудиторных часов в %			
	Русский (украинский) язык	Профильные дисциплины	Непрофильные дисциплины	
			%	Название
Медико-биологические	54,0	38,4	7,6	Страноведение, информатика
Инженерно-технические	54,0	42,3	3,7	Страноведение
Экономические	55,9	40,4	3,7	Страноведение
Психология	60,0	23,2	16,8	История, информатика
Математика, механика	54,2	42,0	3,8	Страноведение
Физика	54,0	42,2	3,8	Страноведение
Химия	54,0	42,2	3,8	Страноведение
Гуманитарные:				

Филология и журналистика	62,9	12,3	24,8	История, география, информатика
Право и история	62,9	21,0	16,1	Литература, информатика
Изобразительное искусство и дизайн	62,9	0	37,1	Литература, история, география, информатика
Музыкальное искусство и культура	62,9	0	37,1	Литература, история, география, информатика

Бесспорно, что лексико-грамматический материал, изучаемый студентами гуманитарных, социальных и творческих специальностей на подготовительных факультетах, тоже должен соответствовать коммуникативным потребностям студентов первых курсов соответствующих факультетов вузов, то есть учебные планы должны учитывать преемственность в обучении. В то же время, как видно из таблицы 1.1, удельный вес профильных дисциплин для будущих психологов, историков, правоведов, филологов и журналистов значительно меньше (12-23 %), а для студентов творческих специальностей отсутствуют условия для формирования терминологической базы языка специальности и коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере, так как преподавание профильных дисциплин для них не предусмотрено вовсе.

Данные и методы

Исходя из вышеизложенного, необходимость создания узкопрофильных учебных пособий для формирования профильно ориентированной лингвистической компетенции на начальном этапе не вызывает сомнений.

В связи с этим автором данной статьи было проведено теоретическое исследование, а впоследствии составлены учебные программы для обучения языку специальности иностранных студентов подготовительных факультетов вузов Украины (рабочая программа по научному стилю речи для студентов подготовительных факультетов вузов Украины, обучающихся по направлению «изобразительное искусство и дизайн» и программа по курсу «Изобразительное искусство» (программа рекомендована Научно-методической комиссией по подготовке иностранных граждан Министерства образования и науки Украины 23.03.2004 г., протокол № 6; утверждена Министерством образования и науки Украины 7.07.2004 г.), на базе которых были написаны учебные пособия:

- Варава С.В. Русский язык. Научный стиль: Учебное пособие для студентов-иностранцев подготовительных факультетов вузов (специальность – «Изобразительное искусство и дизайн»). – Издание 2-ое. – Харьков: ООО «ДИСА ПЛЮС», 2018. – 412 с.; рекомендовано Министерством образования и науки Украины в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, письмо №1/11-8562 от 20.05.13 [4];
- Варава С.В. Изобразительное искусство: Учебное пособие для иностранных студентов подготовительных факультетов, специальность – «Изобразительное искусство и дизайн». – Часть I. – Издание 4-ое. – Харьков: ООО «ДИСА ПЛЮС», 2018. – 124 с.; рекомендовано

Министерством образования и науки Украины в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, письмо №1/11-788 от 29.01.2013 г. [9].

Учебные пособия были апробированы в течение нескольких лет в ряде вузов Украины, обработаны и описаны результаты диагностико-констатирующего среза; откорректированы апробируемые учебные пособия; обобщена и систематизирована типология упражнений; проведён формирующий эксперимент, в ходе которого проверялось влияние предлагаемой методики на достижение высокого уровня формирования профессионально ориентированной лингвистической компетентности в русском языке у иностранных студентов при помощи профильно-ориентированных учебных пособий.

Теоретическое значение работы состояло в обосновании необходимости расширения традиционно сложившихся профилей обучения иностранцев и описании методики формирования профессионально ориентированной лингвистической компетентности у иностранцев при помощи использования узкопрофильных учебных пособий.

Практическую ценность представляет собранный фактический материал, который является базой для формирования профессионально ориентированной лингвистической компетентности в русском языке и основой создания специального профильно-ориентированного учебного пособия для формирования лингвистической компетентности в языке профессионального общения иностранцев, специализирующихся на начальном этапе обучения по направлению «изобразительное искусство и дизайн». Кроме того, предложенную методику формирования профессионально-ориентированной лингвистической компетентности и модель создания профильно-ориентированных учебных пособий целесообразно использовать и при создании учебных пособий для формирования лингвистической компетентности у иностранных студентов подготовительных факультетов других направлений подготовки (в частности, «музыкальная культура и искусство», «история и право», филологический профиль и т.д.)

Полученные результаты

Учебное пособие по научному стилю [4] создано для студентов подготовительных факультетов, которые в дальнейшем продолжают обучение в вузах художественного профиля по специальностям «Изобразительное искусство», «Дизайн», «Реставрация произведений искусства», «Архитектура» и т.п.

Данное пособие создавалось в координации с профильными дисциплинами «Изобразительное искусство», «История искусства» и «Учебный рисунок», изучаемыми на подготовительных факультетах, и с учетом лингводидактических основ и методических принципов создания профильно ориентированных учебных пособий по РКИ как средства формирования профессионально ориентированной лингвистической компетентности и в тесной координации со специальными дисциплинами, изучаемыми на первом курсе вузов художественного профиля.

Учебное пособие было апробировано в ряде вузов городов Украины. Ограниченный объем статьи позволяет продемонстрировать итоги проведения эксперимента на базе лишь одного вуза, которым мы выбрали Харьковский университет строительства и архитектуры.

Эксперимент проводился на первом курсе указанного университета в группах студентов-иностранцев, обучающихся на архитектурном факультете по специальности «Архитектура и градостроительство» по следующим специализациям: «Архитектура зданий и сооружений»; «Дизайн архитектурной среды»; «Реставрация памятников архитектуры и градостроительства и реконструкция объектов архитектуры». На первом курсе среди изучаемых дисциплин: архитектурное проектирование; современные проблемы архитектуры и градостроительства; критика современных архитектурных теорий; ландшафтная архитектура и благоустройство территорий; архитектура жилых зданий; архитектура культовых сооружений; история архитектуры; история искусств.

В 1917/1918 уч.г.г. на первый курс поступило 130 студентов-иностранцев, из них 100 – архитекторы, 30 – строители (всего 6 групп: группы А11-А16). 30 студентов из указанного количества обучалось в прошлом году на подготовительном факультете с использованием учебных программ и пособий, разработанных автором настоящей статьи.

Эксперимент проводился в два этапа: входящее тестирование при поступлении в университет и контрольный срез знаний в конце первого семестра, что позволило сравнить результаты, полученные в экспериментальных группах (студенты, обучавшиеся на подготовительном факультете с использованием профильного учебного пособия) и контрольных группах (студенты, не получившие специальной подготовки), а также проследить динамику изменения результатов в итоге изучения специальных дисциплин в первом семестре.

В качестве заданий студентам предлагался тест на знание лексики; набор упражнений, проверяющих знание лексико-грамматических и синтаксических конструкций; а также текст для чтения с последующим заданием выбрать правильный вариант ответа, основываясь на информации текста.

Приведем фрагменты заданий, которые использовались в процессе входящего тестирования.

Тест на знание лексики (всего 60 вопросов):

1. Какие виды искусства вы знаете?
а) литература, кино, театр, изобразительное искусство;
б) живопись, графика, скульптура, архитектура.
2. Какие виды изобразительного искусства вы знаете?
а) литература, кино, театр, изобразительное искусство;
б) живопись, графика, скульптура, архитектура.
3. Что такое живопись?
а) создание памятников;

б) создание проектов красивых домов;

в) умение рисовать красками;

г) создание чёрно-белых рисунков.

4. Что такое графика?

а) создание памятников;

б) создание проектов красивых домов;

в) умение рисовать красками;

г) создание чёрно-белых рисунков.

5. Что такое скульптура?

а) создание памятников;

б) создание проектов красивых домов;

в) умение рисовать красками;

г) создание чёрно-белых рисунков.

6. Что такое архитектура?

а) создание памятников;

б) создание проектов красивых домов;

в) умение рисовать красками;

г) создание чёрно-белых рисунков.

23. Что такое пропорции?

а) отношение между размерами предмета;

б) отношение между размерами различных предметов;

в) отношение между размерами предмета и отношение между размерами различных предметов;

г) отношение размера предмета на бумаге к реальному размеру предмета.

24. Что такое масштаб?

а) отношение между размерами предмета;

б) отношение между размерами различных предметов;

в) отношение между размерами предмета и отношение между размерами различных предметов;

г) отношение размера предмета на бумаге к реальному размеру предмета.

Упражнения, направленные на проверку знаний лексико-грамматических и синтаксических конструкций, характерных для научного стиля речи (в каждом упражнении 7 предложений).

1. Образуйте существительные от глаголов:

изображать, соединить, смешать, создать, сравнить, отражать.

2. Подберите однокоренные слова к данным словам:

рисовать, создавать, отличаться, чертить.

3. Подберите синонимы:

художник, различие, контур, использовать, репродукция, соединять (краски).

4. Замените предложения синонимичными.

1. Рисунки делятся на цветные и чёрно-белые.

2. Изобразительное искусство возникло в начале человеческой истории.

3. Карандаши бывают твёрдыми и мягкими.

5. Замените причастный оборот конструкцией со словом который *и наоборот.*

1. Краски, смешанные художником на палитре, дали новый цвет.

2. Цвета, получаемые при соединении красок, называют сложными.

3. Резинка, которую использует художник, должна быть мягкой.

6. Замените активные конструкции пассивными и наоборот.

1. Новый тон был получен живописцем.

2. Графикой называют всё, что нарисовали на бумаге.

7. Вместо точек вставьте необходимые глаголы (называть, относиться, передавать, характеризоваться, обладать, существовать, зависеть).

1. Контурный рисунок ... использованием только одного тона.

2. Поверхность каждого предмета ... своим тоном.

5. К материально-техническим средствам рисунка ... краски, карандаши, резинка, бумага.

8. Ответьте на вопросы.

1. Какой рисунок называют линейным?

8. Что такое контурный рисунок?

9. Какие существуют виды композиции?

Текст для чтения «Объём»:

Каждый предмет имеет свою форму. Все предметы по форме можно разделить на плоские и объёмные. Плоскими называют те предметы, у которых есть только длина и ширина: например, лист бумаги. Это двухмерные предметы. Объёмные предметы называют трёхмерными, потому что они имеют не только длину и ширину, но и толщину. Лист бумаги тоже имеет толщину. Но она такая маленькая, что мы не говорим о ней. Из двухмерного предмета легко сделать трёхмерный: например, из бумаги можно сделать кораблик, самолётик или цветок.

Художники умеют передавать объём предмета на бумаге с помощью красок и карандашей. У каждого листа бумаги (или холста) уже есть высота и ширина. Художник должен только показать глубину. То есть на плоском предмете (листе бумаги) он должен нарисовать объёмный предмет или два предмета: один ближе, а другой дальше. Так художник из плоскости листа делает пространство.

Любой объёмный предмет имеет освещённую и неосвещённую стороны. Освещённая сторона называется «свет», а неосвещённая – «тень». Чем сложнее форма предмета, тем сложнее отношения между светом и тенью. Например, на столе лежит книга. Верхняя поверхность книги освещена, а боковая находится в тени. Между светом и тенью есть чёткая граница – прямая линия.

Другой пример: на столе стоит ваза. Тут будет трудно найти границу между светом и тенью, потому что форма вазы сложнее, чем форма книги. Граница не является чёткой,

свет и тень соединяются с помощью растяжки. Эта растяжка, промежуточный тон между светом и тенью, называется «полутон». Чем сложнее форма предмета, тем больше полутонов будет между светом и тенью.

Самое светлое место на предмете, в котором отражается источник света, называется бликом.

Таким образом, понятие «свет» – это сложное понятие: оно включает в себя и блик, и свет, и несколько полутонов.

Некоторые из полутонов близки к тени, потому что в таких местах свет не падает на предмет прямо. Но полутон никогда не станет тенью, потому что тень образуется там, куда свет не падает совсем.

Понятие «тень» – тоже сложное. Оно включает в себя собственную и падающую тень. Собственная тень лежит на самом предмете; это неосвещённая сторона предмета. Падающая тень падает от предмета на плоскость, на которой находится этот предмет.

Чтобы правильно передать объём предмета, художник должен точно изобразить блик, свет, полутона, падающую и собственную тень.

В итоге проведения тестирования высокий уровень в экспериментальных группах показало 70% студентов, средний – 25% и низкий – 5%. В контрольных группах показатель высокого уровня – 0%, среднего – 40% и низкого – 60%. Поскольку контрольные группы не обучались с использованием профильных учебных пособий и программ, очевидно, что они не владели необходимым запасом терминологической лексики и лексико-грамматических и синтаксических конструкций, характерных для данного подвида научного стиля речи. Среднего же уровня в этих группах могло помочь достичь знание общенаучной лексики.

Заключение

Учебное пособие, ориентированное на изучение текстов, базирующихся на специальной терминосистеме, несомненно, имеет определенные дидактические цели, которые последовательно реализуются во всех его составляющих. Ориентация, с одной стороны, на изучение специальной лексики, а с другой, – на изучение общих закономерностей синтаксической организации научного изложения, обусловливает специфику изучаемых студентами текстовых жанров. Тексты, включенные в пособия подобного рода, подбираются с учетом программы будущей специальности и позволяют не только формировать элементарные навыки работы с текстом, но и создают необходимый для этой специальности культурный фон. К концу обучения на подготовительном факультете в результате работы, построенной подобным образом, у студентов формируются основы профильно ориентированной лингвистической компетентности. Они владеют необходимым минимумом терминосистемы и лексико-грамматических конструкций, характерных для изучаемой специальности, способны адекватно обучаться на

первом курсе: слушать лекции по специальности, принимать участие в практических и лабораторных занятиях, читать литературу по специальности, извлекая из нее необходимую информацию.

Проведенный эксперимент подтвердил правильность нашей гипотезы о необходимости формирования лингвистической компетентности с использованием узкопрофильных учебных пособий. А именно: процесс обучения иностранных студентов на подготовительных факультетах вузов языку профессионального общения будет более эффективным, если:

- обучение будет организовано с учетом специальности подготовки иностранцев;
- в процессе обучения будут использоваться профильно ориентированные учебные пособия по русскому языку как иностранному;
- профильно ориентированные учебные пособия будут служить средством формирования профессионально ориентированной лингвистической компетентности в русском языке у иностранцев.

References:

1. Alekseev P. M. Kolichestvennoe opisanie rechi primenitelno k obucheniyu yazyku // V pomoshh prepodavatelyam russkogo yazyka kak inostrannogo. – M.: Izd-vo MGU, 1967. – S. 6-19.
2. Bash E. G. Problemy kafedr russkogo yazyka / E. G. Bash, E. I. Motina // Russkij yazyk v nacionalnoj shkole. – 1967. – № 3. – s. 85-87.
3. V pomoshh prepodavatelyam russkogo yazyka kak inostrannogo. – M.: Izd-vo MGU, 1965. – S. 5.
4. Varava S.V. Russkij yazyk. Nauchnyj stil: Uchebnoe posobie dlya studentov-inostrancev podgotovitelnyx fakultetov vuzov (specialnost – «Izobrazitelnoe iskusstvo i dizajn»). – Izdanie 2-oe. – Xarkov: OOO «DISA PLYuS», 2018. – 412 s.
5. Varava S. V. O neobxodimosti sozdaniya gosudarstvennogo standarta na dovuzovskuyu podgotovku inostrancev po gumanitarnym i tvorcheskim specialnostyam / S. V. Varava, V. I. Grucyak // Russkij yazyk, literatura, kultura v shkole i vuze. – Kiev, 2011. – № 5. – S. 52-55.
6. Varava S. V. O neobxodimosti sozdaniya uchebnyx programm dlya dovuzovskoj podgotovki inostrancev po gumanitarnym i tvorcheskim specialnostyam / S. V. Varava, V. I. Grucyak // Russkij yazyk v polikulturnom mire. 2011: V Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya (8-10 iyunya 2011 g., g. Yalta): Sb. nauch. tr. – Kiev, 2012. – S. 140-144.
7. Varava S. V. Pro dovuzivsku pidgotovku inozemnyh studentiv hudozhnyogo profilyu navchannya u VNZ Ukrayiny / S. V. Varava, V. I. Grucyak // Vukladannya mov u vyschih navchalnyh zakladah osvity na sychasnomu etapi. Mizhpredmetni zvyazku.. - Vyp. 17. – Xarkov, 2010. – S. 15-23.
8. Varava S. V. Problemy pidgotovky inozemnyh studentiv za gumanitarnymi spetcialnostyamu na pidgotovchych fakyltetah i shlyahu yih vyrishennya / S. V. Varava, V. I. Grucyak // Visnyk Charkivskoyi derzhavnoyi akademiyi kultury. - Vyp. 24. – Xarkov, 2009. – S. 224-231.

9. Varava S.V. Izobrazitelnoe iskusstvo: Uchebnoe posobie dlya inostrannyx studentov podgotovitelnyx fakultetov, specialnost – «Izobrazitelnoe iskusstvo i dizajn». – Chast I. – Izdanie 4-oe. – Xarkov: OOO «DISA PLYuS», 2018. – 124 s.
10. Vereshhagin E. M. V Nauchno-metodicheskom centre russkogo yazyka pri MGU // Russkij yazyk za rubezhom. – 1968. – № 3. – S. 122-123.
11. Vinogradova I. F. Xarkovskoe gorodskoe metodobedinenie // Russkij yazyk dlya studentov-inostrancev: Sbornik metodicheskix statej. – Vypusk 9. – M.: Vysshaya shkola, 1969. – S. 44-47.
12. Ganicheva V. I. O razvitii monologicheskoj (pismennoj) rechi pri obuchenii russkomu yazyku inostrancev // Russkij yazyk dlya studentov-inostrancev: Sbornik statej. – Vypusk 11. – M.: Vysshaya shkola, 1971. – S. 51-69.
13. Kostomarov V. G. K itogam diskussii «Uchebnik russkogo yazyka i problema ucheta specialnosti» / V. G. Kostomarov, O. D. Mitrofanova // Russkij yazyk za rubezhom. – 1980. – № 6. – S. 50-54.
14. Kostomarov V. G. Uchebnik russkogo yazyka i problema ucheta specialnosti / V. G. Kostomarov, O. D. Mitrofanova // Russkij yazyk za rubezhom. – 1978. – № 4. – S. 49-53.
15. Kutuzova G. I. Mezhdisciplinarnye svyazi v obuchenii inostrannyx studentov. – SPb.: Izd-vo Politexnich. un-ta, 2008. – 378 s.
16. Larioxina N. M. O znachenii mezhstilevyx sopostavlenij pri obuchenii inostrancev russkomu yazyku // Russkij yazyk dlya studentov-inostrancev: Sb. metod. statej, №12. – M.: Vysshaya shkola, 1972. – S. 147-156.
17. Levitskij V. V. K voprosu o celenapravlennosti v obuchenii nauchnoj rechi // V pomoshh prepodavatelyam russkogo yazyka kak inostrannogo. – M.: Izd-vo MGU, 1967. – S. 98-120.
18. Ligacheva Yu.A. Principy otbora uchebnogo materiala dlya podgotovki k chteniyu specialnoj literatury na russkom yazyke v gruppax s texnicheskim profilem obucheniya // Russkij yazyk dlya studentov-inostrancev: Sb. metod. statej, №11. – M.: Vysshaya shkola, 1971. – S. 123-140.
19. Lyubimova N. A. Mesto fonetiki pri obuchenii specialistov-nefilologov // Russkij yazyk za rubezhom. – 1980. – № 6. – S. 44-46.
20. Makarova G. I. Nauchno-metodicheskaya rabota v vuzax Kieva / G. I. Makarova, A. N. Baranovskaya // Russkij yazyk dlya studentov-inostrancev: Sbornik metodicheskix statej. – Vypusk 9. – M.: Vysshaya shkola, 1969. – S. 36-44.
21. Makarova G. I. O putyax intensifikacii obucheniya inostrancev russkomu yazyku / G. I. Makarova, M. F. Paraxina // Russkij yazyk dlya studentov-inostrancev: Sbornik metodicheskix statej. – Vypusk 9. – M.: Vysshaya shkola, 1969. – S. 64-72.
22. Metsa A. A. Chto daet analiz sfer kommunikacii? // Russkij yazyk za rubezhom. – 1980. – № 6. – S. 36-40.
23. Motina E. I. Kompleks uchebnikov i uchebnyx posobij po russkomu yazyku dlya studentov-inostrancev podgotovitelnyx fakultetov vuzov SSSR // Russkij yazyk dlya studentov-inostrancev: Sbornik statej. – Vypusk 11. – M.: Vysshaya shkola, 1971. – S. 192-204.
24. Motina E. I. Ob uchete specialnosti uchashhixsya na zanyatiyax po russkomu yazyku so studentami i aspirantami-inostrancami (primenitelno k estestvennym fakultetam MGU) //

Russkij yazyk dlya studentov-inostrancev: Sbornik metodicheskix statej. – M.: Izd-vo «Sov. nauka», 1955. – S. 143-157.
25. Motina E. I. Prepodavanie russkogo yazyka v Universitete Druzhby Narodov imeni Patrisa Lumumby // Russkij yazyk za rubezhom. – 1969. – № 3(11). – S. 122-125.
26. Navchalni plani ta programi (dovuzivska pidgotovka inozemnix gromadyan) / [Vidpod. red. B. A. Ciganok]. – Ch. 1. – K., 2003. – S. 6-9.
27. Nauchno-metodicheskoe byuro po russkomu yazyku dlya inostrancev. Ob uchete specialnosti pri obuchenii studentov-inostrancev russkomu yazyku // V pomoshh prepodavatelyam russkogo yazyka kak inostrannogo. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1965. – S. 5-38.
28. Pal I. Tipizaciya uchebnyx materialov ili beskonechnoe chislo uzkospecializirovannyx uchebnikov? // Russkij yazyk za rubezhom. – 1979. – № 4. – S. 55-56.
29. Palta I. R. Nauchno-metodicheskoe byuro po russkomu yazyku dlya inostrancev // Russkij yazyk dlya studentov-inostrancev: Sbornik metodicheskix statej. – Vypusk 9. – M.: Vysshaya shkola, 1969. – S. 26-28.
30. Proxorov Yu. E. Lingvostranovedenie v uchebnom komplekse russkogo yazyka dlya zarubezhnyx studentov-nefilologov // Russkij yazyk za rubezhom. – 1980. – № 6. – S. 40-43.
31. Pulkina I. M. Osnovnye etapy v razvitii metodiki prepodavaniya russkogo yazyka inostrancam, uchashhimsya sovetskix vuzov // Russkij yazyk dlya studentov-inostrancev: Sbornik metodicheskix statej. – Vypusk 9. – M.: Vysshaya shkola, 1969. – S. 5-21.
32. Rozhkova G. I. Osnovnye voprosy metodiki prepodavaniya russkogo yazyka inostrancam / G. I. Rozhkova // Russkij yazyk v nacionalnoj shkole. – 1967. - № 5. – S. 85-91.
33. Sokolova G. V. Nauchno-metodicheskij sovet po russkomu yazyku // Russkij yazyk dlya studentov-inostrancev: Sbornik metodicheskix statej. – Vypusk 9. – M.: Vysshaya shkola, 1969. – S. 22-25.
34. Suslova E. Russkij yazyk v stranax mira // Russkij yazyk v nacionalnoj shkole. – 1967. – № 5. – S. 92-94.
35. Fudel N. S. Russkij yazyk – uchashhimsya-inostrancam // Russkij yazyk v nacionalnoj shkole. – 1965. – № 4. – S. 67-70.
36. Chistyakova A. B. Organizaciya obucheniya yazyku inostrannyx uchashhixsya v vuze. – Xarkov: Konstanta, 2005. – 128 s.
37. Chistyakova A. B. Prakticheskoe posobie po metodike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo: Obuchenie aspektam yazyka. – Xarkov: Konstanta, 2007. – 176 s.
38. Shhukin A. N. Iz istorii prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo (50-e – 60-e gody) // V pomoshh prepodavatelyam russkogo yazyka kak inostrannogo. – M.: Izd-vo MGU, 1967. – S. 8-29.
39. Ernandes R. L. Ob universalnom uchebnike i nacionalnom variante / R. L. Ernandes, E. Yu. Sosenko // Russkij yazyk za rubezhom. – 1979. – № 4. – S. 49-55.

Information about the author:

Varava Svetlana V. (Kharkov, Ukraina) *- Assistant Professor, The Department of Ukrainian and Russian as Foreign Languages, Institute of International Students Training, V.N. Karazin Kharkov National University; Svobody Square, 4, Kharkov, 61022, Ukraine. The author of more than 130 academic and methodological papers and about 15 manuals. The field of scientific interests: theory and methodology of creating manuals, methods of teaching the scientific style of speech to foreign students at the initial stage (different directions of training), the specificity of creating narrow-profile manuals for the formation of linguistic competence in Russian among foreign students at the initial stage of training; the design of preparatory faculties work (the development of new curricula, programs and manuals).*
E-mail: varava22@gmail.com

Acknowledgements: *The authors is very grateful to Prof. Alla A. Zernetskaya for her valuable feedback and recommendations in the process of preparation and conducting the experiment.*

Reviews and Notes

Revolution and Evolution: Development Models in Science, Culture, and Society: collection of articles / eds. I.T. Kasavin, A.M. Feygelman. - Nizhni Novgorod: Publishing house of the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2017. - 348 p. – ISBN 978-5-91326-416-9

Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: сборник научных статей / Под общей ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2017. – 348 с. – ISBN 978-5-91326-416-9

Автор: Тимур Хусяинов, Инженер кафедры философии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.
Author: Timur Khusyainov, Engineer of the Department of Philosophy, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

24-25 ноября 2017 года в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского состоялась Первая Всероссийская научная конференция "Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме".

Результатом плодотворной работы и научной консолидации стал сборник научных статей, в который вошли материалы 5 секций конференции.

Основной фокус конференции сосредоточен на моделях развития общества, науки и культуры в контексте эволюционных и революционных процессов, которые происходили и продолжают происходить.

Сборник статей состоит из 5 частей:

Первая часть под названием “Философия науки: историческая перспектива и футурологические прогнозы” включает работы, посвященные научной коммуникации, вопросам истины и доказательства в науке, вопросам смены научных парадигм и т.д.

Вторая часть сборника статей под названием “Новационное развитие и перспективы человека” состоит из статей посвященным современным достижениям науки и техники, и их влиянию на человека и общество, вопросам трансгуманизма, личности в условиях информационного общества, трансформациям в сфере образования, здравоохранения, культуры. Авторы поднимают проблемы боди-модификации, технологизации, “улучшения” тела человека и его сознания, акцентируя внимание как на “смерти” человека и формировании постчеловека, замена социума новой формой общественного уклада - техносом, смене морально-этических установок.

Третья часть данного сборника “Эволюция естественных и искусственных когнитивных систем” включает работы, посвященные философским и этическим аспектам психофизиологических процессов и последним техническим достижениям в сфере искусственного интеллекта.

Четвертая часть под названием “Эпистемология социогуманитарных наук: идея развития” посвящена широкому спектру эпистемологических исследований социальных и гуманитарных наук. Авторы уделили внимание как широким вопросам, затрагивающим весь спектр социогуманитарного знания, как например практический потенциал, "производство" в условиях цифрового общества, концепции истины, так и частным вопросам отдельных наук: экономических, филологических, культурологических и философских.

Пятая часть сборника статей под названием “Социально-историческая динамика: мир человека в эпоху перемен”, включила в себя статьи, посвященные актуальным процессам в современном обществе, а также ретроспективному анализу различных социальных явлений. Большое количество статей посвящено революции как смене одной системы другой, при этом авторы сосредотачивались как на отдельных частных вопросах, например, "Цветных" революциях и месту современных медиа в актах гражданского неповиновения, Информационных войнах, так и вопросах, связанных с общим пониманием революций, идеями частной собственности, революционности элит, вопросами культуры и образования. Авторы затронули такие темы как последствия Четвертой технологической революции и отдельных её достижений, вопросам миграции и модернизации.

Представленный сборник может быть полезен исследователям, преподавателям, аспирантам и студентам.

Characteristics of the journal: international, peer-reviewed, scientometric databases,
published three times a year, open access articles.
Type setting DTP: L. Shmiclt
Printing risography.
Format 60x84 1/16. Offset paper N1. A printed sheet 16.5.
Circulation 100.
Publisher address: Russian Department, Middlebury College, Middlebury, Vermont, USA
e-mail: infoccs.edu@gmail.ru